

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств
им. М.А. Усманова

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ТАТАРСКИХ ХАНСТВ

К 750-летию Золотой Орды

Казань – 2019

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)
К 78

*Издание осуществлено в рамках
VI Международного Золотоордынского форума
в соответствии с Распоряжением Кабинета Министров
Республики Татарстан № 542-р от 18.03.2019 г.*

Шеф-редактор
Р.С. Хакимов

Научный редактор
В.В. Трепавлов

Научные рецензенты:
И.В. Зайцев, Канат Ускенбай, Ю.В. Селезнев

Авторский коллектив:
И.М. Миргалеев, Роман Хаутала, Э.Г. Сайфетдинова,
Т.Р. Галимов, А.В. Аксанов

К 78 Краткая история Золотой Орды и татарских ханств.
К 750-летию Золотой Орды. – Казань: Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 136 с.

ISBN 978-5-94981-311-9

Предлагаемое издание, посвященное истории Золотой Орды и татарских ханств, публикуется в рамках подготовки к празднованию 750-летнего юбилея образования Золотой Орды. Труд вобрал в себя результаты современных академических исследований, которые изложены в сжатом и доступном для читателя виде. Книга предназначена для исследователей, а также для всех, кто интересуется средневековой отечественной историей.

ISBN 978-5-94981-311-9

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)

© Авторы, 2019
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Основание Золотой Орды и период ее расцвета до середины XIV века	7
Смуты в Золотой Орде и образование татарских ханств	14
Цивилизация Золотой Орды и татарских ханств	23
Список источников и литературы	29
Источники	29
Исследования	32
Зарубежная литература	33
Список интернет-ресурсов	34

ПРИЛОЖЕНИЯ

35

Приложение 1. Извлечения из источников по истории

<i>становления Монгольской империи</i>	35
1.1. Из поучений Чингиз-хана	35
1.2. «Шейбаниада»	37
1.3. Извлечения из летописей Древней Руси о монгольском вторжении	41
1.3.1. Битва на р. Калке	41
1.3.2. «Побоище Батыево»	43
1.4. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в.	45
1.5. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.	46
1.6. Матфей Парижский. «Великая хроника» («Chronica majora»)	47

Приложение 2. Извлечения из источников по истории

<i>Золотой Орды</i>	48
2.1. Из сочинения Ала ад-Дина Ата-Мелик Джувейни «История завоевателя мира»	48
2.2. Иоанн де Плано Карпини. «История монгалов, именуемых нами татарами»	55

2.3. Вильгельм де Рубрук. «Путешествие в восточные страны»	58
2.4. Рашид ад-Дин. «Сборник летописей».	
Краткий рассказ о делах Джучи-хана	60
2.5. Извлечения из древнерусских памятников литературы о совместных русско-ордынских походах как элемента русско-ордынских отношений 2-й пол. XIII в.	68
2.6. Перевод фрагментов из византийского источника «Chronica Breviora» о выборах православного сарайского епископа	71
2.7. Из сочинения Ибн Арабшаха	72

Приложение 3. Извлечения из источников по истории распада

<i>Золотой Орды и возникновения татарских ханств</i>	86
3.1. Извлечение из древнерусского памятника литературы «Задонщина»	86
3.2. Матвей Меховский (1457 – 8 сентября 1523). «Трактат о двух Сарматиях»	87
3.3. Сигизмунд фон Герберштейн. Из «Записок о Московии»	94
3.4. Сообщение Сейида Мухаммеда Ризы о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамыша	95
3.5. Сообщение Хюрреми-челеби Акай-эфенди о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамыша	96

Приложение 4. Извлечения из источников по письменной

<i>и устной культуре Золотой Орды</i>	98
4.1. Золотоордынская рукопись на бересте	98
4.2. Предание «Татарская лопатка»	101

Приложение 5. Письма, ярлыки, грамоты и документы,

<i>связанные с историей Золотой Орды и её наследием</i>	103
5.1. Ярлыки татарских ханов митрополитам Киевскими всея Руси	103
5.2. Ярлык Менгу-Тимура князю Ярославу Ярославичу	108
5.3. Письма папы Бенедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 г.	109

5.4. Письмо Токтамыш-хана польскому королю Ягайле	114
5.5. Тарханные ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлука	115
5.6. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы. (1514, ноября 18)	117
5.7. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы. (1516, июня 18)	119
5.8. Грамота Ивану IV от Кучум хана (1570, русский канцелярский перевод XVI века)	123
5.9. Переписка Ивана IV и Кучум хана (1569–1571, русский канцелярский перевод и пересказ XVI века)	124
5.10. Документы о русско-сибирских отношениях 1597–1598 гг.	127
5.11. Послание османского султана Селима II царю Ивану IV о необходимости передачи Астрахани султану, Казани – крымскому хану (1571, октября 7)	133

ВВЕДЕНИЕ

Безусловно, историческая наука не стоит на месте. Современные достижения отечественной науки позволяют по-новому взглянуть на историю нашего Отечества. Ранее идеологизированная и отрицающая любые знания, не проходящие через сито тоталитарной системы, советская историография создала крайне негативный образ Золотой Орды. Результаты исследований XXI в. представляют обществу новые аспекты исторических процессов, происходивших в золотоордынский период, крайне непростой, как для восприятия, так и для его изучения. Конечно, порой встречаются работы, вновь пропитанные былой идеологией, повествующие о безграничном зле и отсталости, которое принесло с собой время татарского господства в регионе, или же наполненные навязчивыми фантастическими идеями лженаучные «творения» об отсутствии Золотой Орды в принципе. Данное издание написано именно для того, чтобы подчеркнуто объективно, без лишнего драматизма, или явного выгораживания участников тех событий, представить широкому кругу читателей реальную картину произошедшего с нашим отечеством и непредвзято рассказать о столь необычном и вместе с тем интересном государственном образовании как Золотая Орда.

Принятие позиций классической историографии, понимание её слабых и сильных сторон, использование передовых достижений современной, и в особенности, с великой осторожностью, новых внедряемых исторических концепций, сделали этот труд наиболее актуальным на данный момент.

При написании «Краткой истории» мы строго следовали принципу опоры, прежде всего, на первоисточники. Как и в любом объективном научном труде, анализ и верификация источников были основным подходом при формировании данного материала. Использовались как зарубежные хроники и своды, так и древнерусские летописи.

Коллектив авторов данного издания надеется, что представленный материал станет полезным всем, кто интересуется средневековой отечественной историей.

Основание Золотой Орды и период ее расцвета до середины XIV века

Золотая Орда представляла собой самую обширную часть империи, основанной Чингиз-ханом (1162–1227), и в период своего наивысшего могущества (с середины XIII по середину XIV века) охватывала территории от верховьев Оби на востоке до Дуная на западе. Эти протяженные территории были покорены в течение нескольких десятилетий в ходе полномасштабных военных кампаний, чреватых неизбежными людскими потерями среди покоренных народов. Следствием этих завоеваний, однако, было возникновение грандиозного государства, подчиненного твердой централизованной власти, которая преуспела в подавлении повсеместных междоусобиц среди кочевников и, соответственно, способствовала градостроительству, развитию международной торговли и, прежде всего, расцвету уникальной по своему характеру культуры, основанной на культурном симбиозе кочевнического и оседлого населения.

Изначальным «ядром» Золотой Орды были 9000 юртов (семей) кочевников смешанного монгольского и тюркского происхождения, которые Чингиз-хан выделил в 1207 году своему первенцу Джучи для покорения так называемых «лесных» народов (предков бурят и ойратов) в южной Сибири. Джучи с успехом исполнил это поручение в следующем году, и Чингиз-хан предоставил ему эти земли в улус или удел, то есть в автономное правление (поэтому Золотую Орду нередко называют Улусом Джучи). Одновременно Чингиз-хан ожидал от своего старшего сына дальнейших завоеваний на западе, но смог предоставить ему достаточные для этого военные силы только через 10 лет, когда сам основатель Монгольской империи приступил к завоеванию Средней Азии. В то время, когда Чингиз-хан завоевывал Бухару и Самарканд, Джучи вел самостоятельные военные действия на севере, и к моменту своей смерти (в 1227 году) он смог передать своему сыну Бату (ум. 1255) во владение современную территорию Казахстана.

Следуя примеру своего отца, Бату продолжил завоевания на западе, но натолкнулся на непреодолимое сопротивление волжских

булгар и смог покорить их к концу 1236 года только после того, как получил в поддержку основную часть военных сил Монгольской империи. Следующим объектом экспансии Бату стали разрозненные княжества на востоке Руси: в конце 1237 года пала Рязань и в начале 1238 года Москва, Суздаль и Владимир поочередно. В течение весны того же года войска Бату razорили главные города северо-востока Руси, и Новгород избег их участи только из-за весеннего ненастья, помешавшего Бату продвинуться далее на север.

Однако здесь стоит отметить восприятие произошедшего нашествия современниками событий, которое нашло своё отражение на страницах древнерусских летописных сводов (основных источниках по социально-политической истории Древней Руси). Каждый встречающийся в тексте летописей отрывок, повествующий о разорении русских земель войсками Бату, это зов горя об отсутствии сплоченности среди русских князей, позволивших монголо-татарским ордам пройти по земле их предков. Главным лейтмотивом всеобщего негодования было понимание того что нашествие это бич божий, наказание за братоубийственные усобицы порушившее прежнюю силу Руси.

Дав отдохнуть своим воинам и подавив сопротивление кочевников Предкавказья и современных украинских степей, Бату приступил к завершающему этапу своей грандиозной кампании на западе. К концу 1240 года его воины взяли штурмом Киев и, почти не встречая сопротивления в западной Руси, вторглись в границы Польши и Венгрии. Бату закрепил свои военные успехи параллельным разгромом польской и венгерской армий в апреле 1241 года и вскоре отвел свои войска в степь, посчитав свою кампанию завершённой.

Бату, таким образом, стал фактическим основателем Золотой Орды, расширив ее территории до ее максимального растяжения. По окончании своего западного похода он приложил все свои усилия для административного устройства завоеванных земель, отказавшись от дальнейших военных действий. Он предпочел отдать современные казахские степи на восток от реки Урал (Яик) своим братьям Орде, Шибану и Тукай-Тимуру в автономное правление. Сам Бату обосновался в Нижнем Поволжье, распределив степи Вос-

точной Европы среди своих ближайших родственников и поручив им непосредственное управление местными кочевниками. В свою очередь этнический состав населения восточно-европейских степей существенно изменился вследствие переселения крупных групп кочевников из современной Монголии и в первую очередь из степей современного Синьцзяна и Казахстана. В связи с этой миграцией, несмотря на появление определенного числа монголов в Восточной Европе, главную долю новых переселенцев составляли тюркские племена, среди которых в первую очередь следует упомянуть татар, давших через столетие в связи с ростом влияния свое имя значительной части кочевников Золотой Орды. Кыпчакские племена, заселявшие ранее степи Восточной Европы, были включены в племенной состав новых переселенцев и потеряли свои прежние этнические наименования. Те же кыпчаки, которые отказались выполнять требования Бату, были вынуждены бежать на запад и поселились в Венгрии, где их потомки сохраняли свой язык и уклад жизни до XVIII века.

Несмотря на то, что Бату являлся неоспоримым властителем Восточной Европы и пользовался повышенным авторитетом на Среднем Востоке, он был обязан своим положением военной мощи Монгольской империи и продолжал рассматривать свои владения ее частью. Де юре, таким образом, Золотая Орда при Бату продолжала подчиняться империи со столицей Каракорум в Монголии, и Бату регулярно отправлял туда часть налогов, которые его фискальные агенты (баскаки или даруги) собирали с подчиненных его власти территорий (и в первую очередь с русских княжеств). Преемник его власти, Берке (ум. 1266), однако, взял курс на независимость Золотой Орды, воспользовавшись распрями среди монгольских правителей на востоке. Прежде всего, новый политический курс Берке был связан с основанием в 1260 году на территории современного Ирана и Азербайджана нового монгольского государства, получившего название Ильханата Персии. Первый правитель этого государства, ильхан Хулагу (1260–65), отказал Берке в выплате причитавшихся ему налогов с богатых городов Азербайджана и Ирана, чем вызвал начало длительного конфликта с Золотой Ордой. Летом 1262 года войска Золотой Орды вторглись на Южный Кавказ, но понесли по-

ражение. Однако и ответное вторжение войск Хулагу на территорию современного Дагестана закончилось полным разгромом его войск. После чего Берке лично возглавил военные действия на Кавказе, но после его скоропостижной смерти в 1266 году военные действия на время прекратились. Тем не менее, напряженность на кавказской границе сохранялась в течение следующего столетия и попеременно перерастала в открытые военные действия, где инициатива по большей части сохранялась за военными силами Золотой Орды.

Важным аспектом политики Берке было дипломатическое сближение с мусульманским султанатом мамлюков Египта и Сирии, чему способствовали личные конфессиональные симпатии Берке, принявшего ислам еще до того, как он пришел к власти. В 1262 году Берке направил первое золотоордынское посольство в Каир и заключил военный союз с египетскими мамлюками против Ильханата Персии, и на протяжении следующего столетия обе стороны регулярно обменивались посольствами для закрепления дружественных отношений и обсуждения возможности организации синхронных военных действий против монголов Ирана. Эта дипломатическая инициатива Берке была самым очевидным отражением его стремления отделиться от Монгольской империи: Берке заключил военный союз с немонгольским правителем против своего двоюродного брата Хулагу и показал тем самым, что политические интересы его государства стояли выше родственных связей Чингизидов. Юридически, однако, независимость Золотой Орды можно было закрепить только при поддержке тех влиятельных монгольских правителей на востоке, которые взяли схожий курс на отделение от империи; и это стало возможным только при преемнике Берке, Менгу-Тимуре (1267–80), которому удалось найти общий язык с монгольскими правителями Средней Азии и современного юго-восточного Казахстана, по имени Барак (ум. 1272) и Кайду (ум. 1301) соответственно. В ходе созыва курултая (то есть ассамблеи представителей правящей монгольской элиты) в долине реки Талас (на территории современного Кыргызстана) в 1269 году Кайду, Барак и Менгу-Тимур (последний отправил на курултай своих представителей) взаимно признали друг друга ханами, то есть независи-

мыми от какой-либо другой власти правителями. Несмотря на то, что Золотая Орда была уже независимой фактически, она стала полноценным государством с юридической точки зрения только после постановления Таласского курултая (в 2019 году исполнилось 750 лет с этого знаменательного события).

Затянувшийся конфликт с Ильханатом отвлек золотоордынских ханов от дальнейшей экспансии на западе, и благодаря этому Венгрия и Польша избежали повторного завоевания. Несколько вторжений татар в эти королевства вплоть до середины XIV века имели скорее карательный характер и являлись ответом на нарастающую активность польских и венгерских правителей на востоке от их владений (главным образом в Молдавии и Галиции). Больше внимания золотоордынские ханы уделяли балканским территориям, однако и здесь татары ограничивались кратковременными набегами на византийские территории. Русские княжества в свою очередь оказались в безусловном подчинении (при сохранении автономии правления и религии) уже после военных действий 1237–1240 годов, и последующие татарские вторжения имели целью оказать поддержку какому-либо фавориту хана среди русских князей против его политического противника. Со своей стороны русские князья без излишних колебаний принимали участие в ордынских карательных или завоевательных походах против своих западных и южных соседей. Несмотря на прежние старания советских историков найти хоть какие-то следы попыток организации свержения так называемого «татарского ига» (термин, который явно не соответствовал действительности), беспристрастный анализ письменных источников показал в дальнейшем, что русские князья признавали хана своим законным правителем, и именно он был первичным источником легитимности их автономного правления на Руси. В этом отношении стоит отметить наличие в древнерусских летописях многочисленных именовании «Царями» ханов Золотой Орды. До этого подобные титулы древнерусскими летописцами присваивались лишь византийским императорам. Возникшие повести цикла о нашествии Батыея – целостные произведения, плач о былом величии, прежде всего, растоптанного самими древнерусскими князьями. Орды лишь послужили очищающим заключительным этапом этого процесса.

Последующие события и, правда, показывают, что междоусобные разорительные войны сменились тайными склоками князей в ставках ханов и на древнерусских землях наступил относительный мир.

В итоге, подчинение Золотой Орде повлекло за собой необходимость выплаты дани (так называемого «выхода»), но параллельно с этим, русские княжества стали частью новой мировой системы, что принесло им значительные выгоды, особенно благодаря заметному расширению их торговых связей с ранее недоступными азиатскими регионами. При этом заслуживает особого внимания сам размер ордынского выхода, который при пересчете на реальную его стоимость, хотя бы по отношению к XIV в., не представляет собой нечто совершенно непосильное. Подобное обстоятельство позволяет говорить о том, что истинной сдерживающей силой развития Руси необходимо считать самих древнерусских князей, которые в своей борьбе за старейшинство перед лицом ордынских ханов, увеличивали размер ордынского выхода, дабы получить к себе с их стороны большее расположение и благосклонность. Примечательно, что даже в конце XIV – начале XV вв., в условиях ослабления власти Сарая, князья с завидным упорством продолжали собирать эту дань, даже тогда, когда могли ее уже не выплачивать, как это хорошо видно в действиях Дмитрия Ивановича Донского и его преемников на московском престоле.

До середины XIV века Золотая Орда не подвергалась серьезным нападениям извне, и ее внутреннюю стабильность могли поколебать только внутренние распри среди татар. Первый основательный конфликт в Золотой Орде был связан с деятельностью Ногай – правнука Джучи, возглавившего территорию Золотой Орды на запад от Днепра. Начиная с середины 1280-ых годов Ногай стал претендовать на фактическое первенство в Золотой Орде, избирая ее ханов по собственной воле. Так, в 1291 году он привел к власти хана Токту, устроив дворцовый переворот, приведший к казне действующего хана Тула-Буги (1286–1291). Однако Токта, выказывавший покаянную покорность Ногаю, стал постепенно спланировать вокруг себя его противников и вскоре смог бросить вызов господству Ногай: в первой битве в 1297 году Токта потерпел поражение, но он смог

снова собрать силы двумя годами позже и разбить его в битве, которая закончилась смертью Ногая.

Деятельность Ногая показала со всей очевидностью недостатки традиции преемственности власти в Золотой Орде, где каждый прямой потомок Джучи являлся потенциальным претендентом на престол и мог позволить себе при благоприятных обстоятельствах бросить вызов правящему хану. Токта поэтому стал постепенно отстранять родовитых Джучидов от правления, а его преемник, знаменитый хан Мухаммад Узбек (1313–1341), заменил их в основном представителями племенной аристократии, не имевшими права на трон. Административная реформа Узбека способствовала восстановлению внутренней стабильности в Золотой Орде на протяжении его длительного правления и широкому распространению ислама в его владениях. Правление сына Узбека, хана Джанибека (1342–1357), также охарактеризовалось отсутствием каких-либо серьезных внутренних конфликтов благодаря реформам его отца. Однако эти же реформы были чреваты последующими грандиозными потрясениями в Золотой Орде в связи с возросшим влиянием племенной аристократии: татарские беки стали тяготиться непосредственным вмешательством хана в их управление и, как показали дальнейшие события, ждали удобного случая, чтобы возвести на золотоордынский престол своего кандидата, который оказался бы в полной зависимости от своих сторонников. Такой удобный случай представился по окончании кратковременного правления хана Бердибека (1357–59), который неосмотрительно казнил всех своих ближайших родственников во время своего воцарения. После его смерти золотоордынский трон оказался вакантным из-за отсутствия прямого наследника, и несколько враждующих группировок беков вверглись в длительный внутренний конфликт, пытаясь привести к власти своего претендента.

Смуты в Золотой Орде и образование татарских ханств

Смута 60–70-х годов XIV века была одной из самых продолжительных. Толчком к смуте послужило пресечение правящего рода Батуидов. Но центральная власть была еще сильна; то, что и при такой ситуации она продолжала функционировать, конечно, было плодом политических реформ Мухаммад Узбек-хана. Но постепенно претендентов на сарайский трон становилось все больше и больше. Ханы, которые правили после Бердибека, пытались ликвидировать своих конкурентов, прекратить смуту и распад государства, что и было сделано в последующем Токтамышем.

За время смуты претендентов было много, по данным источников, известны имена 23 ханов. После хана Бердибека недолго правили Кульна, Науруз, Хызр, Темир-ходжа, Орду-мелик, Кильдибек, Мурат, Абдуллах, а дальше уже за престол стали бороться одновременно несколько претендентов. С начала 60-х годов вплоть до появления Токтамыша главную роль начал играть эмир Мамай, при этом Левое крыло до Урус-хана в дела столицы не вмешивалось. Мамай не принадлежал к роду Чингизидов, но при хане Бердибеке занимал должность беклярибека и был женат на дочери хана. Он признал первых ханов вплоть до Кильдибека, но выступил против хана Мурата и изгнал его из столицы, так как последний был настроен против эмиров Ак Орды. Мамай объявил ханом некоего Абдуллаха. Между многочисленными претендентами за овладение Сараем развернулась ожесточенная противостояние. Абдуллах также долго не смог удержаться в столице. В Сарае поочередно ханствовали Мир-Булат, Азиз-шейх, Тулунбек-ханум, Урус, Каганбек.

Мамай несколько раз захватывал столицу, но ненадолго. По сути дела, столица превратилась в своего рода буферную зону, и объявление хана в Сарае еще ничего не означало. В 1370 г. Мамай заменил Абдуллаха на Мухаммад-Булака. После Мухаммад-Булака Мамай правил от имени своей жены Тулунбек-ханум, которая была дочерью хана Бердибека.

Смута прекратилась с воцарением хана Токтамыша, который к 1380 году разгромил эмира Мамаю и восстановил политическую стабильность на всей территории Улуса Джучи. Причем важную роль в утверждении власти хана Токтамыша сыграла Куликовская битва, в ходе которой был побежден его главный противник – Мамай. После Куликовской битвы и окончательного разгрома Мамаю Токтамышем русские князья обменялись с ханом посланиями, в которых поздравляли друг друга в победе над общим врагом. Великий князь Дмитрий Иванович поздравлял Токтамыша и с восшествием на престол. Таким образом, Куликовская битва не была попыткой освобождения Руси от власти хана Золотой Орды, а явилась кульминационной точкой борьбы против узурпатора – эмира Мамаю.

Токтамыш вел и активную внешнюю политику с целью вернуть Золотую Орду в международную жизнь. На западе Литва и Молдавское княжество стали сателлитами Золотой Орды, также были установлены дружественные отношения с мамлюками и с государством Османов в западной Анатолии. Токтамыш установил дружественные отношения со всеми соседними государствами, в том числе и с закавказскими государствами и с Моголистаном. Все это делалось для бесперебойного функционирования северного маршрута Шелкового пути, который проходил через территорию Золотой Орды. Однако в это время появилось мощное государство Тимура, стремившееся усилить южный маршрут Шелкового пути и претендовавшее на золотоордынский Хорезм.

Противостояние с империей Тимура закончилось трагически для Золотой Орды. После разрушения Аксак Тимуром экономических центров Золотой Орды в 1395–1396 годах начался необратимый распад государства. А дальнейший упадок городов, торговли и в целом культурной и экономической жизни был связан с тем, что основные трассы торговых путей переместились на юг – в Среднюю Азию и Персию – на территорию империи Тимуридов. Нашествие эмира Тимура вызвало масштабный голод 1395–1398 годов и вспышку эпидемии «черной смерти», пик которой приходится на 1405 год. Большие

людские потери и переселение значительной части татар в другие страны не позволили стабилизировать ситуацию.

После ухода Аксак Тимура на территории Золотой Орды образовались две политические группы, между которыми началась жесткая борьба за власть. Первую партию возглавил бек Идегей с некоторыми представителями Джучидов, а во второй находились сторонники Токтамыша, которые придерживались идеологии возрождения мощного централизованного государства с сильной властью хана. Противостояние Токтамыша с Идегеем и их наследников затянулось до 1420-х годов.

В конце 20-х годов XV в. к власти в Сарае пришел хан Улуг Мухаммад. Он был последним ханом, которому удалось на некоторое время восстановить единство Золотой Орды. Одновременно с ним в восточной части Улуса Джучи появился еще один претендент на верховную власть – Кучук Мухаммад. Между двумя ханами разгорелся конфликт, который закончился разделом территории: Улуг Мухаммаду досталась западная часть Улуса Джучи – Крым, а Кучук Мухаммаду – Поволжье и земли к востоку. Но в конце 1436 г. Улуг Мухаммада предали его беки, и он, опасаясь столкновения с Саид-Ахмадом (очередной претендент на ханство), покинул Крым и ушел в сторону Казани.

А Кичик Мухаммад был потомком хана Тимур-Кутлука, чело-века непопулярного из-за того, что именно он, вместе с Идегеем, привел в страну Аксак Тимура. Поэтому многие татарские кланы, не признавая его власть, постепенно создавали государственные образования в Крыму и в Среднем Поволжье. Приход Кичик Мухаммада к власти обострил династические противоречия среди Джучидов и привел к образованию татарских ханств. Хотя процесс этот был небыстрым и вначале никто не помышлял о создании новых государств. К 40-м годам XV века сарайские ханы контролировали только земли между Волгой и Днепром. Так выделился Улуг Улус (Большая Орда).

Новые политические центры постепенно «пускали корни» как столицы татарских юртов и вилаетов, и к середине XV века они уже

вели вполне самостоятельную политику. Исследователи называют разные даты «начала» татарских ханств, однако все эти даты могут быть приняты только как условные «точки отчета». В действительности происходил распад обширного государства на несколько новых юртов-областей, и историю татарских ханств нужно рассматривать как продолжение истории Золотой Орды в конкретных регионах. Современные исследователи эти политические образования называют поздней Золотой Ордой или же постзолотоордынскими политическими образованиями.

Эмитентов, объявивших себя ханами, чеканивших монеты в разных областях поздней Золотой Орды и не признававших власть Сарая, исследователи рассматривают как претендентов, которые не планировали создавать новое государство, а стремились захватить Сарай и подчинить своей власти других таких же претендентов, порой, своих родных братьев или же родственников из других линий Джучидов. Все они боролись за контроль над «Тахт эли», т.е. за «Тронное» или «Престольное» владение – город Сарай. Обладание «Тахт эли» делало одного из ханов «главным» среди претендентов, которые тем временем продолжали править в своих юртах, собирая налоги и охраняя свою часть общей границы. Иногда они затевали между собой войны, а иногда устанавливался статус-кво. Они также могли объединяться против кого-то из внутренних или внешних врагов. Так постепенно оформились татарские ханства со своими приоритетами в геополитике.

Но одно из ханств по статусу всегда было «выше» остальных. Во второй половине XV в. место «старшего» ханства занимала Большая Орда. Далее «Тахт эли» перешел под контроль Хаджи Тархана и затем Крыма. Последний, хотя в дальнейшем непосредственно и не контролировал Нижнее Поволжье, но после разгрома Большой Орды объявил себя «Тахт эли», это означало, что тронное владение принадлежит им. И с тех пор ханство с центром в Крыму называлось Улуг Ордой, т.е. Великой Ордой, а остальные татарские ханства назывались юртами или вилаетами. В историографию они вошли как Казанское, Крымское, Астраханское, Касимовские, Тю-

менское и Сибирское ханства, а также две Орды – Большая Орда и Ногайская Орда.

Представители восточной части Улуса Джучи – Шейбаниды – в конце XV в. откочевали из Западной Сибири на юг и создали среднеазиатское государство, захватив территорию бывшего Чагатайского улуса. Осколок Шейбанидского ханства – Хорезмское государство существовало до 1920 г. и вошло в историографию как Хивинское ханство. Особняком стоит и Казахское ханство, возникшее после того, как правители Левого крыла Улуса Джучи взяли под контроль бывшие чагатайские земли и возглавили моголов. Если так называемые узбеки (Шейбаниды) захватили оседлое население Средней Азии, то Казахское ханство было создано на основе объединения кочевников моголов-чагатайцев и кочевников Левого крыла Улуса Джучи. Позже в состав Казахского ханства вошли и восточные территории Ногайской Орды, которые составили Младший жуз этого ханства.

Среди правителей Большой Орды самым активным был Ахмат, ставший ханом в 1460 году. Ахмат считал себя правителем всех татар. Он начал свое царствование, отправив посольства к другим татарским ханам и князю московскому с требованием покорности. Программа Ахмат-хана состояла из двух главных пунктов: восстановление золотоордынского государства в прежних его границах и возвращение в активную международную жизнь. Для достижения этих целей он предпринял военно-политические действия против других татарских юртов и русского улуса. Но против него создаются крымско-московская и ногайско-сибирская коалиции.

В отечественной науке утвердилось мнение, что после «стояния на реке Угре» 1480 г. Москве удалось получить независимость от татарской власти. Но говорить об обретении Москвой полной независимости не приходится, так как Крым, Казань и Астрахань как другие наследники Золотой Орды продолжали получать русский выход и в XVI веке, что свидетельствует о формальной зависимости

Москвы¹. До XVIII века Крымское ханство считало своей вотчиной Россию и «русские» территории Великого княжества Литовского (Украину).

После «стояния на реке Угре» Ахмат отступил и вернулся в Сарай, но ему уже не суждено было продолжить борьбу, на него напали ногайцы в союзе с тюменским ханом Ибрагимом (Айбак/Ибак). Поскольку Ахмат не ожидал нападения, у него не осталось времени для организации сопротивления. После гибели Ахмата его сыновья и племянники начали борьбу за власть, что еще больше усилило разобщенность в Большой Орде и заметно ее ослабило. После окончательного разрушения Сарая столицей Большой Орды с 1481 года становится Хаджи-Тархан. Независимая Большая Орда просуществовала до завоевания основной части ее территории крымским ханом Менгли-Гиреем и войсками Ногайской Орды в мае 1502 года. После этого события она потеряла свои земли на западе и контролировала только Нижнее Поволжье, трансформировавшись в так называемое Астраханское ханство. С 1502 года Крымское ханство стало именовать себя Большой Ордой, тем самым заявляя, что среди татарских ханств именно оно является основным наследником Золотой Орды.

Часть золотоордынского государства при ханах Улуг Мухаммаде и его сыне Махмуде постепенно оформилась в Казанское ханство. Эти ханы еще продолжали считать себя «татарскими ханами», «татарскими царями», т.е. ханами Золотой Орды и боролись за «Тахт эли». К 1445 г. Улуг Мухаммад подчинил Московское княжество, вернул власть над Крымом и некоторыми другими территориями Орды, но его наследники сумели сохранить контроль только над Средним Поволжьем и Приуральем.

Так, золотоордынское государство постепенно трансформировалось в несколько ханств. В политическом плане растворившись в

¹ Точной фиксацией однозначного восприятия своей прежней зависимости служит наличие в лицевом летописном своде XVI изображений византийских императоров, монгольских и ордынских ханов, в идентичных головных уборах – царских золотых венцах, в то время как все древнерусские князья вплоть до Ивана IV Грозного изображены без них.

своих наследниках, оно просуществовало до Нового времени. Вместе с тем период поздней Золотой Орды можно назвать и периодом политической раздробленности, который переживался почти каждым государственным образованием. Однако для Золотой Орды этот период завершился не объединением земель и усилением централизованной власти, как это произошло со многими средневековыми государствами, существующими и по сей день, а завоеванием ее территории Россией, которая и стала политической, территориальной и этнокультурной наследницей Золотой Орды.

Важнейший этнополитический наследник Золотой Орды – Крымское ханство (Улуг Урда) только в конце XVIII века было присоединено к России. Вопреки сложившимся в историографии представлениям, чуть менее продолжительной оказалась история Сибирского ханства. В результате похода Ермака и основания русских острогов в Сибири в конце XVI в. Москве удалось присоединить лишь таежную зону Среднего Зауралья, тогда как лесостепная и степная полоса юга Западной Сибири еще долгое время контролировалась потомками хана Кучума. К примеру, даже в 1660-е годы ханом этих земель являлся внук хана Кучума – Кучук-бахатур-хан.

Таким образом, татарские ханства продолжали золотоордынские традиции и представляли собой некую средневековую конфедерацию. Главным из них был обладатель «Тахт эли»: Улуг Улус – Большая Орда, а затем Великая Орда Крыма и Дешти-Кыпчака (Крымское ханство). На ступеньку ниже были те политии, которые именовались вилаетами, т.е. областями Великого государства. Вилаетами были: Вилаете Казань, Вилаете Тура (Чимги-Тура в Западной Сибири – Сибирское ханство). Политии, в которых не было постоянных династий или же правящие династии были контролируемы из других вилаетов, назывались юртами: Мангытский юрт (Ногайская Орда), Астраханский юрт и «Мещерский юрт» (Касимовское ханство). Хотя распад огромного государства и стал неизбежным, центростремительные силы долгое время были достаточно влиятельны. Еще в XVI веке Гиреидами разрабатывались проекты по объединению всех татарских ханств. Даже после завоевания Московией Казанского и Астрахан-

ского ханств в Крыму и в Сибири вынашивались планы по освобождению татарских юртов из «русского плена».

Бурная политическая история XIII–XVI вв. отразилась и на этнической ситуации в Волго-Уральском регионе. В советской историографии доминировала так называемая «булгаристская концепция», которая исходила из того, что этнический состав Волго-Уральского региона не претерпел существенных изменений и булгары, как и башкиры (в источниках – баскарды, башкурды), продолжали населять эти земли до конца ордынского владычества. Однако комплексный анализ источников, осуществленный в последние десятилетия, привел историков к совершенно иным выводам. Оказавшие ожесточенное сопротивление булгары и древние башкиры² в результате монголо-татарского завоевания частично были истреблены, частично бежали на запад или на север, а частично были переселены (депортированы) в разные районы Монгольской империи. При этом на вновь завоеванные территории вместе с монголо-татарами пришли мусульмане из Средней Азии. В результате этническая картина региона сильно изменилась.

В середине XIII часть булгар была переселена в Приуралье, но до конца XIV в. булгарский язык продолжает фиксироваться на мусульманских эпитафиях Среднего Поволжья. Окончательное исчезновение булгар можно связать с эпидемиями, смутами и нашествиями, постигшими Золотую Орду в конце XIV – начале XV века. В этот период запустевшие булгарские земли стали объектом набегов русских ушкуйников (речных пиратов). Для того чтобы укрепить престольный улус (Булгар считался вторым после Сарая престольным городом золотоордынских ханов) при Токтамыше в Среднее Поволжье переселяются татары из Крыма и Астрахани.

² В источниках они обозначены как баскарды или башкурды – население Великой Венгрии. По сообщениям католических миссионеров и по данным археологии и лингвистики, они были кочевыми уграми (восточные венгры).

Следующая значительная группа татар из южных улусов прибыла в казанские земли при Улуг Мухаммаде. И речь идет не только о 3–4 тысячном войске, пришедшем с ханом в конце 1430-х гг., но и о тех группах, которые переселились позже. Как уже говорилось, на закате своей жизни Улуг Мухаммад вернул власть над Крымом, Москвой и частью степных территорий. Очевидно, что именно в этот период, по словам казанского летописца, «начаша ко царю (Улуг Мухаммаду. – авт.) збиратися много варвар от различныхъ странъ: от Златяя Орды, и от Астрахани, и от Азова, и от Крыма». В конце XV в. в юго-восточную часть Казанского ханства переселяются племена кара-табынцев, которые покинули Зауралье из-за конфликта между Шибанидами. В 1550-е годы вследствие серьезных климатических и политических изменений (один из климатических минимумов Малого ледникового периода, падение Казанского ханства, смута и мор в Ногайской Орде) верхнекамские «башкирцы» начали переселяться в Южное Приуралье. И это далеко не весь список известных науке этнических миграций в Волго-Уральском регионе, о некоторых переселениях сохранились лишь косвенные данные (данные топонимики, исторической этнологии, лингвистики и т.д.), и стоит только догадываться о тех событиях, которые не отразились в дошедших до нашего времени источниках.

Таким образом, рассматриваемый регион, как и остальная часть Великой степи, на протяжении всей истории не имел устойчивого этнического состава: один народ сменялся другим, причем пришельцы вбирали в себя остатки прежнего населения. Впрочем, говоря об этногенезе современных волго-уральских татар, можно выделить следующие основные компоненты: центральноазиатские тюрко-татары, болгары и кыпчаки.

Цивилизация Золотой Орды и татарских ханств

Важной характерной чертой формирования государственности Золотой Орды как средневековой империи было то, что она, объединив различные народы, обладавшие своими культурно-историческими традициями, смогла воссоздать особую золотоордынскую цивилизацию, с которой многие народы современной Евразии связывают свое историческое прошлое.

На территории Золотой Орды, образовавшейся во второй половине XIII в. находились как степные и лесостепные пространства, так и районы традиционной оседлости с развитой городской инфраструктурой. Наряду с функционированием в Золотой Орде устоявшихся административных центров Хорезма, Крыма и Волжской Булгарии, строились и новые города: Сарай, Гулистан, Укек, Хаджи-Тархан и др. Археологи постоянно обновляют данные о количестве золотоордынских городов, на сегодняшний день обнаружено уже около 200 городов. Причем это были крупные для своего времени центры, насчитывавшие до 70–100 тысяч жителей. В то же время это были современные хорошо спроектированные и благоустроенные города, где существовали большие общественные бани, караван-сарай, дворцы и другие сооружения, оборудованные трубной системой водоснабжения и водоотведения.

Тенденция восстановления «старых» и строительства новых городов не препятствовала развитию жизнедеятельности кочевников. Наоборот, сочетание двух хозяйственных типов культуры – кочевнического и оседлого оказало благоприятное влияние на динамичное развитие золотоордынского государства. Кочевники составляли военную основу государства, обеспечивали безопасность торговли и являлись важнейшими производителями скота. Города обеспечивали ремесленными товарами, выступали административными, торговыми, религиозными и образовательными центрами. Сельское оседлое население поставляло продукты земледелия. Историки говорят о том, что в Золотой Орде сложился симбиоз различных хозяйственно-культурных укладов общества.

Особенной была и религиозная ситуация в Золотой Орде, которая отличалась от обстановки в Монгольской империи. Официальный монгольский центр в лице правящего рода, учитывая заветы Чингиз-хана о веротерпимости к любой религии закрепленных в Яссе, стержне монгольских законодательных сборников, всё же, прежде всего, ставили взаимоотношения выше, чем религиозные предпочтения своих подданных. В отличие от этого, в Золотой Орде, все религиозные институты получили равные права и отношения. Это относилось и к католическим, армянским, еврейским, буддистским, и православным церквям, которые присутствовали на территории подвластной Золотой Орде. Самым большим показателем веротерпимости служат татарско-русские отношения, в которых русская православная церковь получила иммунитетные права закрепленные в особых грамотах. Подобные грамоты выдавались разным лицам по торговым и иным поводам, но особо стоит отметить сохранившиеся ярлыки выданные ханами русским митрополитам³. Их наличие позволило русской церкви усвоить новые доселе невозможные суверенные права, в том числе по отношению к собственным князьям, что позволило митрополитам участвовать в политике с большим весом, играть свою роль и продвигать собственные интересы. В этом отношении особенно интересно открытие в XIV веке около 200 монастырей, объявляемое современной историографией монастырской колонизацией, которая производилась не вне княжеских территорий, а вовнутрь этих владений.

Несмотря на то, что на обширной территории Золотой Орды существовали, взаимодействовали, взаимопроникали и развивались различные народные обычаи и традиции, в немалой степени причина успешного развития Золотой Орды состояла в том, что, цивилизационную окраску процессам формирования государственности

³ Их сохранность обеспечена самими иерархами русской православной церкви, предъявлявших их русским правителям как укор и возможно как грамоты обеспечивающие право на территории и льготы, в ситуациях связанных с усилением секуляризационных настроений в XVI–XVIII вв.

придал ислам, который смог интегрировать социокультурные и этнополитические элементы в единую общность.

С возведением ислама в ранг государственной религии, в период правления Узбек хана, мусульманство стало рассматриваться как фактор политической силы и источника культурного вдохновения. Повсеместно в Золотой Орде складывается разветвленная система мусульманских учреждений: мечетей, медресе, мектебе, ханака, завие, обители (текие), мавзолеи (дюрбе, кэшэне). Важную информацию об этом дают сведения путешественника Ибн Баттуты, который посетил Золотую Орду во времена правления хана Узбека. Мечети в городах Золотой Орды являлись центрами духовной жизни, продолжали многовековую традицию культовых построек, существовавших ранее в других городах мусульманского Востока. Однако большинство из них не сохранилось до наших дней. Самой известной является мечеть города Булгара. Начало ее постройки связывают с 30–40 гг. XIII в. Медресе представляли собой опору религии, зачастую способствовали развитию наук: в них располагались библиотеки и здесь совершенствовались свое образование ученые. В Солхате (Старом Крыму) сохранены развалины медресе, основанном супругой правителя Солхата Инджибек хатун. Большой вклад в развитие мусульманской культуры на территории Золотой Орды сыграл также сын хана Узбека – хан Джанибек (1342–1357).

Влияние на народы, населявшие Золотую Орду, оказывали мусульманские ученые из Средней Азии, в частности Бухары, Хорезма, из мамлюкского Египта: Котбетдин ар-Рази, Саадетдин ат-Тафтазани, Хафиз ал-Баззази, Абу Бакр Каландар и др. При этом, отмечая благотворную роль ученых, образованных людей из далеких мусульманских и немусульманских стран в культурной жизни городов Золотой Орды, нужно отметить и большой вклад в ее расцвет выходцев из местного населения (Рабгузи, Кутб, Махмуд ал-Булгари, Хорезми, Сейф Сарай, Хисам Кятиб и др.).

Некоторые из этих работ были посвящены представителям правящей элиты Золотой Орды. Одним из самых ранних является сочинение «Кыйсас ал-анбия» («История пророков») Рабгузи (1310), составленное для местного бека Насир д-Дина Токбуги. Другое

произведение, дошедшее до наших дней, сочинение Кутба «Хосров и Ширин, посвященное хану Тенибеку (1341/1342) и его жене Мелике-хатун. «Мухаббат-наме («Книга любви», 1353) Мухаммада Хорезми была посвящена эмиру Мухаммаду Ходжабеку. Известный средневековый поэт Сейф Сараи во времена распада Золотой Орды эмигрировал в мамлюкский Египет и там служил в государственной канцелярии на должности писаря (кятиба). Свои знаменитые произведения «Гулистан бит-тюрки» (1391) и «Сухайль и Гульдурсун» (1394) он написал в Египте и получил там признание и известность.

На постордынском пространстве цивилизационная культура, сформировавшаяся в Золотой Орде, продолжила свои традиции и в культуре тюрко-татарских государств, в частности, в татарских ханствах. Государственный характер ислама в татарских ханствах во многом определил развитие духовной культуры. Представители духовенства играли консолидирующую роль в развитии мусульманского богословия, науки, образования. Значимость стали обретать города-столицы. Так, столица Казанского ханства – Казань в то время являлась одним из основных центров распространения ислама среди народов Поволжья и Приуралья.

Высокого уровня достигла и художественная литература, в произведениях поэтов Казанского ханства – Умми Камала (1475 г.) Мухаммадьяра «Тухвай мардан» («Дар мужей», 1539) и «Нуры содур» («Свет сердец», 1542), Кулшарифа (XVI в.) поднимаются проблемы нравственности, духовности и судьбы.

Традиция золотоордынской духовной культуры, языка, литературы продолжались и в Крымском ханстве. Со времен Крымского ханства сохранилось значительное количество памятников материальной и духовной культуры. До наших дней дошли и широкоизвестны сочинения Сейида Мухаммеда Ризы (ум. в 1756 г.) «Ассеб ассейяр» («Семь планет»), Реммал-ходжи (ум. в 1569 г.) «Тарих-и Сахиб гирей хан» («История хана Сахиб-Гирея»), Абдуллы б. Ризвана (Абди) «Таварих-и Дешти-Кыпчак» («Летописи Дешт-и Кыпчака», XVII в.); Ходжи Мухаммада Сенаи «Тарихи Ислам – Гирей хан» («История Ислам-Гирей хана, 1651) и др.

Столица Астраханского ханства – Хаджи-Тархан находилась на пути среднеазиатских паломников в Мекку, сами астраханцы поддерживали духовные и культурные связи с Меккой, астраханское мусульманское духовенство вело активную миссионерскую деятельность. Создавались в городе Хаджи-Тархане и литературные сочинения. Так, уроженцем Астрахани был известный поэт Шериф Хаджитархани, который создал произведение под названием «Зафарнама-и виляят-и Казан» («Сочинение о победе Казанского государства», 1550).

Архитектура и искусство периода татарских ханств сохранили общеперские черты золотоордынской культуры с этнорегиональными особенностями. В отличие от Астраханского, Сибирского ханств, Ногайской и Большой Орд, в сфере монументальной культуры и декоративного искусства Казанское ханство выделялось значительным подъемом в культуре, о чем свидетельствуют археологические раскопки в Казанском Кремле и городище Иске-Казан.

В архитектуре Крымского ханства того времени представлены почти все виды строений, известные также в других регионах мусульманского мира. Особое место среди строений занимают различного рода гостиницы и постоялые дворы – ханы (хан Ширинбея) в городе Карасе, а также Ханский дворец в Бахчисарае, мечеть в Гизлеве (1532), различные мавзолеи, дюрбе. Архитектурные памятники Крымского ханства напоминают традиции малоазийского зодчества, которое со временем было дополнено османскими градостроительными традициями и обогащены культурным наследием народов, проживавших на территории полуострова в ту эпоху.

Яркими образцами искусства каллиграфии и печатной миниатюры являются ярлыки казанских и крымских ханов: ярлык хана Сахиб-Гирея (1523), ярлык казанского хана Ибрагима, ярлык крымского хана Хаджи-Гирея I (1453), ярлык хана Менгли-Гирея (1472, 1507).

Отдельно нужно напомнить о каллиграфии в форме эпиграфических памятников, которые сохранились до наших дней на старинных кладбищах татарских деревень и крупных поселений Закавказья, Астраханской области, Крыма.

Ювелирное искусство Казанского ханства характеризуется высоким уровнем исполнения. Одни из самых известных ханских регалий – бывшая корона татарских ханов «Казанская шапка» и ханский трон. В Крымском ханстве существовали цеха ювелиров-филигранщиков, чеканщиков и литейщиков, которые в основном обслуживали внутренний рынок, и только четвертая часть отправлялась за пределы Крыма.

Искусство татарских ханств впоследствии стало образцом для подражания в творчестве русских мастеров. Доказательством тому являются характерные для XV–XVI вв. мотивы и композиции орнамента, ставшие популярными в убранстве русской архитектуры. Татарское влияние на русскую культуру проявилось не только в языке, в который вошли новые слова и тюркизмы, но и в украшении тканей, ювелирных изделий, в частности предметов обихода царского двора, покроя боярской одежды и обуви.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. Пер., предисл. и примеч. А.Г.Галстяна. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 156 с.
2. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, пер. с итальянского и комм. Е.Ч.Скржинской. Л.: Наука. Лен-е отд-е, 1974. – 274 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. – Т. 5: XIII век. – 527 с.
4. Дэфтәре Чынгыз-намә. Казан: «Иман», 2000. – 44 б.
5. Идегей: Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 256 с.
6. История монголов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е издание. – Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е издание. – Книга Марко Поло. 4-е издание / Вступ. ст. комм. М.Б.Горнунга. М.: Мысль, 1997. – 460, (1) с.: ил.
7. Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 2: Период ордынского владычества / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 720 с.
8. ПСРЛ. Т.1. Лаврентевская и троицкая летописи. Спб.: тип. Э.Праца, 1846. – 271 с.
9. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Спб.: тип. Э. Праца, 1843. – 381 с.
10. ПСРЛ. Т.3. Новгородская летописи. Спб.: тип. Э.Праца, 1841. – 308 с.
11. ПСРЛ. Т.4. Новгородская и псковская летописи. Спб.: тип. Э.Праца, 1848. – 363 с.
12. ПСРЛ. Т.5. Псковская и софийская летописи. Спб.: тип. Э.Праца, 1851. – 279 с.

13. ПСРЛ. Т.6. Софийския летописи. Спб.: тип. Э.Праца, 1853. – 360 с.
14. ПСРЛ. Т.7. Летопись по воскресенскому списку. Спб.: тип. Э.Праца, 1853. – 360 с.
15. ПСРЛ. Т.8. Продолжение летописи по воскресенскому списку. Спб.: тип. Э. Праца, 1859. –303 с.
16. ПСРЛ. Т.9–10. Летописный сборник, именуемый патриаршею или никоновскую летописью. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1965. – 500 с.
17. ПСРЛ. Т.11–12. Патриаршая или никоновская летопись. М.: Наука. 1965. – 520 с.
18. ПСРЛ. Т.15. Летописный сборник, именуемый тверского летописью. Спб.: тип. Л.Демиса, 1863. – 504 с.
19. ПСРЛ. Т.16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Спб.: Ф.Алеонского и К°, 1889 – 389 с.
20. ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. Спб.: тип. М.А.Александрова, 1913. – 316 с.
21. ПСРЛ. Т.19. История о казанском царстве. Спб.: тип. И.Н.Скороходова, 1903. – 530 с.
22. ПСРЛ. Т.20. Ч.1. Львовская летопись. Спб.: тип. М.А.Александрова, 1910. – 418 с.
23. ПСРЛ. Т.21. Ч.1. Книга степенная царского родословия. Спб.: тип. М.А.Александрова, 1908. – 342 с.
24. ПСРЛ. Т.22. Русский хронограф. Спб.: тип. М.А.Александрова, 1911. – 570 с.
25. ПСРЛ. Т.23. Ермолинская летопись. Спб.: тип. М.А.Александрова, 1910. – 243 с.
26. ПСРЛ. Т.24. Типографская летопись. Петроградъ: 2-я Гос-я тип-я, 1921. – 272 с.
27. ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 464 с.
28. ПСРЛ. Т.26. Волгоградско-пермская летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. –415 с.
29. ПСРЛ. Т.27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 419 с.

30. ПСРЛ. Т.28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 412 с.
31. ПСРЛ. Т.30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивская) летопись. М.: Наука, 1965. – 240 с.
32. ПСРЛ. Т.31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. – 264 с.
33. ПСРЛ. Т.32. Хроники: Литовская и жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975. – 235 с.
34. ПСРЛ. Т.33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. – 252 с.
35. ПСРЛ. Т.34. Постниковский, пискаревский, московский и бельский летописцы. М.: Наука, 1978. – 304 с.
36. ПСРЛ. Т.35. Летописи Белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. – 308 с.
37. ПСРЛ. Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. – 228 с.
38. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград: тип-я «Научное Дело», 1916. – 116 с.
39. Путешествия Гилльбера де-Ланноа въ восточныя земли Европы в 1413–1414 и 1421 годах // Университетские известия. № 8. Киев: унив-я тип-я, 1873. С. 1–45.
40. Родословное древо тюрковъ. Сочинение Абдуль-Гази, Хивинского хана. Перевод и предисл. Г.С.Саблукова, с послесловием и примеч. Н.Ф.Катанова. Казань: типо-литография Имп. ун-та, 1906. – 336 с.
41. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Т.1. Спб.: тип-я ИАН, 1884. – 564 с.
42. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Т.II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Т.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.

Исследования

43. Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Сокр. пер. с араб. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 40 с.
44. Амирханов Р.М. Татарская социально-философская мысль средневековья. (XIII – середина XVI вв.). Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ, 1993. Книга первая. – 125 с.; Книга вторая – 112 с.
45. Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2001. – 214 с.
46. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. (на рубеже XIV – XV вв.). – М.: Наука, 1975 – 519 с.
47. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы. XIV – XVI вв.. М. Изд-во вост. лит., 1963. – 374 с.
48. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 479 с.
49. Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XII – XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 136 с.
50. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 276 с.
51. Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М.: Знание, 1990. – 63 с.
52. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.: Наука, 1985. – 224 с.
53. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом XIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. – 169 с.
54. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII – XV вв. М.: Наука, 1983. – 168 с. + 21 таблица.
55. Насонов А.Н. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940 – 178 с.
56. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Изд-я фирма «Восточная литература». РАН, 2000. – 224 с.: илл.
57. Николов А. Татары в византийских хрониках «Chronica Breviora»: реальность и стереотипы // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 22–36.

58. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1960. –276 с. + II прилож.
59. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.
60. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. – 318 с.
61. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. (Древность и средневековье): Учеб. для сред. общеобразоват. школ, гимназий и лицеев. Казань: Магариф, 2000. – 255 с.: ил., карт.
62. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. – 216 с.
63. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. –180 с.
64. Фәхретдинов Р.Г. Татар тарихы. Казан: Мәгариф, 1999. – 111 бит: рәс. б-н.
65. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.

Зарубежная литература

66. De Weese Devin A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania: The Pennsylvania State University press University Park, 1994. – 638 p.
67. Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken, 1 Teil (Einleitung und Text), Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, 1975. – 688 p.
68. Spuler B. Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland 1223–1502. Wiesbaden: OTTO Harrasowitz, 1965. – XIII, 638 s. + 1 Karta.

Список интернет-ресурсов

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. – 527 с. // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4879> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
2. Анимационный ролик «Краткая история татар» / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G47qY9BIZuk> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
3. Золотая Орда. Анимационный ролик для учеников 5–6 классов / Сайт Наследие Татарстана. URL: <http://ebook.tatar/default/files/video/mp4/6HgPF9YtipO.mp4> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
4. Краткая история татар. Аудиолекции / портал ARZAMAS.ACADEMY. URL: <https://arzamas.academy/courses/65> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
5. Татары и русская культура / портал ARZAMAS.ACADEMY. URL: <https://arzamas.academy/materials/1471> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
6. Электронные версии изданий Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш.Марджани АН РТ / Портал журнала «Золотоордынское обозрение». URL: <http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
7. Электронные версии изданий журнала «Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review» / Портал журнала «Золотоордынское обозрение». URL: <http://goldhorde.ru/RU/arxiv-nomerov/> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
8. Раздел «История» / Интернет-газета «Реальное время». URL: <https://realnoevremya.ru/society/history> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)
9. Выпуски научного журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» / Портал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». URL: <http://www.drevnyaya.ru/vyp/v2019.php> (дата обращения: 29 октября 2018 г.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Извлечения из источников по истории становления Монгольской империи

1.1. Из поучений Чингиз-хана

Источник цитируется по изданию: Котвич В.Л. Из поучений Чингиз-хана // Восток. – Пг., 1923. – Кн.3. – С. 94–96.

Чингиз-хан спросил у своих сыновей: – «Какое празднество выше всех празднеств? Какое наслаждение выше всех наслаждений?»

На это Чагатай сказал: – «Если устроить счастливое празднество и пировать по случаю того, что минует старый год и ему на смену приходит новый, – это и будет высшее празднество». – Но Чингиз-хан промолвил: – «Это ваше празднество не есть настоящее празднество. Ведь в то время, когда младенец еще не родился, и ему не дано имени; когда он еще не вышел из утробы и не увидел света, – кому же будет нарекаться имя, чье начало будет праздноваться впервые? Если же впоследствии вы будете праздновать и наслаждаться, вспоминая день, когда вы получили начало от отца и родились от матери, то это будет подлинное празднество».

Чагатай сказал: – «По моему мнению, если подавить врага, разгромить наездника, расторгнуть сговоренных, заставить верблюдицу реветь по верблюжатам и привести с собой добычу, – это будет высшее удовольствие».

Джучи сказал: – «На мой взгляд, высшее удовольствие – разводить многочисленные табуны лошадей, пускать взапуски многочисленных двух-леток, воздвигнуть себе ставку и забавляться пиршествами».

Угэдэй сказал: – «Я полагаю, что лучшее из наслаждений будет в том случае, если обеспечить благоденствие великому государству, созданному трудами нашего отца-хана, положить ноги на почву и

руки на землю, предоставить своему собственному народу жить в ставке, держать в порядке дела государственного управления, дать возможность наслаждений старейшинам и начальникам и обеспечить спокойствие подрастающей молодежи».

Тулуй сказал: – «По моему мнению, высшее блаженство заключается в том, чтобы тренировать своих аргамаков, бродить по глубоким озерам, спуская своих старых Ястребов, и устраивать охоту на птиц, ловя серых уток».

Чингиз-хан сказал: – «Джучи и Тулуй, вы оба говорите речи маленьких людей. Чагатай ходил вместе со мной на врагов и потому говорит такие слова. Однако, когда относились с пренебрежением к чужим, то не раз являлись причиной плача своих жен. Когда относились с пренебрежением к рыбе хариусу, то не раз были случаи, что он ранил до боли ладонь руки. Слова же Угэдэя – вполне правильны».

Этим и кончается беседа Чингиз-хана с его сыновьями, из которых он, как известно, своим преемником наметил Угэдэя, изложившего программу мирного устройства государства. В тех же «Поучениях Чингиз-хана» имеется краткое изложение своих взглядов и самим монгольским завоевателем. Вот приписываемые ему слова:

Чингиз-хан сказал: – «Если дела государственного управления находятся в порядке, если владыка государства – мудр и искусен, если начальствующие братья его обладают совершенствами, если давшие ему жизнь отец и мать живы и невредимы, если у него имеются чиновники, знающие дела государственного управления, если он располагает войском, способным подавить не унижающегося врага, если его жены, дети и потомство будут здравствовать до скончания веков, если ему будет покровительствовать могучий вечный дух вселенной, – то в этом и будет заключаться его несравненное великое блаженство».

1.2. «Шейбаниада»

Цитируется по изданию: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И.Березиным, Профессором Казанского Университета, Магистром восточной словесности, действительным Членом Русского Географического Общества и Общества любителей Отечественной Словесности, Членом Азиатских Обществ в Париже и Лейпциге, Членом-Корреспондентом Археологическо-Нумизматического Общества, и проч. – Казань: в Университетской типографии, 1849. – С.V–XII, XXXIV–XLVIII.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧИНГИЗ ХАНЕ

Чингиз Хан остался после отца тринадцати лет; Табджиютский ил вошел с ним во вражду: начались раздор и смуты. Начиная с тринадцатого года, как остался после отца, в течение двадцати восьми лет он встречал разные беды: Всевышний Бог спас его от тех бед и напастей и даровал ему на пятьдесят первом году в год свиньи Императорство и Ханство. Он царствовал 21 год, взял большую часть мира и в 72 года велением Всевышнего Бога скончался.
<...>

ПОВЕСТВОВАНИЕ С РАССКАЗОМ И ИЗЛОЖЕНИЕМ О ЖЕНАХ, СЫНОВЬЯХ И ДОЧЕРЯХ ЧИНГИЗ ХАНА

У Чингиз Хана было пятьсот жен и легион наложниц, но из них пять жен взято по могулскому браку и закону. Главная из всех есть дочь Дай Нояна из племени конгират по имени Бюртэ Фуджин: этот Дай Ноян был старшина и Государь конгиратского племени. У Чингиз Хана было от Бюртэ Фуджин четыре мальчика и пять дочерей. Старший сын есть Чучин Хан: Государи и Ханы, которые суть в Дешт Капчаке, Кашггаре, Уруше, Чагкмаке и на пределах Хатайской страны, происходят от его рода. В хрониках так упоминается и развивается, что в то время как Чингиз Хан воевал с Илем Мергитским, он был разбит; Бюртэ Фуджин впала в их руки, беременная Чучи Ханом. Мергитский Иль был подвластен Онге Хану: Бюртэ

Фуджин отправили к Онге Хану. Онге Хан, приняв ее почтительно и уважительно, оказал почет, потому что у него была дружба с отцом Чингиз Хана и он называл Чингиз Хана сыном. Беки Онге Хана сказали ему: «зачем ты не берешь ее»? Он дал ответ, что «она моя невестка: не приходится вероломным глазом смотреть на нее и от человечности (это) далеко». Чингиз Хан после этих слов отыскивает (ее); он послал отца Сартагк Нояна, который был Саба из племени Джалаир, к Онге Хану и просил Бюртэ Фуджин. Онге Хан, угостив его, и вручив Бюртэ Фуджин, послал. Дорогой родился Чучин Хан: шел снег, и дорога была весьма исполнена страха, так что не было возможности устроить колыбель. Из части муки сделали мягкое тесто, держали его (Чучи) в тесте и, завернув в подол, шли к Чингиз Хану. От внезапности рождения дали ему имя Чучи Хан. – Второй сын есть Джагатай Хан, которому пожаловано от Кашггара по Тюркестан и от Тюркестана по реку Аму. – Третий сын есть Угэдай Хан, который после отца сделался кааномъ, и все родственники большие и малые, по сделанному Чингиз Ханом завещанию, провозгласив его Государем, стали повиноваться и покоряться. Четвертый сын есть Тулуй Хан: его прозвание также называют Иккэ (Эгэ) Ноян и Улуг Ноян, а Чингиз Хан называл его Нукером; большую часть времени он находился со своим отцом и на полях битвы был подле него. На монгольском языке Тулуй значит зеркало. Менгу каан, Кубилай Гкаан, Нулагу Хан и Аригк Буга суть его дети, а также его дети Тимур каан, Ггазан Хан и Султан Абу Саид Хан, и много от линии и рода иго Государей. Этих четырех сыновей Чингиз Хана всех по молодечеству совершенству и совершенности называли четьрьмя Кулюками.

ИЗЛОЖЕНИЕ И РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ СЫНА ОТ ДЕВУШКИ ПО ИМЕНИ САРТАКЕ ФУДЖИН, ВЗЯТОЙ ЧУЧИ ХАНОМ ИЗ ПЛЕМЕНИ КОНГИРАТ

У Чучи Хана было четыре главных жены и несколько наложниц: старше всех была конгиратская девушка по имени Сартак. От нее родился сын по имени Ордэ. Эта жена взята во время Чингиз

Хана. У этого Ордэ было семь сыновей: старший сын – Конджи Баян. Он также взял из конгиратского племени дочь Мога Нояна по имени Ильган. У Ордэ также была жена из конгиратского племени по имени Тобакана – госпожа. Бату есть второй сын Чучи Хана и его также называют Саин Хан: мать его была из племени конгиратского. Бату второй сын Чучи Хана и известен под именем Саин Хана: мать его Оки Фуджин есть дочь Алчи Нояна из племени конгират. Бату жил долго после смерти Чучи Хана: жизнь его перешла за сотню. Он еще здравствовал по смерти Джагатай Хана, Угэдэй Хана и Тулуй Хана. Все ханские дети и внуки, собравшись к нему, устроили курилтай, и по его приказу занялись завоеванием стран. У него было четыре сына: Сартак, Токгган, Эбуган, Олакчи. Второй сын Токгган взял жену Олджай из племени конгират, да и старшая жена Туду Менгу Хана Арикадж – госпожа происходит из племени конгират.

<...>

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КОНЧИНЫ ЧУЧИ ХАНА

Чучи Хан скончался прежде отца своего Чингиз Хана и обстоятельство это таково: когда Чингиз Хан отправился к областям Сартским и достиг области Атрар, то для взятия их и области Атрар оставил его (Чучи) и отдал приказ: «мы пошли на Буххару, а ты приходи к нам и все города и крепости за нами на дороге покори». Чучи, покорив по указу города и крепости, присоединился к Чингиз Хану в Самарканде. Из Самарканда Чингиз Хан послал его, присоединив к нему двух меньших братьев его Джагатай Хана с Угэдай Ханом, с сильным войском на покорение страны Харезмской. По прибытии на место, по несогласию его с Джагатай Ханом, покорение Харезма не состоялось: Чингиз Хан повелел, чтоб «в том деле он был главой и чтоб братья не выходили из повиновения своего старшего брата». Когда по указу дело сделано, страна Харезмская до исхода десяти дней была покорена. После того Джагатай Хан с Угэдай Ханом пошли за Чингиз Ханом, присоединились к нему в области Термез. Чучи Хан же оттуда пришел в Северные страны и прошел в Башгир, в Уруш, Черкес и Дешт-капчакскую страну. И по той причине,

что он пошел без позволения Хана, Хан был весьма огорчен и говорил: «я его казню». Чучи Хан сделался болен. Чингиз Хан, возвращаясь из страны Сартской, пошел в свою страну; Чучи Хан отправил на нескольких верблюдах наловленных птиц, говоря: «я болен: поэтому извините, что не иду». Один человек из племени Мангкит проходил близко юрт Чучи Хана, и переходя из одной юрты в другую, достиг некоторой горы, где было место охоты его (Чучи Хана). Так как он (Чучи) был болен, то и сказал Бекам своим: «вы охотитесь на этой горе». Мангкит, увидя это сборище, подумал, что-де Чучи Хан сам охотится. Когда он явился к Чингиз Хану, тот спросил у него: «какая у тебя есть весть о Чучи и его болезни?» (Мангкит) отвечал: «о болезни его я не знаю сам, а вот у такой-то горы он охотился». Едва услышал эти слова Чингиз Хан, как рассердился на него (Чучи), пришел в гнев и решил, что «Чучи Хан возмутился, что не слушается моего слова, или сошел с ума, что делает такие дела». (Чингиз Хан) отдал приказ, чтоб сначала Угэдай Хан с Джагатай Ханом пошли на него: «я сам выступлю в походе вслед за ними». Войско было уже снаряжено, как вдруг приходит весть о смерти Чучи Хана. Хан стал весьма печален и огорчен. Искали того Мангкита, который сказал ту ложную весть, чтоб казнить его, но он бежал и не был найден. В некоторых хрониках так упоминается, что Чучи Хан, доживя до 20 лет умер, а некоторые говорят, что он обрел смерть между тридцатью-сорока годами. Знание у Бога!

Рассказ. Чингиз Хан во время кончины, по сделании завещания детям своим, сказал своим бекам: «всякой, кто хочет знать закон, уложение и науку, пусть идет к Джагатаю; всякий, кто хочет имения, добычи и храбрости, пусть идет к Угэдаю; всякий, кому нужно благонравие, благоразумие, твердость и спокойствие, пусть пристанет к Тулюю». Других слов кроме этих он не сказал и разделил своих Беков сыновьям своим. <...>».

1.3. Извлечения из летописей Древней Руси о монгольском вторжении

1.3.1. Битва на р. Калке

Здесь, и далее по пункту 1.3, литературный перевод по: Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 5: XIII век. – 527 с.

Извлечение по Лаврентьевской летописи: ПСРЛ. Т.1. Стб. 445–447.

В год 6731 (1223). <...> В тот же год пришли народы, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда появились, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татары, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги. <...> Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о русских князьях и о бедах, которые были от этих народов.

И мы слышали, что татары многие народы пленили: ясов, обезов, касогов, и избили множество безбожных половцев, а других прогнали. И так погибли половцы, убиваемые гневом Бога и пречистой его Матери. Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый Бог хотел погубить и наказать безбожных сыновей Измаила, куманов, чтобы отомстить за христианскую кровь; что и случилось с ними, беззаконными. Эти таурмены прошли всю страну куманов и подошли близко к Руси на место, которое называется Половецкий вал. Узнав об этом, русские князья Мстислав Киевский, и Мстислав Торопецкий, и Мстислав Черниговский, и прочие князья решили идти против татар, полагая, что татары нападут на них. И послали князья во Владимир к великому князю Юрию, сыну Всеволода, прося у него помощи. И он послал к ним племянника своего благочестивого князя Василька Константиновича, с ростовцами, но Василек не успел прийти к ним на Русь. А русские князья выступили в поход, и сражались с татарами, и были побеждены ими, и немногие только избегли смерти; кому выпал жребий остаться в

живых, те убежали, а прочие перебиты были. Тут убит был старый добрый князь Мстислав, и другой Мстислав, и еще семь князей погибло, а бояр и простых воинов многое множество. Говорят, что только одних киевлян в этой битве погибло десять тысяч.

Извлечение по Галицко-волынской летописи: ПСРЛ Т.2 Стб. 740–745

В год 6732 (1224). Пришло неслыханное войско, безбожные моавитяне, называемые татарами; пришли они на землю Половецкую. <...> И вот, когда половцы прибежали в Русскую землю, то сказали они русским князьям: «Если вы нам не поможете, то сегодня мы были побиты, а вы завтра побиты будете».

Был совет всех князей в городе Киеве, и решили на совете так: «Лучше нам встретить их на чужой земле, чем на своей».

<...>

Оттуда они шли восемь дней до реки Калки. Встретили их татарские сторожевые отряды. Сразились сторожевые отряды, и был убит Иван Дмитриевич и еще двое с ним.

Татары отъехали; около самой реки Калки встретились татары с русскими и половецкими полками. Мстислав Мстиславич повелел сначала перейти реку Калку Даниилу с полком и другим полкам с ними, а сам после них переехал; сам он ехал в сторожевом отряде. Когда он увидел татарские полки, то приехал сказать: «Вооружайтесь!» Мстислав Романович и другой Мстислав сидели в стане и ничего не знали: Мстислав им не сказал о происходящем из-за зависти, потому что между ними была большая вражда.

Сошлись полки вместе. <...> Побеждены были все русские князья. Такого же никогда не бывало. Татары, победив русских людей из-за прегрешений христиан, пришли и дошли до Новгорода Святополкова. Русские же, не ведая о их лживости, вышли навстречу им с крестами, и были все перебиты.

1.3.2. «Побоище Батыево»

Извлечение представлено по: ПСРЛ Т.1. Стб. 460–466.

В год 6745 (1237). <...> В тот же год зимой пришли из восточных стран на Рязанскую землю лесом безбожные татары, и начали завоевывать Рязанскую землю, и пленили ее до Пронска, и взяли все Рязанское княжество, и сожгли город, и князя их убили. А пленников одних распинали, других – расстреливали стрелами, а иным связывали сзади руки. Много святых церквей предали они огню, и монастыри сожгли, и села, и взяли отовсюду немалую добычу; потом татары пошли к Коломне. В ту же зиму выступил Всеволод, сын Юрия, внук Всеволода, против татар. И встретились они у Коломны, и была битва великая. И убили воеводу Всеволодова Еремея Глебовича, и многих других мужей Всеволода убили, а Всеволод прибежал во Владимир с малой дружиной. А татары пошли к Москве. В ту же зиму взяли татары Москву, и воеводу убили Филиппа Няньку за правоверную христианскую веру, а князя Владимира, сына Юрия, взяли в плен. А людей избили от старца до грудного младенца, а город и церкви святые огню предали, и все монастыри и села сожгли, и, захватив много добра, ушли.

В ту же зиму пришли татары к Владимиру, месяца февраля в третий день, на память святого Симеона, во вторник, за неделю до мясопуста. Владимирцы затворились в городе, Всеволод и Мстислав были в нем, а воеводой был Петр Ослядюкович. <...> Татары станы свои разбили у города Владимира, а сами пошли и взяли Суздаль, и разграбили церковь святой Богородицы, и двор княжеский огнем сожгли, и монастырь святого Дмитрия сожгли, а другие разграбили. Старых монахов, и монахинь, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей убили, а юных монахов, и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей – всех увели в станы свои, а сами пошли к Владимиру.

И стоял в городе из-за наших грехов и несправедливости великий плач, а не радость. За умножение беззаконий наших привел на нас Бог поганых, не им покровительствуя, но нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Такими карами казнит нас Бог – нашествием поганых; ведь это бич его, чтобы мы

свернули с нашего дурного пути. <...> Взяли татары город до обеда от Золотых ворот; у церкви святого Спаса они перешли по примету через стену, а с севера от Лыбеди подошли к Ирининым воротам и к Медным, а от Клязьмы подступили к Волжским воротам и так вскоре взяли Новый город. Всеволод и Мстислав и все люди бежали в Печерный город. <...> Пленив Владимир, пошли татары, эти окаянные кровопийцы, на великого князя Георгия. Часть татар пошла к Ростову, а другая часть к Ярославлю, а иные пошли на Волгу на Городец, и пленили они все земли по Волге до самого Галича Мерьского; а другие татары пошли на Переяславль, и взяли его, а оттуда пленили все окрестные земли и многие города вплоть до Торжка. И нет ни одного места, и мало таких деревень и сел, где бы не воевали они на Суздальской земле. Взяли они, в один месяц февраль, четырнадцать городов, не считая слобод и погостов, к концу сорок пятого года; но мы вернемся к нашему рассказу. <...>

В год 6747 (1239). <...> В тот же год татары взяли Переяславль Русский, и епископа убили, и людей перебили, а город сожгли огнем, и, захватив много пленников и добычи, отступили. В тот же год Ярослав пошел к Каменцу; он захватил город Каменец, а княгиню Михаила и большую добычу забрал с собой. В тот же год освящена была великим освящением церковь Бориса и Глеба в Кидекше в праздник Бориса и Глеба священным епископом Кириллом. В том же году татары взяли Чернигов, князя же оттуда выехали в Венгрию; а город сожгли, и людей перебили, и монастыри разграбили, а епископа Порфирия отпустили в Глухове; а сами татары вернулись в станы свои. В тот же год Ярослав выступил в поход из Смоленска против Литвы, и победил Литву, а князя их взял в плен; уладив дела со смольнянами, он посадил у них князем Всеволода, а сам с большой добычей и с великой славой вернулся в свои земли. В тот же год зимой захватили татары Мордовскую землю, и Муром сожгли, и воевали по берегу Клязьмы, и город святой Богородицы Гороховец сожгли, а затем вернулись в станы свои. Тогда было смятение большое по всей земле, и сами люди не знали, кто куда бежит.

В год 6748 (1240). <...> В тот же год взяли татары Киев и храм святой Софии разграбили и монастыри все. А иконы, и честные кресты, и все церковные украшения забрали и избили мечом всех

людей от мала до велика. А случилось это несчастье в Николин день до Рождества Господа.

В год 6749 (1241). <...> В тот же год татары победили венгров. В тот же год татары убили Мстислава Рыльского.

1.4. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в.

Источник цитируется по изданию: Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Отв. ред. Л.О.Башелеишвили. Пер. со старогрузинского и предисловие Г.В.Цулая. – М., 2005. – Вып. I. Текст. – С. 22–152.

«Теперь же упомянем малость о детях Чингиз-каэна

У сего Чингиз-каэна было множество жен, а также детей. А старшая жена Севинджи родила ему сына, которого звали Туши и коего грузины именовали Джочи. Второй – Чагата, третий – Окота, четвертый – Тули. Сих четырех пребывающий в Хатаети определил каэнами. Старшему – Туши – дал половину (собственного) воинства и отправил в Великую Кивчакию, Овсети, Хазарети и Русь до (земель) Мрака. И все это отдал он данному (сыну), а о прочих (его детях) упомянем потом.

<...>

Как только татары достигли страны нашей, гонимый султан Джалалдин бежал и покинул царство свое. (Татары) легко прибрали к рукам Туран, Турцию и весь Хорасан. И поделил (Чингисхан) на четыре (части) воинство свое и определил четырех сыновей ханами:

первородному вручил половину воинства и отправил в Великую Кивчакию до (страны) Мрака. Овсетию, Хазарию, Русь до боргаров и сербов, ко всем жителям Северного Кавказа, как о том говорено мною;

второму же сыну – Чагата – отпустил воинов и страну уйгуров до Самарканда и Бухару до страны Алмотской; это, кажется, Туран;

третьему сыну – Окота – дал, собственно, престол свой, а также Каракурум, Чин-Мачин, страны Эмелийскую, Кутакскую и Хатаети;

четвертого сына звали Тули; ему он выдал войско и земли к востоку (от владений) Окота.

Сих четырех определил ханами и уведомил: раз в году братьям старшим являться к Окоте для созыва Курултая, так как престол был отдан Окоте. <...>

<...>

В ту пору выступил по дороге Дарубандской великий *каэн* Берка с несметным воинством мстить за дела Тутара, Балаги и Кули. Узнав об этом, *каэн* Абага созвал воинов своих и царя Давида и двинулся навстречу. Но, узнав мощь и размеры войска Берка, не решился перейти Куру, но прошел по берегам и все проходы. Занял все высокие места и поставил воинов там, где сливаются Кура и Рахси – отсель и до Мцхеты.

Берка разорил земли Ширвана, Эреги, Кахети и все побережье Иори, и рать его дошла до Тбилиси, и истребили множество душ христианских. А *каэн* Берка стал в горах Гареджийских. Тогда глянул Господь милостиво на страну и *каэна* Абагу, вошел недуг в Берка, и помер он. Когда же воины его узнали о смерти *каэна* своего, забрали тело его и прошли Ворота Дарубанда. Так утихомирилась страна сия. <...>».

1.5. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.

Источник и примечания цитируются по изданию: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под ред. члена-корр. АН СССР В.Л.Янина. – М., 1987. – С. 154–155, 235–236.

«Глава 71. О первых татарах, которые проникли в Польшу и Венгрию»

В году 1241 Батый, татарский хан, со своим войском – народом многочисленным и жестоким, пройдя Русь, вознамерился вторгнуться в Венгрию. Но, прежде чем он достиг венгерских границ, он направил часть своего войска против Польши. Они в день Пеплаз опустошили и город, и Сандомирскую землю, не пощадив ни поля, ни возраста. Затем они через Вислицу пришли в Краков, подвергнув все опустошению. Недалеко от Ополья их встретили князья [Владислав] опольский и [Болеслав] сандомирский и начали было с ни-

ми сражаться, но бежали, не имея возможности сопротивляться ни их многочисленности, ни воле Божьей. И, таким образом, упомянутая часть татарского войска, опустошив Серадз, Ленчицу и Куявию, дошла до Силезии. С ними Генрих, сын Генриха Бородатого, князь силезский, польский и краковский, со многими тысячами вооруженных [воинов] храбро встретился на поле у крепости Легница и, уповая на Божью помощь, уверенно с ними сразился. Но с соизволения Господа, который иногда допускает избиение и своих за их преступления, знаменитый вышеупомянутый князь Генрих вместе со многими тысячами несчастных людей пал на поле боя⁴. С ним вместе пал подобным образом князь Болеслав, прозванный Щепелка. Когда Батый, татарский князь, вторгся в Венгрию, ему преградили дорогу венгерские короли, братья Бела и Коломан⁵. Последние, потеряв в сражении большую часть своего войска, обратились в бегство. Так, Батый, опустошая Венгрию, жестоко убивая людей от мала до велика, не щадя ни пола, ни возраста, переправился через реку Дунай. Пробыл он в этом королевстве год или более, учинив жестокую резню в народе и нечестивое разорение городов⁶. <...>

1.6. Матфей Парижский. «Великая хроника» («Chronica majora»)

Источник и комментарий цитируются по изданию: Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. – М., 1979. – С. 107–171.

«[1244] Это сказал Петр, архиепископ России, бежавший от тартар, когда его спросили об их жизни»

И пока этот роковой жребий надвигался на мир, некий архиепископ из России, по имени Петр, муж, как можно было судить, честный, набожный и достойный доверия, изгнанный тартарами, бежал из своего королевства и спасся, переправившись в области по эту сторону Альп, чтобы для архиепископства своего получить совет и помощь и от братьев своих утешение, если помогут ему, по велению божьему, Римская церковь и милостивая благосклонность [здешних] правителей.

Приложение 2. Извлечения из источников по истории Золотой Орды

2.1. Из сочинения Ала ад-Дина Ата-Мелик Джувейни «История завоевателя мира»

Источник цитируется по изданию: Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. язык Дж.Э.Бойла. Перевод с англ. на русский язык Е.Е.Харитоновой. – М., 2004. – С. 18–25, 28–31, 183–186, 399–436.

«ПЕРВАЯ ЧАСТЬ <...>

[I]

О законах, созданных Чингисханом, и ясах, которые он распространил после своего прихода к власти

... В соответствии и согласии со своим собственным суждением он ввел правило для каждого дела и закон для каждого обстоятельства, и для каждой вины установил кару. А так как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы монгольские дети обучались письму уйгуров; и чтобы ясы и приказы были записаны на свитках. Эти свитки называются Великой Книгой Ясы, и лежат они в казне старших царевичей. И когда станет хан садиться на трон, или будет набирать великое войско, или соберутся царевичи и [станут советоваться] о делах государства и управления, то приносят те свитки и с ними сообразуют свои дела; и к построению войска, и к разрушению стран и городов приступают по тому порядку, который в них предписан.

В начальную пору его владычества, когда с ним соединялись монгольские племена, он отменил дурные обычаи, которые соблюдались теми племенами, признавались ими, и установил обычаи, достойные похвалы, диктуемые благоразумием. Среди тех установлений есть многие, которые согласуются с шариадом.

В указах, что рассылал он во все страны, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию и угрозам, что было обычаем царей-тиранов древности, которые угрожали своим

недругам захватом их земель и мощью своего снаряжения и припасов; монголы же, наоборот, в виде крайнего предупреждения, писали так: «Если вы не смиритесь и не подчинитесь, что можем мы знать? То Древний Бог ведает». <...>

Поскольку Чингисхан не был приверженцем никакой веры и не следовал никакому исповеданию, то он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой и не превозносил одних над другими; наоборот, он почитал и чтил ученых и благочестивых людей всех религиозных толков, считая такое поведение залогом обретения Царствия Божия. И так же, как он с почетом взирал на мусульман, так миловал и христиан и идолопоклонников. А дети и внуки его, по несколько человек, выбрали себе веру по своей склонности: одни приняли Ислам, другие христианство, некоторые избрали идолопоклонство, а еще некоторые остались верны древним обычаям дедов и отцов и ни на какую сторону не склонились, но таких было меньшинство. Но хоть и приняли они разную веру, но по большей части избегают фанатизма и не уклоняются от ясы Чингисхана, что велит все толки считать равными и различий меж ними не делать.

<...>

Что же до устройства их войска, то со времен Адамовых и до сего дня, когда большая часть земли находится под владычеством рода Чингисова, ни в одной истории не прочитано и ни в одной книге не написано, что когда-либо какой-то царь, бывший господином многих народов, имел войско, подобное татарскому, такое же выносливое и непривычное к удобствам, такое же покорное полководцу в благополучии и лишениях, не из-за жалованья и корма и не из-за ожидания повышения и дохода. И это поистине есть наилучший порядок организации войска; ибо львы, пока не проголодаются, не выходят на охоту и не нападают ни на какого зверя. Есть персидская пословица «*От сытой собаки нет охоты*», и еще сказано: «*Мори голодом свою собаку, чтобы она следовала за тобою*».

Какое войско во всем мире может сравниться с татарской армией? В бою они, нападая и атакуя, подобны натасканным диким зверям, а в дни мира и спокойствия они как овцы, дающие молоко, шерсть и многую другую пользу. В дни бедствий и несчастий меж-

ду ними нет раздора и противостояния. Это войско подобно крестьянству, что выплачивает разные подати (*mu'an*) и не выказывает недовольства, чего бы от него ни требовали, будь это копчур, специальные налоги (*avārīzāt*), содержание (*ikhrājāt*) проезжающих, почтовых станций (*yam*) с предоставлением лошадей (*ulagh*) и корма для них. Эти крестьяне в образе войска, все как один, от мала до велика, от знатного до низкого, во время сражений рубят саблями, стреляют из луков и колют копьями и способны свершить все, что ни потребуется. Когда бы ни ставилась задача уничтожить неприятеля или усмирить бунтовщиков, они готовят все, что потребуется в этом случае, от различного оружия и снаряжения до знамен, иголок, веревок, верховых и вьючных животных, таких как ослы и верблюды; и каждый должен предоставить свою долю согласно своему десятку или сотне. В день смотра они предъявляют свое снаряжение, и если чего-то не хватает, виновного жестоко наказывают. И даже когда они участвуют в сражениях, они выплачивают столько разных налогов, сколько необходимо, а повинности, которые они выполняли, возлагаются на их жен и тех, кто остался дома. Так что если затеется работа, в которой должен был нести повинность (*bīgār*) мужчина, а он будет отсутствовать, то его жена пойдет лично и выполнит за него повинность.

Смотр и учет войска ведутся так, что пропала необходимость записывать результаты проверки и содержать специальных людей и их помощников. Ибо все разделены на десятки, и из каждого один человек назначен начальником над другими девятью; и из десяти начальников десятков один получает звание «командующего сотней», и вся сотня ему подчинена. И так с каждой тысячей, и точно так же с десятью тысячами человек, над которыми назначен начальник, называемый «командующим *тумена*». В соответствии с этим порядком, если возникнет необходимость и понадобится человек или вещь, то дело передают темнику, а тот, соответственно, — тысяцкому, и так далее до десятников. В этом есть истинная справедливость; каждый человек трудится как другой, и между ними не делают различия, не принимая во внимание ни богатство, ни власть. Если вдруг понадобится войско, издается приказ, что столько-то тысяч людей должны явиться в такое-то место в такое-то время дня

или ночи. «*Они не замедлят ни на час (назначенное им время) и не ускорят*». И они не опоздают и не придут прежде времени ни на мгновенье ока. Повиновение и послушание их таковы, что если начальник тумена, будь он от хана на расстоянии, отделяющем восход от заката, совершит оплошность, хан шлет одного-единственного всадника, чтобы наказать его, как будет приказано; если требуется голова, он отрубит голову, а если золото, то заберет его у него. <...>

А еще есть такая яса, что никто не может перейти в другое место из тысячи, сотни или десятка, к которым он приписан, или искать убежища у других. И если этот порядок будет нарушен, то того, кто перебежал, убивают принародно, а того, кто укрыл, сурово наказывают. Поэтому ни один человек не может дать укрытия другому; и если (к примеру) военачальник – царевич, то и самого низкого звания человека он к себе не пустит и тем самым избежит нарушения ясы. Следовательно, никто не может своевольничать со своим начальником или вождем, и другие начальники не могут никого переманивать.

<...> И когда удлинились и расширились их владения и стали происходить важные события, стало необходимо знать, чем занимаются их враги, и также нужно было перевозить товары с Запада на Восток, и с Дальнего Востока на Запад. Поэтому по всей ширине и длине страны были учреждены *ямы*, и сделаны распоряжения о содержании и расходах по каждому *яму*, и выделено для них определенное число людей и животных и количество яств, напитков и прочих необходимых вещей. И все они были поделены между *туменами*, и каждые два *тумена* должны были содержать один *ям*. И соответственно переписи они так распределяют их, чтобы гонцам не приходилось подолгу скакать до места, где взять свежих лошадей, и чтобы ни крестьянство, ни войско не терпели постоянного неудобства. Более того, гонцам дан строгий наказ беречь лошадей и другие наказания – перечисление всего займет слишком много времени. Ежегодно *ямы* осматриваются, и если случается какой-либо недостаток или пропажа, убыток возмещают крестьяне.

Так как все страны и народы находятся под их господством, то они повсюду ввели перепись по установленному образцу и все население поделили на десятки, сотни и тысячи и установили порядок

набора войска, ямскую повинность и расходы на проезжающих и поставку фуража, не считая денежных сборов; а сверх всех этих тягот наложили еще *кочур*.<...>

И много есть еще других яс, и на описание каждой уйдет много времени; поэтому мы ограничились пересказом вышеупомянутых.<...>

[XXXVIII]

О Туши и о вступлении на престол вместо него Бату

Когда Туши, который был старшим сыном, отправился в Куланбаши соединиться с Чингисханом, и вернулся оттуда, пробил назначенный час. И из всех его сыновей возраста достигли семеро: Богал, Хорду, Бату, Сибакан, Тангут, Берке и Беркечер; и Бату наследовал своему отцу и стал править царством и своими братьями. И когда Каан взошел на трон Империи, Бату подчинил и покорил себе все края, прилегающие к его территории, включая остатки кифчакских земель, аланов, ясов и русов, а также такие земли, как Булгар, Магас и другие.

И Бату жил в своем собственном лагере, который он разбил в районе Итиля; и он построил там город, который называется Сарай; и его слово стало законом во всех странах. Он был царем, не склоняющимся ни к какой вере или религии: он признавал только веру в Бога и не был слепо предан какой-либо секте или учению. Его щедрость была безмерна, а его терпимость безгранична. Правители всех стран и монархи со всех сторон света и все остальные приходили к нему; и до того как их подношения, которые копились веками, успевали убрать в казну, он раздавал их монголам и мусульманам и всем присутствующим, и не смотрел, много это было или мало. И купцы из разных стран приносили ему всевозможные товары, и он брал все, и увеличивал цену в несколько раз против начальной. И он дал денег султанам Рума и Сирии и вручил им ярлыки; и ни один из тех, кто приходил к нему, не ушел, не достигнув своей цели.

Когда ханство унаследовал Гуюк-хан, Бату по его просьбе и приглашению отправился навестить его. Когда он достиг Алакамака, Гуюк-хан скончался. Он остался в этом месте, и отовсюду к нему прибыли царевичи; и они передали ханство Менгу-каану, о чем будет рассказано в главе о Менгу-каане. И оттуда он отправился

назад и пришел в свою собственную *орду*, и предался удовольствиям и развлечениям. И всякий раз, когда готовился поход, он, соответственно необходимости, посылал войска, которые возглавляли члены его семьи, его родственники и ратоводцы. Когда в 653 году (1255–1256) Менгу-каан проводил очередной *курултай*, он послал к нему Сартака, который был приверженцем христианской веры. Не успел Сартак прибыть, как исполнился приказ Господа, и неизбежное свершилось в году... И когда Сартак прибыл, Менгу-каан принял его с величайшей добротой, выделив его среди равных; и он отпустил его с такими богатствами и сокровищами, которые подобали такому великому царю. Не успел он достичь своей *орды*, доехав лишь до..., как отправился вслед за своим отцом. Каан послал своих эмиров утешить его жен и братьев; и он приказал, чтобы Боракчин-хатун, которая была старшей женой Бату, издавала бы приказы и занималась воспитанием Улагчи, сына Сартака, пока он не станет взрослым и не займет место своего отца. Но судьба распорядилась иначе, и Улагчи скончался в тот же год.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ <...>

[III]

О Бачмане и его гибели

Когда Каан направил Менгу-каана, Бату и других царевичей завоевать земли Булгара, Аса, и Руса, кифчаков, аланов и других племен, все эти земли были освобождены от смутьянов, и те, кому удалось избежать меча, склонили свои головы в повиновении. Тем не менее, одному из вождей поверженных кифчаков, человеку по имени Бачман, удалось уйти от преследования с отрядом кифчакских воинов, и к нему присоединились другие беглецы. Не имея никакого убежища или укрытия, он каждый день и каждую ночь отправлялся на новое место. И из-за своей собачьей природы он, подобно волку, нападал на всех и каждого и уходил с награбленным. Со временем зло, причиняемое им, росло, и наносимый им вред увеличивался; и каждый раз, когда войско преследовало его, его нельзя было отыскать, поскольку он уходил на новое место и запутывал следы.

Большая часть его укрытий и убежищ находилась на берегах Итиля. Здесь он прятался в лесах, откуда выскакивал подобно шакалу, хватал что-нибудь и вновь скрывался. Князь Менгу-каан приказал построить двести кораблей и в каждый из них посадить сто монголов в полном вооружении. После этого со своим братом Бочком он устроил *нерге* на обоих берегах реки. Пройдя вдоль Итиля, они подошли к лесу и увидели в нем следы лагеря, который был покинут лишь утром: разбитые повозки и лежащие повсюду испражнения людей и животных. Посреди всего этого они заметили старую больную женщину. Они спросили у нее, что произошло, кто были эти всадники и откуда, и как они выглядели. Они узнали, что Бачман только что покинул свой лагерь и укрылся на острове посреди реки и что все животные и все награбленное им добро также находились на том острове. У них с собой не было лодок, а река бушевала подобно морю, и по ней нельзя было плыть, не говоря уж о том, чтобы ехать верхом. Неожиданно налетел ветер и отогнал всю воду от подступов к острову, так что показалось дно. Менгу-каан приказал войску немедля войти в реку. Не успел Бачман опомниться, как был захвачен, и его войско было уничтожено всего за час: одних сбросили в воду, других перебили на месте. Монголы захватили в плен их жен и детей, а также забрали множество ценной добычи. После этого они отправились назад. Вода начала прибывать, и когда они достигли берега, она вновь поднялась, не причинив вреда ни одному воину.

Когда Бачман был приведен к Менгу-каану, он умолял, чтобы последний убил его собственными руками. Однако Менгу-каан велел своему младшему брату разрубить его надвое.

Эти знаки указали на причину передачи власти и ключей империи Императору Мира Менгу-каану, которая не требует дальнейших доказательств.

2.2. Иоанн де Плано Карпини. «История монгалов, именуемых нами татарами»

Источник и примечания цитируются по изданию: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – 270 с.

«ГЛАВА ПЯТАЯ

О начале державы Татар, об их князьях, о власти императора и его князей

Сказав об их обычаях, следует присовокупить об их державе, и сперва скажем об ее начале, во-вторых, об ее князьях, в-третьих, о власти императора и князей. <...>

§ III. О власти императора и его князей

I. Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождем, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. Точно так же, если он просит дочь девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов Татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным. Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание. Но послы, приходящие из других стран терпят большую нужду как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы, а в особенности когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на десять человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое; также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день, и очень мало; точно так же, если им причиняют какие-нибудь оби-

ды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды.

III. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть Татары и другие, распределены между вождами. Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно.

IV. По смерти императора, как сказано было выше, вожди собрались и выбрали в императоры Оккодая, сына вышеназванного Чингиз-кана. Он, устроив собрание князей, разделил войска Бату, который приходился ему во втором колене, он послал против земли Высокого Султана и против земли Бисерминов; ибо они были Саррацины, но говорили по-комански. И когда он вошел в их землю, он сразился с ними и войною подчинил их себе. А один город, по имени Бархим, долго противился ему; именно они сделали большие рвы вокруг города и закрыли их, а когда те подходили к городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города раньше, чем заполнили те рвы. Люди же из некоего города, по имени Ианкинт (Iankint), услышав это, вышли им навстречу и добровольно предались в их руки, отчего город их не был разрушен, но они убили многих из них, а других переселили и, произведя грабеж города, наполнили его другими людьми. Пошли они также против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар (Gazari), Русских, Аланов и других, а также Саррацинов. Саррацинам же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в

нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми.

V. Совершив это, они вступили затем в землю Турков, которые суть язычники, победив ее, они пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию. Из России же и из Комании вышеназванные вожди подвинулись вперед и сразились с Венграми и Поляками; из этих Татар многие были убиты в Польше и Венгрии; и, если бы Венгры не убежали, но мужественно воспротивились, Татары вышли бы из их пределов, так как Татары возымели такой страх, что все пытались сбежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: «Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингиз-кан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим». И, таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию.

VI. Возвратившись оттуда, они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгариизы, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и выпитывают дым и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало. Подвинувшись отсюда, они пришли к Самогедам, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись отсюда

далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо, как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и, таким образом, в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

2.3. Вильгельм де Рубрук. «Путешествие в восточные страны»

Источник и примечания цитируются по изданию: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – 270 с.

«ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О дворе Бату и том, как он нас принял

<...> Итак, когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье. И как в Израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома [с повозок]. Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так как он всегда находится по середине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо перед двором или напротив двора. Итак, нас отвели сперва к одному Саррацину, который не позаботился для нас ни о какой пище. На следующий день нас отвели ко двору, и Бату приказал раскинуть большую палатку, так как дом его не мог вместить столько мужчин и столько женщин, сколько их собралось. Наш проводник внушил нам, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко. Он спросил также, отправляли ли вы к ним послов. Я сказал, что вы

посылали их к Кен-хану и что не отправляли бы ни послов к нему, ни грамоты к Сартаху, если бы не думали, что они были христианами, так как вы послали нас не из-за какого-нибудь страха, а с целью поздравления, потому что вы слышали, что они – христиане. Затем он отвел нас к шатру [павильону, *parilionem*], и мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома. Мы стояли там в нашем одеянии босиком с непокрытыми головами, представляя и в собственных глазах великое зрелище.

Там был брат Иоанн де Поликарпо, но он переменял платье, чтобы не подвергнуться презрению, так как был послом Господина Папы. Тогда нас провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уважение преклонением колен, как обычно делают послы. Итак, мы стояли перед ним столько времени, во сколько можно произнести «Помилуй мя, Боже», и все пребывали в глубочайшем безмолвии. Сам же он сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа. Мужчины же сидели там и сям направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату, заполняли мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла при входе в палатку. Итак, Бату внимательно осмотрел нас, а мы его; и по росту, показалось мне, он похож на господина Жана де Бомон, да почиет в мире его душа. Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами. Наконец он приказал нам говорить. Тогда наш проводник приказал нам преклонить колена и говорить. Я преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить, и я, вообразя, что молюсь Богу, так как преклонил оба колена, начал речь с молитвы, говоря: «Государь, мы молим Бога, от которого исходят все блага и который дал вам сии земные, чтобы после этого он даровал вам небесные, так как первые без последних ничтожны». Он внимательно выслушал, и я прибавил: «Знайте за верное, что не получите небесных благ, если не станете христианином. Ибо сказал Бог: «Кто уверует и крестится,

спасен будет. Кто же не поверит, будет осужден». При этом слове он скромно улыбнулся, а другие Моалы начали хлопать в ладоши, осмеивая нас, и мой толмач оцепенел, так что надо было ободрить его, чтобы он не боялся. Затем, когда настала тишина, я сказал: «Я прибыл к вашему сыну, так как мы слышали, что он – христианин, и я привез ему грамоту от господина короля Франков. Он сам послал меня сюда к вам. Вы должны знать, по какой причине». Тогда он приказал мне встать и спросил об имени вашем, моем, моего товарища и толмача и приказал все записать; так как он знал, что вы вышли из вашей земли с войском, то спросил также, против кого ведете вы войну. Я ответил: «Против Саррацинов, оскорбляющих дом Божий в Иерусалиме». Он спросил также, отправляли ли вы когда-нибудь к нему послов. «К вам», – сказал я, – «никогда». Тогда он приказал нам сесть и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме. И так как я, сидя, смотрел в землю, то он приказал мне поднять лицо, желая еще больше рассмотреть нас или, может быть, от суеверия, потому что они считают за дурное знамение или признак, или за дурное предзнаменование, когда кто-нибудь сидит перед ними, наклонив лицо, как бы печальный, особенно если он опирается на руку щекой или подбородком. <...>

2.4. Рашид ад-Дин. «Сборник летописей». Краткий рассказ о делах Джучи-хана

Текст воспроизведен по изданию: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П.Верховского. – М.; Л. 1960. – С. 78–87.

Рассказ о восшествии Берке на престол улуса Джучи-хана и об обстоятельствах [его] жизни

Когда Бату скончался и его сыновья Сартак и Улагчи, которые были назначены ему преемниками, скончались один за другим и [когда] его младший брат Берке в 652 г.х. [21 февраля 1254 – 9 февраля 1255 г. н.э.] воссел на его место, то его повеления стали неукоснительно исполняться в его улусе, и он по обычаю поддерживал с домом Тулуй-хана искреннюю дружбу, идя по пути преданно-

сти, благорасположения и единения. В 654 г. х. [30 января – 20 декабря 1265 г. н.э.] Балакан, который был в этом государстве, задумал против Хулагу-хана измену и предательство и прибегнул к колдовству. Случайно [это] вышло наружу. Учинили о том допрос, он тоже признался. Для того, чтобы не зародилась обида, Хулагу-хан отослал [Балакана] с эмиром Сунджаком к Берке. Когда они туда прибыли, была установлена с несомненностью его вина, Берке отослал его [обратно] к Хулагу-хану: «Он виновен, ты ведаешь этим». Хулагу-хан казнил его. Вскоре после того скончались также Татар и Кули. Заподозрили, что им с умыслом дали зелья. Поэтому у них возникло недовольство [друг на друга], и Берке стал враждовать с Хулагу-ханом, и, как это будет рассказано в повествовании о Хулагу-хане, они сразились в шаввале 660 г. х. [август 1262 г. н.э.]. Войска, прибывшие с Кули и Тутаром в это государство, большей частью разбежались. Некоторые вышли через Хорасан и расположились от гор Газны и Бини-Гау до Мултана и Лахавура, которые являются границами Хиндустана. Старшим из эмиров, которые были их предводителями, был Никудер, а Ункуджене, из эмиров Хулагу-хана, шел за ними по пятам. Другие через Дербенд добрались до своих жилищ. Эта распря между Берке и Хулагу-ханом оставалась в продолжение [всей их] жизни. Полководцем Берке был Нокай, сын Джарука сына Тумакана сына Кули, царевич очень отважный и удалой. Когда Хулагу-хан в 663 г. х. [24 октября 1264 – 12 октября 1265 г. н.э.] скончался на зимнем стойбище в Чагату и на место его воссел на престол сын его Абага-хан, то между ними и Берке все так же продолжалась вражда. В 663 г. х. [24 октября 1265 – 12 октября 1266 г. н.э.] Берке вернулся в пределы Ширвана с войны с Абага-ханом и, пройдя через Дербенд, умер близ реки Терек, в 664 г. х. [13 октября 1265 – 1 октября 1266 г. н.э.] Вот и все!

**Рассказ о восшествии Менгу-Тимура,
сына Тукукана, второго сына Бату, на [престол]
царствования над своим улусом**

Когда Берке скончался, на его место посадили упомянутого Менгу-Тимура. Он тоже долгое время противился Абага-хану, и они несколько раз сражались, и Абага-хан одерживал победы. В конце кон-

цов они в году ... в силу крайней необходимости заключили мир, как о том будет подробно изложено в повествовании об Абага-хане. С той поры они оставили споры до времен Аргун-хана, когда в месяце рамазане 687 г. х. [29 сентября – 28 октября 1288 г. н.э.] опять пришло от них громадное войско, их предводителями [были] Тама-Токта и Бука. Аргун-хан [уже] направлялся из зимних стойбищ в Арране и Мугане на летовку. Когда он услышал весть об их прибытии, то вернулся обратно и в передовой рати отправил старших эмиров Тогачара и Кунджи-бала с войском. Они дали бой и убили Бурултая, [одного] из предводителей их войска и много воинов. Враги, разбитые, повернули обратно. С той поры до сего времени, благословенной эпохи государя ислама Газан-хана, да увековечит Аллах его власть, они больше не принимались за распри и вследствие [своей] слабости предпочли соглашение раздору, ищут дружбы и единодушия и посылают к государю ислама гонцов с извещениями об обстоятельствах [дел] с дарами и подношениями. Вот и все!

**Рассказ о восшествии на престол Туда-Менгу,
о свержении его сыновьями Менгу-Тимура и Тарбу,
о царствовании их сообща, о бегстве от них Токтая,
о захвате их хитростью при помощи Нокая и об убиении [их]**

Когда Менгу-Тимур, после того как он процарствовал 16 лет, скончался в 681 г. х. [11 апреля 1282 – 31 марта 1283 г. н.э.], то того же числа воссел [на престол] Туда-Менгу, третий сын Туркукана, и некоторое время был государем. После того сыновья Менгу-Тимура, Алгу и Тогрыл, и сыновья Тарбу, старшего сына Тукукана, Тула-Бука и Кунчек свергли Туда-Менгу с престола под тем предлогом, что он помешанный, и сами совместно царствовали пять лет. Против Токтая [же], сына Менгу-Тимура, матерью которого была Олджай-хатун, внучка Келмиш-ака-хатун, они стали совместно замышлять, когда увидели в нем признаки храбрости и мужества. Он узнал об этом обстоятельстве, бежал от них, искал защиты у Йылыкчи, сына Беркечара, и послал к Нокаю, который был полководцем Бату и Берке, сообщение: «Двоюродные братья покушаются на мою жизнь, ты же старший, я прибегаю к защите того, кто является старшим, дабы он поддержал меня и прекратил покушение

родственников на меня. Пока я жив, я буду подчинен старшему и не нарушу его благоволения». Когда Нокай [об этом] узнал, в нем заговорили ревность и негодование. Притворившись больным, он выступил из областей Урус и Кехреб, которые он сам завоевал и сделал [своим] юртом и местопребыванием, переправился через реку Узи и склонял на свою сторону каждую тысячу и каждого эмира, к которым приходил, и говорил [им]: «Подходит пора старости, я оставил споры, распри и смуты, ни с кем не ссорюсь и не помышляю воевать. Однако есть у меня от Саин-хана указ, что если кто-либо в его улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я расследовал это [дело] и склонил их сердца к согласию друг с другом». Тысячи и воины, слыша эти наставления и видя с его стороны участие к себе, все покорились и подчинились ему. Когда он приблизился к орде упомянутых царевичей, то притворился больным – пил свежую кровь и остаток изрыгал из горла обратно. Он шел по пути дружбы и приязни, а тайком послал Токтаю весть: «Тебе надо быть готовым и после извещения прибыть [ко мне] с войском, которое [тебе] удастся собрать». Когда мать Тула-Бука услышала об умеренности и бескорыстии Нокая и о том, что он харкает кровью, она обязала сыновей: «Как можно скорее удостойтесь беседы с тем немощным старцем, оставляющим [сей] мир и твердо решившим отправиться в другой мир. Если вы допустите [в этом деле] небрежность и нерадивость, то молоко [ваших] матерей да не будет вам впрок!» Царевичи по совету [своих] матерей неосмотрительно и неблагоприятно прибыли к Нокаю, чтобы навестить его. Он сказал им в виде назидания: «Дети, я служил отцам вашим, и в старину и в недавние времена устанавливал всяческую справедливость, поэтому вам необходимо выслушать мое нелицеприятное слово, дабы я [мог] сменить ваши распри на истинное согласие. Ваше благо – в мире, устройте курилтай, дабы я дал вам мир». И он беспрерывно выплевывал из горла запекшуюся кровь. Известив Токтая [об их прибытии], он таким умасливанием усыплял бдительность царевичей, пока неожиданно не подоспел Токтай с несколькими тысячами и захватил тех царевичей и немедленно их умертвил. Нокай сейчас же повернул обратно и, переправившись через реку Итиль, направился к своему постоянному юрту. Вот и все!

**Рассказ о восшествии Токтая на престол своего улуса,
о появлении разногласий между ним и Нокаем,
об их войне друг с другом, о поражении Нокая
и об умерщвлении его**

После того как Токтай при помощи и содействии Нокая убил упомянутых царевичей, он стал на престоле Джучи самодержавным властелином, неоднократно посылал к Нокаю гонцов и приглашал его к себе, обнадеживая хорошими обещаниями. [Но] Нокай не соглашался. Отец жены Токтая, Салджидай-гургэн из племени кунгират, муж Келмиш-ака-хатун, посватал для своего сына по имени Яйлаг, родившегося от упомянутой хатун, дочь Нокая, некую Кабак, Нокай согласился. Через некоторое время после того, как свадьба была сыграна, Кабак-хатун стала мусульманкой. Яйлаг [с ней] не ладил, так как принадлежал к религиозной общине уйгуров, и между ними из-за религии и убеждений постоянно были ссоры и пререкания. Они презирали Кабак. Она [об этом] сообщила отцу, матери и братьям. Нокай крайне разгневался и послал к Токтаю гонца и сообщил: «Людям известно, сколько я понес трудов и тягот, самого себя я сделал причастным к вероломству и коварству, чтобы хитростью освободить для тебя трон Саин-хана, а теперь на этом троне правит карачу Салджидай. Если сын [мой] Токтай хочет, чтобы между нами укрепились отцовско-сыновние отношения, то пусть он Салджидайя отошлет в его юрт, который находится вблизи Хорезма». Токай не согласился. Снова Нокай послал [к нему] гонцов с просьбой относительно Салджидайя. Токтай сказал: «Он мне как отец и воспитатель, и [он] старый эмир, как же я отдам его в руки врага?» И не выдал [его]. У Нокая была жена, крайне умная и способная, по имени Чапай. Это она неоднократно ездила с посольской миссией к Токтаю. Она имела трех сыновей: старший – Джуке, средний – Еке и младший – Тури. Они прельстили несколько тысяч, принадлежавших Токтаю, и, подчинив их себе, переправили через [реку] Итиль, простерли руку дерзости и насилия над владениями Токтая и стали [там] самовластно править. Токтай рассердился и потребовал вернуть [те] тысячи. Но Нокай также не согласился и сказал: «Я отошлю их тогда, когда он придет ко мне Салджидайя, его сына Яйлага и Тама-Токту». По этой причине с обеих сторон

запылало пламя смуты и вражды. Токтай собрал войска и в 698 г.х. [9 октября 1298 – 30 августа 1299 г. н.э.] на берегу [реки] Узи сделал смотр приблизительно тридцати туманам войск. Так как в ту зиму [река] Узи полностью не замерзла, то он не смог [через нее] переправиться. Нокай же не трогался с своего места. Весной Токтай повернул обратно и сделал летовку на берегу [реки] Тан. На другой год Нокай переправился с сыновьями и женами через [реку] Тан, снова приступил к уловкам и говорил: «Я имею намерение [устроить] курилтай, чтобы примириться с вами». Так как он знал, что войско Токтая разошлось и при нем [находится] небольшое число, он поспешно двинулся вперед, чтобы внезапно напасть на него. Токтай узнал о его прибытии и собрал войско. В местности Бахтияри, на берегу реки Тан, они сошлись и вступили в бой. Токтай был разбит и, обращенный в бегство, удалился в Сарай. Эмиры Маджи, Сутан и Сангуй отвернулись от Нокая и направились к Токтаю. Токтай потребовал к себе Тома-Токту, сына Елуги, который долгое время был охранителем и защитником Дербенда, опять двинул большое войско и выступил войной на Нокая. Нокай не имел силы противостоять, уклонился [от сражения] и переправился через реку Узи. Они разграбили город Крым и увели много пленных. Тамошные жители направились ко двору Нокая и умоляли о возвращении пленных. Нокай приказал возвратить пленных. Воины сразу озлобились на Нокая и послали Токтаю извещение: «Мы рабы и подданные ильхана; если государь простит нас, то мы схватим Нокая и приведем». Сыновья Нокая узнали о том послании и решились на борьбу с тысячами. Эмиры-тысячники послали человека ко второму сыну Нокая, Теке, [передать]: «Мы все сговорились относительно тебя, если ты поспешишь к нам, то царствование мы передадим тебе». Теке отправился к ним. Они его немедленно заточили. Джуке, который был старшим братом, собрал войско и сразился с большими тысячами. Тысячи были разбиты, и один эмир-тысячник попал в его руки. Он послал его голову к другим тысячам, которые захватили Теке. Его стерегли триста человек. Став заодно с ним, они ночью бежали и отправились к Нокаю и [его] сыновьям. Когда Токтай услышал о несогласии их с войском, он переправился с шестьюдесятью туманами войска через реку Узи и расположился на берегу реки

Тарку, где был юрт Нокая. А с той стороны [реки] прибыл, сидя в арбе, Нокай с тридцатью туманами [войска] и расположился на берегу [той же] реки. Снова под предлогом болезни он лег в арбе, послал к Токтаю гонцов и передал: «Раб твой не знал, что государь лично благополучно прибывает. [Мое] царство и войско принадлежат рабам ильхана, раб [твой] человек старый, немощный, всю [свою] жизнь провел на службе отцов ваших. Если и произошел какой-нибудь пустяк, то [это] было по вине сыновей. Вся надежда на милость государя, что он соизволит простить эту вину». Тайно же он послал Джукке с большим войском, чтобы тот переправился через реку Тарку выше и ударил на Токтая и его войско. Караулы Токтая захватили лазутчика, и он рассказал положение дела. Когда Токтай узнал о его коварстве, он приказал войскам приготовиться и выступить. Войска с обеих сторон завязали бой. Нокай и его сыновей разбили, и множество народа в том сражении было убито. Нокай бежал с семнадцатью всадниками. Русский всадник из воинов Токтая нанес ему рану. Нокай сказал: «Я – Нокай, отведи меня к Токтаю, который является ханом». Урус, взяв [коня] его за повод, вел к Токтаю. По дороге он отдал [богу] душу. Токтай же победоносно вернулся в Сарай Бату, который является их столицей. Сыновья Нокая без пользы [для себя] колебались; так как они не видели от своей судьбы ничего хорошего, то Еке, мать его Чуби и Яйлак, мать Тури, сказали Джукке: «Самое лучшее – оставим раздоры и строптивость и отправимся к Токтаю». Джукке испугался этого и убил брата и жену отца, а сам с некоторыми приверженцами стал [бесцельно] бродить и скитаться. Он укрылся в одной крепости, путь к которой узок, как [мост] Сырат, и тесен, как сердце скареда; каков-то будет его конец? Еще до этого Нокай с Абага-ханом и Аргун-ханом положил начало искренней дружбы и единения, в ... году он послал к Абага-хану свою жену с сыном своим Тури и одного эмира и сватал у него двух дочерей. Он [Абага-хан] выдал одну дочь за Тури. Они пробыли там некоторое время, и их отпустили обласканными. Когда между ним [Нокаем] и Токтаем наступили раздор и война, он посылал постоянно к государю ислама [Газан-хану], да увековечит Аллах его власть, почтенных послов, умолял [его] о помощи и хотел стать зависимым от его высочайшей особы. Правда, случай был очень хо-

роший, но государь ислама Газан-хан, да увековечит [Аллах] его царствование, по величию [своих] помыслов не согласился [на это] и не обратил внимания на неблагоприятные обстоятельства [Токтая], изволив сказать: «В настоящее время предательство и нарушение слова далеки от благородства; коварство и обман осуждаются и запрещаются рассудком, божественным законом и ясой; хотя у нас с Нокаем полная дружба, но мы не входим в их споры и ссоры, так как использование во зло удобного случая – качество не похвальное, в особенности у великих государей». Токтай же, поскольку [и сам] боялся и опасался, то для устранения этого обстоятельства [также] отправлял послов с изъявлением дружбы. Государь ислама Газан-хан, да увековечит [Аллах] его власть, вызывал к себе послов обеих сторон и говорил им во время приема: «Я не вхожу в ваши междоусобные дела и не пользуюсь [вашими] неблагоприятными обстоятельствами. Если бы вы еще поладили друг с другом, то было бы хорошо и похвально». И для того, чтобы [устранить] их подозрения и сомнения, он сам своей благословенной особой не ходил на зимовку в Арран, а зимовал в Багдаде и в Диярбекре, дабы души их были спокойны. До сего времени он сохраняет в сердце дружбу и искренность как с Токтаем, так и с сыновьями Нокая. Он неоднократно приказывал и [всегда] приказывает, чтобы никто из родичей не начинал с ними распри и не искал повода к вражде. «Мы никогда не начнем ссоры [говорил он] и не приступим [первыми] к тому, что влечет за собой смуту, дабы вина за разруху, которая постигнет улус, не обратилась на нас». Словно создатель всевышний сотворил его беспорочное существо и лучезарную душу из чистой доброты и безграничной милости. Это государь, одаренный благородством характера, знаменитый во всех концах света [своей] справедливостью и добродетелью. [Это] царь царей, пекущийся о вере, справедливый судья, устроитель войска, ласковый к подданным, [родившийся] под счастливой звездой, избранник молвы. Бог всевышний и всевеликий да дарует ему [быть во главе] народов мира на многие лета и бесконечные века и да даст ему в удел наслаждение жизнью, державой, царством и властью. Клянусь честью лучшего из пророков [Мухаммеда] и его рода праведников! Да помилует Аллах раба [своего], сказавшего «Аминь». <...>

2.5. Извлечения из древнерусских памятников литературы о совместных русско-ордынских походах как элемента русско-ордынских отношений 2-й пол. XIII в.

Уже вскоре включения русских земель в состав Золотой Орды русские князья оказались активными участниками политических процессов в Орде. Одним из важнейших свидетельств такого деятельного и взаимовыгодного сотрудничества стало вовлечение русских князей в военные кампании степной империи.

1260 г. поход Бурундая на Литву: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846–847:

Времени же минувшоу . и приде Боуранда . безбожныи злыи со множествомъ . полковъ . Татарьскихъ . в силѣ тажыцѣ . Вперѣдмѣстѣхъ . Коуремьсьнѣхъ . Данило же . держаше рать . с Коуремьсою . и николи же . не боѣса Коуремьсѣ . не бѣ бо могль . зла емоу створити . никогда же Коуремьса донже К приде . Боуранда . со силою великою . посла же послы . к Данилови река . идоу на Литвою . вже еси миренѣ поиди со мною Л . Данилови же сѣдшоу с братомъ со снѣмъ . печалнымъ бывше . гадахоуть . вѣдахоуть бо . аще Даниль поедеть . и не боудеть с добромъ . сгадавьше вси . и еха Василко за брата . и проводи братъ до Берестѣае . и посла с нимъ людн своае . и помоливса Боу стмоу Спсѣоу . избавникоу аже есть икона . аже есть в городѣ мѣлницѣ . во цркви стѣѣ . Бцѣ . и нынѣ стоитъ в велицѣ чѣсти вбѣща емоу Данило король . оукрашениемъ . оукрасити и Василкови же ѣдоушоу по Бороундаи В вдиномоу по Литовьскои землѣ . вбрѣтъ негдѣ Литвою . избивъ ю и приведе саигать . Боурондаеви . и похвали Боурандаи Василка . аще братъ твои . не ѣхаль . и воеваше ѣзда с нимъ . ищющю емоу снѣца своего Романа . воеваша . землю Литовьскоую .

1274–1288 гг. отмечены циклом походов русских князей в составе войск Ногая на Литву, Польшу и Венгрию. Участниками походов с русской стороны были Лев Данилович Галицкий, Роман Брянский и союзные им князья. Это был не только вассальный долг, но и выгодная служба. Например, за свой поход Лев рассчитывал получить Люблинскую волость Польши. Помимо того в этих походах и

татары проявили себя как заботливые сюзерены. Именно татары оказали военную помощь Льву Даниловичу в борьбе с Литвой.

1274 г. Помощь татар Льву: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 871:

се же слышавъ Левъ . печалень быс в семь велми . и нача промышлати . и посла в Татары ко великому църви . Менгоути-
мереви . проса собѣ помочи оу него на Литвою . Менгоутимерь же
да емоу рать . и Агоурчина с ними воеводу и Заднѣпрескыи князи
всѣ да емоу в помочь . Романа Дьбрѣньского . и снѣмъ СѢлгомъ . и
Глѣба княза Смоленского иньихъ князии много тогда бо бахоу .
вси князи . в воли в Тотарьской . зимѣ же приспѣвше . и начаша сѣ .
приставати . князи Роусѣи и Левъ . Мьстиславъ Володимерь .
идоша же с ними князи Пиньскци . и Тоуровьскци . и быс идо-
ущимъ имъ . мимо Тоурово къ Слоучкоу тоу сѣ сна с Татары . оу
Слоучка . и тако поидоша вси воборзѣ к Новоугородькоу . и не до-
шедше рѣкы . Сырьвачѣ тоу же Вперѣднощъ . а заоутра рано вос-
тавшѣ поидоша . и перешедше рѣкоу до свѣта тоу же и дождаша
свѣта . восходящоу же слнѣцю и начаша израживати полкы .
израдивша же полкы и тако идоша к городоу . Татаром же идахоу
по правоу своим полкомъ . а ѿ нихъ Левъ идаше своим полкомъ . а
ѿ Лва Володимерь идаше по лѣвоу своим полкомъ . Татары же при-
слаша . ко Лвови и к Володимерови . тако рекоуче . дѣти нашѣ
видѣлѣ . вже рать стоить за горою . пара идеть ис конѣи . а пошлете
люди добрыи с нашим Татары . ать оусмотрать што боудеть .

1277 г. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 876:

Присла вканыи и незаконныи Ногаи послы своѣ с грамота-
ми Тегичага . Коутлоубоугоу . и Ешимоута . ко Лвови и Мьстисла-
воу . и Володимѣрю . тако река . всегда мѣ жалоуете на Литвою . все
же вы даль есмь рать . и воеводу с ними Мамъшѣѣ . поидете же с
нимъ . на вороги своѣ . зимѣ же приспѣвше . и тако поидоша . князи
Роускци на Литвою . Мьстиславъ Володимѣрь . а Левъ Е не иде но
посла снѣ своего Юрьѣ . и тако поидоша вси к Новоугородькоу .
быс же пришедшимъ имъ ко Берестью . и вѣсть приде имъ . вже
оуже Татаровѣ попередили к Новоугородькоу

1280 г. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 881:

Посем же Левъ восхотѣ собѣ части в землѣ Ладьской . города на Вѣкраини . еха к Ногаеви вканыномуу проклатоу В . помочи собѣ проса . оу него на Лахы . внѣ же да емоу помочь вканынаго Кончака . и Козѣа . и Коубатана . зимѣ же приспѣвши . и тако поидоша . Левъ радѣ поиде с Татары и со снѣмъ своимъ Юрьемъ . а Мьстиславъ и Володимеръ снѣ Мьстиславль Данило . и поидоша неволею Татарьскою .

1282 г. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 888:

Пришедшоу вканыномуу и безаконномуу Ногаеви . и Телебоузѣ с нимъ на Оугры в силѣ тажѣцѣ во бечисленомъ множествѣ . вѣлѣша же с собою поити . Роускимъ княземъ . Лвови Мьстиславоу . Володимѣроу . Юрьи Лвовичъ . Володимеръ же баше тогда хромъ . ногою . и тѣмъ не идаше . зане быс рана зла на немъ . по посла рать свою съ Юрьемъ . сыновцемъ своимъ . тогда бо бахоуть . князи Роусции . в воли Татарьской . и тако поидоша вси токмо и вдинѣ Володимѣръ . встаса зане быс хромъ .

1283 г. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 891–892:

Хотащоу поити . вканыномуу и безаконномуу . Телебоузѣ на Лахы . и собравшоу емоу силоу многоу . забывшоу емоу казни Бийѣ . еже сбьиса над нимъ . во Оугрѣхъ . в немже передѣ сказахомъ . и приде к Ногаеви . баше же межи има нелюбовѣе велико . Телебоуга же посла ко Заднѣпрѣйскимъ княземъ . и ко Волынскимъ ко Лвови и ко Мьстиславоу и к Володимѣроу . вела имъ поити с собою на воиноу . тогда же бахоу вси князи в неволѣ Татарьской . и тако поиде Телебоуга . на Лахы собравъ силоу многоу . пришедшоу же емоу . к Горинѣ и сrete и Мьстиславъ с питьемъ и з дары . и поиде ѡтолѣ мимо Креманѣць . ко Перемилю . тоу и срѣте Володимеръ князь с питьемъ и с дары на Липѣ . и посемъ оугони Левъ князь ко Боужьковичемъ . и с питьемъ и с дары и пришедшимъ же имъ . на Боужьковское поле . и тоу Perezрѣша своѣ полкы князи же надѣахоутѣс избитьа . собѣ и городомъ взатьа . и ѡтолѣ поидоша к

Володимѣроу . ВперѣдЖитани . Телебоуга же еха . вбъзирать города
Володимѣра . а друзии молввать оже вы и в городѣ былъ но то не
вѣдомо . в недлю же миноуша городъ . по Микоулинѣ днѣ . на
завтри днѣ Бѣ избави своею волею .

1287 г. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 897–898:

миноувшим же днѣмъ нѣколичемъ . приѣхаша слоуги его к не-
моу . въ Каменѣчь . иже то были в Лахохъ . на воинѣ с Татары .
Володимѣръ же нача вопрошати ихъ . в Телебоузѣ . оуже ли пошель
и землѣ Ладьской . внѣм же повѣдающимъ пошель . а братъ ми
Левъ . и Мьстиславъ . и сновець ми . во здоровьи ли . внем же
повѣдающимъ гснѣ . добри вси и здоровѣ . и боарѣ и слоуги .
Володимѣръ же в томъ похвали Ба́ а Мьстислава повѣдаша . вже
пошель . с Телебоугою на Львовъ . тогда же повѣдаше братьи . дасть
городъ . Всеволожь боаромъ . и села роздаваетъ .

2.6. Перевод фрагментов из византийского источника «Chronica Breviora» о выборах православного сарайского епископа

Перевод *Хроники №85 в Изолированных хрониках* (Einzelchroniken (isolierte Chroniken)) выполнен Александром Николовым по источнику: *Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken, 1 Teil (Einleitung und Text), Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, 1975. p.606. Сам перевод опубликован: Николов А. Татары в византийских хрониках «Chronica Breviora»: реальность и стереотипы // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 22–36.*

Хроника № 85:

1334/6842 (Ind.2) Junii [1334/6842, 2 индикт, июнь] (идентификация датировки Шрайнера):

«В месяце июне, 2 индикт, 6842 года, совершился выбор в богохранимом городе Сарае, присутствовали боголюбивые епископы Василий, архиепископ Новгородский, Антоний Ростовский, Феодор Тверской, Григорий Рязанский и приехали и остальные и когда вы-

брали трех достойных лиц в соответствии с каноническим порядком, то есть иеромонаха и архимандрита Андрея, иеромонаха Афанасия и иеромонаха ... предложен бысть и выбран бысть иеромонах Афанасий, который был рукоположен как епископ Сарайский Афанасий.»

1343/6852 (Ind.12) Окт.30 [1343/6852, 12 индикт, 30 октября] (идентификация датировки Шрайнера):

«30 дня месяца октября, 12 индикт, 6852 год, был осуществлен выбор в богоспасаемом городе Сарае, присутствовали и боголюбивые епископы Гавриил Ростовский и Кирилл Рязанский и как приехали и остальные, после выбора трех достойных кандидатов в соответствии с каноническим порядком, предложен бысть и выбран бысть иеромонах Исаак, который был рукоположен как епископ Сарая.»

2.7. Из сочинения Ибн Арабшаха

Текст воспроизведен по изданию: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. – СПб., 1884. – С. 455–474; История Казахстана в арабских источниках. I том. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Переработанное и дополненное издание. – Алматы, 2005. – С. 329–349.

«О возвращении его (Тимура) из Дийар Бакра и Ирака и походе его в степи Кипчакские; описания царей и владений их, да объяснение селений и путей их...»

Направился он (Тимур) в Дашт-Кипчак, усердствуя по части быстроты и спешности. Он (Дашт-Кипчак) царство обширное, обнимающее степи ужасные; султан его Токтамыш – тот самый, который в войне с Тимуром был во главе султанов мятежных, как знамя: ведь он первый, который выступил против него враждебно, и, противопостав ему в землях Туркестанских, сразился с ним, но был побежден при этом, как сказано выше, Саййидом Барака. Страна Даштская называется Дашт-Кипчак и Дашт-Берке; на персидском языке *дашт*

означает «степь», а *«Берке»* – имя приставочное в родительном падеже. Он (Берке) первый султан, который принял ислам и развернул в ней знамена религии мусульманской; (до него) они (Кипчаки) были только идолопоклонниками и многобожниками, не знавшими ни ислама, ни правоверия. Некоторые из них до сих пор еще поклоняются идолам. В этот-то край он (Тимур) двинулся по дороге Дербендской, подвластной Шейху Ибрахиму, султану владений Ширванских... Другая причина похода его (Тимура) в эти владения, хотя в нем и не было надобности, заключалась в следующем: эмир Идику был у Токтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избиравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось Кунграт. У Тюрков (разные) племена и наречия, как у Арабов. Заметив со стороны своего владыки перемену в расположении (к нему), Идику стал бояться за себя, и так как Токтамыш был свирепого нрава, то он (Идику), опасаясь, чтобы несчастье не застигло его внезапно, постоянно остерегался его и всегда был наготове бежать, коли увидел бы, что это нужно. Он стал наблюдать и следить за ним, ухаживать за ним и льстить ему, но в одну из ночей веселья, когда звезды чаш кружились в сферах удовольствия и султан вина уже распорядился пленником ума, случилось, что Токтамыш сказал Идику – а огонь разума потухал, то вспыхивал: «(Настанет) для меня и для тебя день, (когда) ввергнет тебя беда в нищету, придется тебе после трапез жизни поститься, и наполнится глаз существования твоего сном от действия гибели». Идику старался обойти его и стал шутить с ним, говоря: «Не дай Бог, чтобы владыка наш, хакан, разгневался на раба неповинного и дал завять деревцу, которое сам насадил, или разрушил основание (здания), которое сам построил». Затем он (Идику) выказал наружно смирение, покорность, убожество и принижение, но, убедившись в действительности того, что он подозревал, он стал изоощрять свой ум на счет спасения и употреблять на это в дело проницательность и сметливость, понимая, что если оставить без внимания свое дело или отсрочить его, с тем чтобы подождать немного, то (им) займется султан. Он быстро проскользнул между свитой и слугами и вышел в сильном смущении, как будто хотел исполнить нужное дело, отправился в конюш-

ню Токтамыша в сильном неулегавшемся волнении, устремился на оседланного, породистого, быстроногого коня, стоявшего готовым на всякий случай, и сказал одному из слуг своих, в котором был уверен, что он не выдаст тайны его: «Кто захочет застать меня, тот найдет меня у Тимура; не разглашай этой тайны до тех пор, пока не удостоверишься, что я перебрался чрез пустыни». Затем он, оставив его, уехал; хватились его только тогда, когда он уже (далеко) ускакал вперед и верхом постепенно, благодаря милостям пути, успел проехать длиннейшие пространства. Не настигли следов его и не догнали ни его, ни пыли (поднятой им). Он прибыл к Тимуру, облобызал руки его, изложил ему историю свою, поведал ему, что с ним случилось, и сказал: «Ты устремляешься в страны дальние, да в местности дикие и заброшенные, из-за этого подвергаешься опасностям, пересекаешь хребты пустынь и перебираешь книги путешествий, а вот добыча холодная, перед самыми глазами твоими; ты добудешь ее легко и удобно, как тебе будет угодно и приятно. Для чего же мешкать и дремать? Или медлить и отлагать? Поднимись с твердой решимостью, и я тебе порука в том, (что) нет крепости, которая тебя задержит, и нет преграды, которая тебя остановит; нет пресекаателя (меча), который отгонит тебя; нет отражателя, который заградит тебе путь; нет супостата, который противостанет тебе, и нет воителя, который сразится с тобой. Там только сброд и сволочь. Богатства же там поддадутся угону, и сокровища придут (к тебе) на своих ногах!». Он (Идику) не переставал подстрекать его (Тимура) к этому, возбуждать да опутывать его на все лады... Тогда Тимур с величайшей быстротой приготовился к завоеванию Дашт-Берке. Это область исключительно Татарская, переполненная разными животными и Тюркскими племенами, со (всех) сторон огражденная и во (всех) частях возделанная, обширная по объему, здоровая водой и воздухом. Люди ее – мужи (в полном смысле), воины ее – (превосходные) стрелки. По языку это самые красноречивые Тюрки, по жизни – самые праведные, по челу – самые прекрасные, по красоте – самые совершенные. Женщины их – солнца, мужчины их – полнолуния, цари их – (великие) головы, бояре их – (богатырские) груди. Нет в них ни лжи, ни обмана, нет между ними ни хитрости, ни лукавства. Обычай их – ездить на телегах с уверенностью, не знаю-

шей страха. Городов у них мало, и переходы их (от одного привала до другого) продолжительные. Граница Даштской земли с юга – море Кулзумское (Каспийское), злобное и своенравное, да море Египетское, завернувшее к ним из области Румской. Эти два моря почти что сталкиваются, не будь промеж них гор Черкесских, составляющих между ними «грань непроходимую». С востока – пределы владений Хорезма, Отрар, Саганак, да другие земли и страны по направлению к Туркестану и землям Джетским, вплоть до границ Китайских, принадлежащих к владениям Монголов и Хатайцев. С севера – Ибир и Сибир, пустыни и степи, да пески (нагроможденные) точно горы. И сколько этой степи, где бродят птицы и звери! Она подобна милости вельмож (нашего) времени: край, до которого не доберешься, и предел, до которого не доплетешься. С запада – окраины земель Русских и Булгарских, да владения христиан-нечестивцев; к этим окраинам прилагают владения Румские, (лежащие) по соседству с землями, подвластными Ибн Осману. Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха и опаски, вдоль до (самого) Крыма, а переход этот (требует) около трех месяцев, в ширину же – море песка, длиною в семь морей, в которых не отыщет пути и вожак и по которому не пройдет самый отважный из сметливых людей. Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собой проводника, вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у (живущих там) людей. Путешествовали они не иначе, как от одного племени до другого, и останавливались только у того, кто (сам) предлагал у себя помещение. Это точно про них говорит стих: «Все они расположились по обе стороны Оказа, а дети их созывают там (друг друга) на игру крича «'ar'ar». Ныне же в тех местах, от Хорезма до Крыма, никто из тех народов и людей не движется и не живет, и нет там другого общества, кроме газелей и верблюдов. Столица Дашта – Сарай. Это город мусульманской постройки, чудная крепость. Описание его будет приведено (ниже). Султан Берке – да помилует его Аллах! – приняв ислам, построил его (Сарай), избрал его столицей (своего) царства и возлюбил его. Он побудил народы Дашта ко вступлению в заповедье и на пастбище ислама, и вот почему он (Дашт) стал

(сборным) местом всякого добра и блага, так что к (прежнему) прозвищу «Кипчак» прибавилось (еще) прозвище «Берке». Маула и саййид наш Ходжа Исам ад-Дин, сын покойного муллы и саййида нашего Ходжи Абд ал-Малика, одного из сыновей знаменитого шейха Бурхан ад-Дина ал-Маргинани, – да помилует его Аллах! – возвращавшийся из славного Хиджаза в 814 году (25 апреля 1411–12 апреля 1412 г.), а в наше время, т.е. в 840 году (16 июля 1436–4 июля 1437 г.), сделавшийся начальником в Самарканде, продекламировал мне (следующее) стихотворение свое в Астрахани, одном из Даштских городов, претерпев на пути Даштском разные невзгоды: «Я слышал было, что благо находится в степи, прозванной по своему султану Берке (т.е. степью благодати). Дал я верблюдице моего путешествия остановиться на одной из окраин ее (степи), но не нашел там никакой благодати...».

Когда Берке-хан был пожалован почетной одеждой ислама и водрузил в землях Даштских знамена в честь исповедания ханафитского, то он пригласил к себе ученых из всех краев да шейхов со всех сторон и концов, чтобы они научили людей уставам религии своей и указали им пути своего единобожия и правоверия, раздавал им (за это) богатые подарки и на тех из них (ученых), которые пришли (на его призыв), излил (целые) моря даров. Он оказывал покровительство науке и ученым, уважал законы Аллаха Всевышнего и уставы пророков. Были у него в это время, а после него у Узбека, да у Джанибек-хана, мулла наш Кутб ад-Дин, ученейший ар-Рази, шейх Са’д ад-Дин ат-Тафтазани, саййид Джалал ад-Дин, толкователь «Хаджибийи», и другие знаменитости ханафитские и шафи’итские, а потом, после них, мулла наш Хафиз ад-Дин ал-Баззани и мулла наш Ахмад ал-Худжанди – да помилует их Аллах! При содействии этих саййидов Сарай сделался средоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась (такая) добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобная не набиралась ни в многолюдных частях Египта, ни в деревнях его. Между построением Сарая и разрушением тамошних мест (прошло) 63 года. Это был один из величайших городов по положению (своему) и населеннейший по количеству народа. Рассказывают, что у одного

из вельмож его сбежал невольник и, поселившись в месте, отдаленном от (большой) дороги, открыл там лавочку и торговал в ней, снискивая себе пропитание. Так прожил этот негодяй около десяти лет, и господин его (ни разу) не встречал его там, не сходиллся с ним и не видел его, вследствие величины его (города) и многочисленности жителей его. Он (лежит) на берегу реки, отделившейся от реки Итиль, относительно которой путники, летописцы и странствователи (?) согласны, что больше ее нет (ни одной) в числе рек проточных и вод пресных, нарастающих. Выходит она из земли Русских, и нет от нее другой пользы, кроме той, что она радует души. Впадает она в море Кулзумское (Каспийское), подобно Джайхуну и прочим рекам Аджамским, хотя море Кулзумское закрыто и окружено несколькими Персидскими владениями, как то: Гиланом, Мазандараном, Астрабадом и Ширваном. Имя Сарайской реки Сингила; через нее переезжают не иначе, как на (больших) судах; не вступает в нее нога ни пешехода, ни всадника (т.е. не переправляются через нее вброд). Да сколько рукавов отделяется от этой длинной и широкой реки, а каждый рукав больше Евфрата и Нила!

О том, как настал этот потоп (Тимурово нашествие) и смыл народы Даштские после поражения Токтамышева. Прибыл Тимур в этот край (Дашт-Кипчак) с войсками несметными, нет – с морями бурными, с обладателями стрел летучих, мечей секущих, да копий зыбучих, со львами задушающими и тиграми нападающими, со всякого рода настигателями, вымещающими на неприятеле мечь свою, защищающими добро свое и соседей своих, логовище свое и убежище свое, добычу свою и род свой, ввергающимися в пучины моря боевого и противоборствующими волнам и потокам его (моря). Тогда Токтамыш послал к старейшинам своих людей и начальникам своих народов, к жителям своих песчаных степей и обитателям окраин своих, к главам своей родни и вождам (собств. «коренным зубам») правой и левой сторон, созывая их и приглашая их к сопротивлению и к бою. Они пришли, влача за собою одежду повиновения и устремляясь (к нему) со всех высей, собрались по племенам и родам, конные и пешие, вооруженные мечами и стрелами, надвигающиеся и наступающие, отражающие и поражающие острым мечом и копьем. Эти люди – самые отборные и

меткие стрелки; метатели их не дают промахов и стреляют лучше Со'алей. Когда они натянут тетивы, то и попадут в жилы, и когда доискиваются нужного, то и достигают цели, сидит ли она неподвижно или летает. Затем он (Токтамыш) двинулся в бой и приготовился к битве и состязанию с войсками, похожими на песок по многочисленности своей и на горы – по громадности своей.

О раздоре, возникшем в войске Токтамышевом во время сражения. Когда оба строя противостояли друг другу и обе рати вступили в бой, то из войска Токтамышева выступил один из вождей правого крыла, имевший злобу на одного из эмиров, и потребовал (выдачи) его от него (от Токтамыша), прося у него (Токтамыша) разрешения убить его (эмира). Он (Токтамыш) сказал ему: «Да, твое желание будет уважено и твоя просьба будет улажена, но ты видишь, что случилось и приключилось с людьми, так оставь нас в покое, пока мы не управимся и не добьемся того, чего желаем; (тогда) я отдам тебе твоего должника и предоставлю тебе твоего соперника, и ты вымести на нем твою злобу и удовлетвори твои притязания». Но он ответил: «Нет, (мне он нужен) сейчас, а коли нельзя, то нет тебе (от меня) ни послушания ни повиновения!». Тот (Токтамыш) возразил: «Мы (находимся) в тяжком горе, которое озабочивает (нас) более твоего желания, и в мрачном положении, которое кручинит (нас) более твоей беды, так потерпи и не торопи, да успокойся и не бойся: ни от кого не уйдет то, что (ему) следует, и не пропадет то, на что он имеет право. Не заставляй же слепого искать убежища на обрыве и не будь из тех, которые чтут Аллаха ради барыша; ты (теперь) точно среди ночи несчастья, уже минувшей, и зари благоденствия, уже занявшейся, так оставайся на своем месте и напускайся на своих противников, наступай и не отставай, да верши, что тебе приказано». Но этот эмир (не послушался и) двинулся с громадной толпой; за ним последовали все изменники и отступники, да все его племя, которому имя Актау. Отправился он, устремляясь во владения Румские, пришел со своими людьми в земли Адрианопольские и поселился в этих местах. Вследствие этого расстроилось войско Токтамышево, и стрелы желания его не попадали в то место, в которое они пускались. Не видя возможности уклониться от стычки и избегнуть встречи, он подбодрил свой дух и свое войско, отбросил свою спесь и свое легкомыслие, выста-

вил вперед удальцов из своих ратей, выстроил конницу и пехоту, укрепил центр и фланги, да наладил стрелы и мечи. Что же касается войска Тимура, то оно обошлось без этих приготовлений, потому что дело ему было известно, да положение его ясно, и на челе его знамен были начертаны слова победы и власти. Затем обе рати сошлись, ударили друг на друга, смешались и запыхали огнем сражения. Столкнулись враги с врагами, протянулись шеи для нанесения ударов мечом, и выпрямились груди для метания копий; помрачились лица и покрылись пылью; оскалили зубы волки боевые и завывли; ожесточились тигры злобные и выпрямились (для прыжка); сцепились львы полчищ и встали дыбом; покрылись кожи перьями стрел и вздрогнули; опустили чела вождей и головы глав в михрабе битвы (как бы преклоняясь) к молитве и простерлись (на земле); закрутилась пыль, и взвился прах; погрузились в моря крови все – и знатные и простые; во мраке пыли летание стрел стало метанием снарядов в бесовских вождей, и в тучах праха сверкание мечей сделалось блестящим сиянием над царями и султанами. Кони смертей не переставали носиться и крутиться, а львы отрядов нападать и напускаться (на врагов); взвивалась на воздух пыль от копыт, и лилась по степи кровь от мечей, так что земля стало шесть, а небес, как морей, – восемь. Длился этот бой и погром около трех дней; затем явилась пыль от бегства войска Токтамышева, показавшего тыл; рати его разбежались и отступили, а полчища Тимура разбрелись по владениям Даштским, да расположились (в них). Он покорил племена их, и (ему) подчинились последние и первые из них. Завладел он движимым и разделил его, да недвижимым и унес его с собой, собрал (все) захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увез (с собой все) захваченные деньги, пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака, и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджжитархан и (все) эти края. Возвысилось положение Идику при нем. Затем он перебрался в Самарканд в сообществе Идику, пожелав от него, чтобы он последовал за ним.

О том, что устроил Идику, и как он обманул Тимура да провел его. Идику послал гонца к своим родичам и соседям, да к племенам левой стороны – все они принадлежали к числу сторонников

и друзей его – без ведома о том Тимура, (сказать), чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и множество опасностей; чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались два дня и чтобы они (непременно) поступили так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что им предписал Идику, и шли, не останавливаясь. Узнав, что дружина его ушла и люди его ускользнули от Тимура, Идику сказал ему: «О, владыка наш, эмир, есть у меня громадное множество родичей и домочадцев; они (составляют) мои мышцы и мои руки, и с исправностью их средств пропитания (сопряжено) мое благополучие, но они не безопасны, ибо после меня им приключатся обида и притеснение от Токтамышя; я не сомневаюсь, что он погубит и истребит их всех до единого. Пока я сам защищен против него по милости вашего величества, он будет вымещать злобу своего характера на моих домочадцах и родичах; ведь я наладил нить этих столкновений и ввергнул его в теснины бедствия и лохмотья поражения. Во всяком случае, мне не весело на душе, что они живут в одном с ним месте, и может ли жизнь мне быть приятной, пока мои друзья – его соседи? Если светлый разум (твой) разрешит послать гонца в те места и к (этим) многочисленным племенам с монаршим указом и высочайшим наказом, чтобы склонить мысли их и умиливать сердца племен и родов их, да приказать им откочевать и улучшить положение свое, то мы все будем (жить) под достославной тенью, в садах благоденствия, покрытых листвою и плодоносных. Мы высвободимся из гладкой степи этого Дашта, завершив минувшие бедствия, и проведем остальное (время) в вертоградах, у подножия которых протекают реки. Но выше всего – разум высочайший, и для рабов первое дело – следовать тому, что он постановляет». Тогда Тимур сказал ему: «Ты пальмочка его (народа) подпертая и столбик его потертый и, несмотря на твой сан, ты (сам) исходил эти дороги». Он (Идику) возразил: «Все люди – рабы твои, следующие твоему желанию, и твои послушники; кого ты признаешь достойным какого-либо дела, для того любой труд легок». Он (Тимур) сказал: «Нет, ты первый затеял это дело, так будь и порукою его; ведь не требует (чужого) решения, кто сам повели-

тель города». Он (Идику) ответил: «Присоедини ко мне одного из эмиров; пусть он будет мне защитой против них, с указами монаршими относительно того, что порешит разум высочайший». Он (Тимур) согласился с ним, исполнил желание его и придал ему того, кого он пожелал. Покончив свои необходимые дела, оба двинулись и направились к своему месту искомого. По уходе Идику от Тимура, последний захотел исправить свое упущение, поняв, что Идику прельстил его ум и обманул его. Он отправил к нему гонца (с приказанием) вернуться к нему по одному делу, которое случилось, и для совещания, которое подвернулось, но когда гонец предстал пред ним (Идику) и сообщил ему, для чего он прислан, то он (Идику) сказал ему и бывшему при нем эмиру, запретив обоим следовать за ним: «Управьтесь с вашим делом, да отправьтесь к вашему господину, облобызайте его руки и сообщите ему, что сроку нашего общения тут конец и я (далее) непричастен ему, ибо страшусь Аллаха». Им нельзя было грубо отнестись к нему, и в таком критическом положении они могли только ласково обойтись с ним. Поэтому они распростились с ним, повернули назад и уехали, не останавливаясь. Когда это дошло до Тимура, то он огорчился и смутился, встревожился и закручинился, воспылил на него гневом великим и раскаялся, когда (уже) миновало время раскаяния. Со злобы на него он чуть было (сам) не убил себя и испил чаши (сказанного в Коране): «и (настанет) день, (когда) беззаконник станет кусать руки свои». Но не одолела его страсть расправиться с ним и не нашло желание двинуться на него, а отправился он в свои владения, да затем в Самарканд, и оставил его (в покое). Вот чем кончилось дело его с Дашт-Берке, так что говорят: не обманул и не перехитрил Тимура, да не ввел его в заблуждение и в ошибку словом и делом никто, кроме упомянутого Идику и, скажу я (со своей стороны), кроме главного кади, Вали ад-Дина Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна ал-Малики, о котором будет сказано ниже.

О сражениях и боях, происходивших в Северных странах между Токтамышем и Идику до тех пор, пока изменились дела и положение каждого из них. Когда Тимур удалился с тем, что он добыл, и, возвратясь в свои владения, утвердился в них, а Идику присоединился к своим сторонникам и обрадовался своим приятель-

лям и наперсникам, то последний принялся за разведку дел Токтамыша, остерегался и оберегался его, но приготавливался и вооружался к отражению его, не будучи в состоянии зашить то, что разорвал, и починить то, что разломал. Кроме того, он не мог присвоить себе название султана, потому что таким, будь это возможно, (непреренно) провозгласил бы себя Тимур, завладевший (всеми) царствами. Тогда он (Идику) поставил от себя султана и в столице возвел (особого) хана, созвал к нему предводителей левой стороны и начальников племен ее. Они вняли зову его и прибыли к нему, будучи сильнее других и безопасны от злобных действий Джагатайцев и несправедливости их. Вследствие этого султан его усилился, и хан его обогатился (целыми) караванами полчищ; основания его в столице утвердились, и столбы его (власти) возвысились. Что касается Токтамыша, то он – когда страх его отошел и в мозгу его (опять) утвердился разум, а враг его ушел и спокойствие его водворилось – собрал войска свои и призвал на помощь народ свой, который и помог ему. Не прекращались удары боя в ожидании битвы между ним (Токтамышем) и Идику и, глаза покоя, точно веки судьбы, претворяющейся слепой, не переставали смыкаться для примирения их друг с другом. Дошло до того, что они сразились между собой 15 раз, (причем) раз тот одержит верх над этим, а другой раз – этот над тем. Дела племен Даштских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подверглись разъединению и розни, тем более, что на них нападали два льва и налегали две беды. Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счету, ни счислению и не может быть определена ни диваном (палатой), ни дефтером (списком); она ушла к Румийцам и Русским и по своей злополучной участи и превратной судьбе своей очутилась между христианами многобожниками и мусульманами-пленниками, точно так, как это случилось с Гассанидом Джабала. Имя этому отряду – Карабогдан. По этим причинам жившие в довольстве обитатели Дашта дошли до оскудения и разорения, разъединения и безлюдства, нищеты и совершенного извращения. Они дошли до того, что если бы кто поехал по нему (Дашту) без вожака и руководителя, то он, вследствие

опустошения его (края), непременно погиб бы при переездах своих. Летом ветры сдувают пески и скрывают да сметают дорогу путнику, а зимой снег, падающий там, скопляется на ней и покрывает ее, так что вся земля его (Дашта) пустынна и жилища его безлюдны, привалы и водопой покинуты, пути его, по всему вероятно, губительны и недоступны. Пятнадцатое сражение было не в пользу Идику: он был разбит и рассеян, обращен в бегство и прогнан. И погрузились он да около 500 человек из его приближенных в море песчаное, которого никто не знает. Токтамыш стал единодержавцем в царстве, и очистился для него Дашт-Берке, но при всем том он жаждал известий об Идику и делах его да очень желал собрать сведения о том, как он погиб в песках своих. Так прошло около полугода; исчезли след его из глаз и молва о нем с языков, но Идику был превосходный знаток этих песчаных бугров и холмов и (один) из тех, который поступью ног своих (часто) пересекал поверхность этих бесплодных и диких степей. Он шел, выжидая и высматривая, размышляя и обдумывая смысл того стиха, который я произнес: «Следи за делом и высматривай удобный случай, пользуйся временем, когда оно настало, и соедини терпение с рассудительностью; таким способом лист тутового дерева становится шелком».

Убедившись, что Токтамыш отчаивается в нем и уверен, что его растерзал «лев смертей», он (Идику) стал допытываться вестей о нем, выслеживать и высматривать следы его, да разведывать, пока из (собранных) сведений не удостоверился в том, что он (Токтамыш) один без войска (находится) в загородной местности. Тогда он, сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночной ездой и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока (наконец) добрался до него, (ничего) не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он (Токтамыш) очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей схватили его, и змеи копий да ехидны стрел уязвили его. Он несколько (времени) обходил их и долго кружился вокруг них; затем пал убитый. Из битв это был шестнадцатый раз, закончивший столкновение и порешивший разлуку (с жизнью). Утвердилось дело Даштское за правителем Идику, и отправились дальний и ближний, большой и ма-

лый, подчиняясь его предписаниям. Сыновья Токтамышша разбрелись в (разные) стороны: Джалал ад-Дин и Каримбирди (ушли) в Россию, а Кубал и остальные братья – в Саганак...

Потом Идику из края Северного поднялся с войсками (многочисленными), как песок, и с решимостью да осмотрительностью двинулся во владения Хорезмские, которыми правил наместник (Тимура), по имени Мусика. Узнав о Татарах, последний убоялся гибели своей и ушел, забрав с собою своих людей и приверженцев. Это было после нашествия Татар Румских, которые ушли к Аргуншаху (полководцу Тимурову) и перебрались через Джайхун, в то время замерзший. Вернулся Аргуншах в свое местопребывание, и прибыл Идику в Хорезм да овладел им. Двинулся он (оттуда) с конницей своей к Бухаре, опустошил окрестности ее, но затем вернулся в Хорезм, потому что в Джагатайе уже запылал огонь (брани) и причинил зло. В Хорезме и областях его он поставил со своей стороны человека, по имени Анка...

Устраивалось дело людское по указам Идику: он водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет – и никто не противится ему, проведет грань – и (никто) не переступит этой черты. К числу тех, которых он поставил, принадлежат Кутлугтимур-хан и брат его Шадибек-хан, затем – Фулад-хан, сын Кутлугтимура, а потом – брат его, Тимур-хан. В его (Тимурханово) время расстроились дела; он не вручил свои бразды (эмиру) Идику, сказав: «Нет за ним ни славы, ни почета; я передовой баран (т.е. глава), которому повинуются, как же я стану подчиняться (другому); я бык (вождь), за которым следуют, так как же я стану сам идти за другим». Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастия, войны и враждебные действия. В то самое время, когда сгущались мраки междоусобиц и перепутывались звезды бедствий, между обеими партиями в сумраках Даштских, вдруг, в полном величии (собств.: «в полнолунии») власти Джелалиевой появился (один) из блестящих потомков Токтамышшевых и поднялся, выступая из стран Русских. Произошло это событие в течение 814 года (25 апреля 1411–12 апреля 1412 г.). Обострились дела, усложнились бедствия и ослабело значение Идику. Тимур(хан) был убит, и про-

должались смуты да раздоры между царями владений Кипчакских, пока, (наконец), Идику, раненый, потонув, не умер. Его вытащили из реки Сайхун, у Сарайчука, и бросили на произвол судьбы, да смилуется над ним Аллах Всевышний! О нем (сообщают) удивительные рассказы и былицы, и чудные диковины (небылицы): стрелы бедствий, (пущенные) во врагов его, (всегда) попадали в цель, помышления (его были) козни, битвы (его) – западни. В основах управления (государством) у него (обращались) монеты хорошие и дурные, разбор которых выделит (настоящую) цель (его стремлений) от того, что (им) достигнуто. Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой пронизательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей, сблизился с благочестивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шуточных намеках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделал Коран и сунну, да изречения мудрецов посредниками между собой и Аллахом Всевышним. Было у него около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имевший (свой) особый удел, войска и сторонников. Правил он всеми делами Даштскими около 20 лет. Дни его (царствования) были светлым пятном на челе веков и ночи владычества его – яркой полосой на лике времен. <...>

Приложение 3. Извлечения из источников по истории распада Золотой Орды и возникновения татарских ханств

3.1. Извлечение из древнерусского памятника литературы «Задонщина»

Не меньший интерес представляет «Задонщина», эпическое произведение, созданное под впечатлением от победы союзных войск Дмитрия Ивановича Донского над Мамаем. Очевидно, что сами русские книжники и воины воспринимали находившиеся под властью Москвы Залесские земли в качестве Орды. В их понимании такое именование этих территорий показывает их высокое положение, равное тому, каким обладали покусившиеся на русские земли – силы Мамаю. Правда вкладывается это в уста фрягов (генуэзцев), у которых он был вынужден прятаться после поражения. Примечательно, что в Задонщине нет сюжета выступления именно против Орды. Напротив, Мамай проиграл потому что в отличие от законного царя – Батю, Мамай лишь «хиновин» (степняк, безродный), пожелавший сделать то, что под силу только законным царям, в поступках которых является воля Божия. Мамай не истинный царь, и у него нет прав на наследство Батю.

Цитируется по: Задонщина. Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамаю // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 2: Период ордынского владычества / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 85–86.

«... Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их. И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батю-царя: у Батю-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда Бог Русскую землю за ее пре-

грешения. И ты на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

3.2. Матвей Меховский (1457 – 8 сентября 1523). «Трактат о двух Сарматиях»

Текст воспроизведен по изданию: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Книга первая Трактат первый. О Сарматии Азиатской

Глава первая. О том, что есть две Сарматии

Древние различали две Сарматии, соседние и смежные друг с другом, одну – в Европе, другую в Азии.

В Европейской есть области: руссов или рутенов, литовцев, москов и другие, прилегающие к ним, между рекой Вислой на западе и Танаисом на востоке, население которых некогда называлось гетами.

В Азиатской же Сарматии, на пространстве от реки Дона или Танаиса на западе до Каспийского моря на востоке, ныне живет много татарских племен.

О их государственном строе, происхождении, вере и обычаях, обширности земель, о реках и о соседних областях будет сказано в нижеследующем. [...]

Глава шестая. Об обычаях татар и о находящемся в их землях

Татары чаще всего люди среднего роста, широкоплечие, с широкой грудью и некрасивые. Лица у них широкие с плоским носом,

цвет кожи темный. Они сильны, смелы и легко переносят голод, холод и жару.

Верховой езде и стрельбе из лука они предаются с раннего возраста. Все свое возят с собой и, кочуя с места на место, живут в полях с женами, детьми и скотом. У них нет ни городов, ни сел, ни домов.

Насмехаясь над христианами, они говорят между собой: «Не сиди на месте, чтобы не быть в грязи, как христианин, и не гадить под себя».

Перед началом зимы, спасаясь от холода, они уходят к Каспийскому морю, где влияние моря умеряет температуру, а к лету возвращаются в свою область.

Некоторые из них распахивают и засевают просом одну две или три полосы длиною в три-четыре югера и больше. Из проса они готовят кушанья и баирам (baïram), то есть тесто. У них нет пшеницы, нет и никаких овощей, но много мелкого и крупного скота, а в особенности коней и кобылиц, служащих им и для езды и для пропитания. Они делают лошадям надрезы и раны, а кровь употребляют в пищу вместе с просом или отдельно. Мясо крупного и мелкого скота и конину они едят в полусыром виде. Лошадей, издохших накануне, просто или даже от болезни, они охотно употребляют в пищу, вырезав только зараженное место. Пьют воду, молоко и пиво, сваренное из проса. Воду турки и татары называют *су*: иногда татары говорят *суга* (suha), и это значит вода. Пиво же просяное или сделанное из проса они зовут *буза* (buza), а русские – *брага* (braha). Особенно они ценят молоко *комиз* (komiz), то есть кислое, потому что оно будто бы и укрепляет желудок и действует, как слабительное. На пирах и принимая гостей, они пьют *араку* (araka), то есть перебродившее молоко, удивительно и быстро опьяняющее.

Они не воруют и не терпят воров в своей среде, но жить грабеджом, разоряя соседей, для них – величайшее удовольствие и доблесть. Они не знают ни ремесл, ни денег, а меняют вещи одни на другие. Впрочем, в Заволжской орде стали теперь входит в оборот аспры – серебряные турецкие оболочки, а в Перекопской орде принимаются дукаты. В Ногайской орде обменивают вещи на вещи.

Татары хитры и вероломны с чужими, но между собой и со своими весьма честны.

Одежду они носят обычно из войлока и белой шерсти, грубо и просто сделанную. Больше всего они любят опончи, а в произношении этого слова в начале ставят *и*, говоря *иопончи*, а не *опончи*. Это – плотный белый несшивной плащ, очень удобный для дождей и на реке.

Страна их – равнина, без гор и деревьев, изобилующая лишь травой. Дорог у них нет, нет и лодок, а путь свой они считают днями. Так, земля заволжских татар, от реки Волги до Каспийского моря, простирается приблизительно на 30 дней самой быстрой верховой езды.

Верхом они проезжают в день 20 больших германских миль, а пешком не ходят и не путешествуют.

Трактат третий

О последовательном распространении татар по родам

[...]

Глава вторая. О роде татар уланов или перекопских

Другая отрасль и родовая ветвь, идущая от заволжских татар, это – татары уланы, называемые так по Улану, завоевателю Таврического острова.

Улан значит девушка или девственница, и назван он был так потому, что рожден был девушкой вне законного брака. Это имя он передал и своим потомкам на Херсонесе Таврическом.

У магометан не диво для девушки зачатие и беременность без брака: это часто бывает и не запрещается.

Таврический остров находится среди Меотидских болот. Длинной он в 24 мили, а шириной в 15 миль. Он имеет три города: Солат, Киркель и Каффу, и два замка – Манкуп и Азов.

Солат у татар называется Крымом, почему и государя Перекопского они называют Крымским императором.

Дома в этом городе убогие, а в большей части он покинут.

Другой, меньший город – Киркель. Над ним, на высокой скале, выстроен замок из бревен и глины.

Рассказывают, что в этой скале жил дракон, убивавший людей и скот, так что жители соседних мест бежали, бросив дома пустыми.

Греки и итальянцы, жившие на острове, молились преславной Марии, матери божьей, чтобы она избавила их от дракона. И вот, по прошествии времени, они увидели, что внутри скалы горит свеча. Они вырезали и высекли в скале ступени для подъема, добрались до горящей свечи и увидели образ пресвятой богородицы, перед ним горящий свет, а внизу дракона, разорванного пополам.

Они вознесли благодарность за это чудесное избавление, а дракона, разрубив на куски, сбросили со скалы.

Так как жители, славя святую деву, стали ходить к ее образу на поклонение, то, по их примеру, и государь Перекопский Ацигери, воевавший со своими братьями, стал просить святую деву Марию помочь ему и дал обет отблагодарить благословенную деву.

Надо сказать, что магометане чтут святую Марию и признают, что она – дева, без брака зачала и родила великого и благословенного пророка Иисуса.

Когда, с ее помощью, Ацигери победил соперников, то, продав двух лучших, какие у него были, коней и купив воску, он сделал две громадных свечи и приказал, чтобы они из года в год горели перед образом, что и до сего дня соблюдается всеми последующими императорами.

Третий город, Феодосия, ныне называемый Каффой, был взят приступом у генуэзцев Магометом II, императором турок.

Завладев также замком Манкуп к западу от Каффы, вышеназванный турок Магомет убил мечом двух братьев князей, государей замка Манкуп и, как говорят, последних представителей готтов.

Он укрепил также замок Азов близ устьев реки Танаиса, котрым и ныне владеют турки.

Татары уланы, со времени их прихода на остров, живут в луговых его частях по своей исконной привычке, а вне острова владеют такими же луговыми пространствами Сарматии Европейской близ Меотидских болот и Понтийского моря вплоть до Белого Замка.

Они устроили переход и открыли доступ на остров с запада, наставив земляную насыпь, длиной в милю, в виде моста, но грубо и

несовершенно, так что в некоторых местах морские волны переливаются через насыпь.

В древности остров назывался Таврическим, а теперь называется Перекопом, что значит ров, потому что вода окружает его со всех сторон и защищает, как ров, полный воды, защищает город.

Но довольно об этом. Посмотрим теперь их генеалогию.

После Улана в Таврике царствовал царь (czar) Тахтамыс, который, вместе с князем Литовским Витольдом, воевал против своего брата царя Темир-Кутлу, императора Заволжского, и был побежден.

Вслед за Тахтамысом собирался царствовать сын его Шидахмет царь, но Адзикерей царь его изгнал и царствовал вместо него.

Шидахмет направился в Литву за помощью, но был взят в плен литовцами вместе с женой и детьми и заключен в замке Ковно, где и умер с женой и детьми в дни Казимира III, короля Польского и великого князя литовского.

Когда умер Адзикерей царь, остались по нем семь сыновей и старший из них, по имени Гайдер, взял власть, Мендлигер же, один из младших сыновей, бежал к турецкому императору и, получив от турка помощь и жену, разбил и низверг Гайдера и Ямурци с другими братьями. Они бежали к Ивану Васильевичу (Vasilowicz), князю Московии, который принял их и дал им княжество Козанское.

У Мендлигера царя было девять сыновей: первый Махмет Керей, второй Ахмет Керей, третий Махмут Керей, четвертый Бети Керей – он утонул, везя добычу по реке в Валахии, в 1510 году; пятый – Бурнас Керей, шестой Мубарек Керей, седьмой Садах Керей; имен восьмого и девятого не знаю. Ныне царствует на месте отца Махмет Керей царь.

Заметим, что хотя перекопские татары должны были бы стать более культурны и не так суровы под действием шестого климата, в котором они живут, однако они не потеряли прежней своей хищности и дикой жестокости, присущей скорее зверям, живущим в полях и лесах, чем жителям городов и сел.

В иные годы они делают нападения, опустошают и грабят Руссию, Литву, Валахию, Польшу, а по временам и Московию.

Глава третья. О татарах козанских и татарах ногайских

Третья орда – козанских татар – названа так по замку Козан, стоящему над рекой Волгой у границ Московии, где они живут.

Они произошли от главной татарской орды, а именно от чагадских или заволжских татар, как и все другие татары.

Эта Козанская орда имеет около 12 тысяч бойцов, а при необходимости, когда они созывают и других татар, они могут выставить до 30 тысяч воинов.

Об их государях, деяниях и генеалогии не пишут, так как они – данники князя Московии и зависят от воли его и в мирной жизни, и на войне, и в деле избрания себе вождей.

Поэтому к ним можно будет отнести то, что будет сказано о государе москов.

Четвертая орда, молодая и недавно существующая, позднее других возникшая, как ветвь заволжских татар, это оккасы или нагайские татары.

После того как Оккасс, выдающийся слуга и воин великого хана, имевший 30 сыновей, был убит, сыновья его отделились от главной Заволжской орды и поселились около замка Сарай, примерно, лет за 70 или немного меньше до нынешнего 1517 года. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наиболее многочисленной и самой крупной ордой.

Они ближе всех других татар к холодному северу и примыкают к восточному краю Московии, которая часто подвергается их набегам и грабежам.

Правят у них сыновья и внуки Оккасса. Ни денег, ни монеты там нет, а продают они вещи за вещи, то есть за рабов, детей, скот и вьючных животных.

Книга вторая
Трактат первый. Об описании верхней Европейской Сарматии
[...]

Глава третья. Об обширности великого княжества
Литовского и о находящемся там

[...] Кроме того в княжестве Литовском около Вильны есть и татары. У них есть свои деревни, они возделывают поля, как и мы; занимаются ремеслами и возят товары; по приказу великого князя Литовского все идут на войну; говорят по-татарски и чтут Магомета, так как принадлежат к сарацинской вере.

[...] Когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полуночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьем; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада.

Таков гибельный обычай в Литве и Московии, а еще более бесстыдно существует он в Татарии.

Есть еще в тех странах – в Литве, Московии и Татарии – исконный обычай продавать людей: рабы продаются господами, как скот, и дети их и жены; мало того, бедные люди, родившиеся свободными, не имея пропитания, продают своих сыновей и дочерей, а иногда и сами себя, чтобы найти у хозяев какую-нибудь, хоть грубую пищу.

Трактат второй
Глава первая. О Московии

[...] В Московии много княжеств. [...]

Княжество Суздальское и многие соседние с ним опустошены и разорены татарами.

Есть там и татарская земля, подвластная московскому государю, по имени Козанская орда, выставляющая 30 тысяч бойцов. Находится она в степях, близ замка Козан, который принадлежит князю Московии и омывается большой рекой Волгой. [...]

Они [русские] придерживаются одной веры и религии по образу греческой. [...]

Исключение представляют козанские татары. Признавая князя Московии, они, вместе с сарацинами, почитают Магомета и говорят на татарском языке [...].»

3.3. Сигизмунд фон Герберштейн. Из «Записок о Московии»

Текст воспроизведен по изданию: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

«[...] Иоанн [III] ставил также по своей воле царей в Казани, иногда брал их в плен, хотя под старость и потерпел от них весьма сильное поражение. [...] Впрочем, как он ни был могуществен, а все же вынужден был повиниться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным. В крепости Москвы был дом, в котором жили татары, чтобы знать все, что делалось [в Москве]. Не будучи в состоянии вынести и это, жена Иоанна, назначив послов, отправила их с богатыми дарами к царице татар, моля ее уступить и подарить ей этот дом, так как-де она по указанию божественного видения собирается воздвигнуть на его месте храм; татарам же она обещала назначить другой дом. Царица согласилась на это, дом разрушили, а на его месте устроили храм. Изгнанные таким образом из крепости татары не смогли получить другого дома [ни при жизни княжеского семейства, ни даже по смерти их].

[...] В это же время москвит ходил и на Казанское царство как с судовою, так и с конною ратью, но вернулся оттуда безуспешно, потеряв очень много воинов. [...]

Каждые два или три года государь [производит набор по областям и] переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у каждого лошадей и слуг. Затем, как сказано выше, он оп-

ределяет каждому (способному служить) жалованье. Те же, кто может по своему имущественному достатку, служат без жалованья. Отдых дается им редко, ибо государь ведет войны то с литовцами, то с ливонцами, то со шведами, то с [казанскими] татарами, или даже если он не ведет никакой войны, то все же ежегодно по обычаю ставит караулы [в местностях около Танаиса и Оки] числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар. [...]

Но когда перекопский царь поставил на Казанское царство (оторгнутое им от Московии) племянника и на обратном пути раскинул лагерь в **тринадцати** (двух) милях от Москвы, нынешний государь Василий на следующий год расположился лагерем около реки Оки и впервые пустил тогда в дело (наряду с конницей) пехоту и пушки, – может быть, для того, чтобы похвастать своей силой и смыть позор, испытанный им в предыдущем году во время постыднейшего бегства, когда, как говорят, он несколько дней прятался в стогу сена, или, наконец, чтобы отвратить от своих пределов царя, который, как он предполагал, снова нападет на его владения. [...]

Великое несходство и разнообразие существуют между людьми как в других делах, так и в (способах) боя. Например, москвит, как только пускается в бегство, не помышляет уже ни о каком ином спасении, кроме как бегством; настигнутый и пойманный врагом, он и не защищается, и не просит пощады.

Татарин же, сброшенный с лошади, лишившись всякого оружия, даже тяжело раненный, как правило, отбивается руками, ногами, зубами, вообще пока и как может до последнего вздоха.

3.4. Сообщение Сейида Мухаммеда Ризы о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамышша

По изданию: Сеид Мухаммед Риза. Семь планет. – Казань, 1832. – С. 67–68.

Когда истекло время правления принадлежащих к Синему шатру, то есть причисляемых к потомкам Бату, великих представителей рода Джучи – ханов [по имени] Токтимур и его брата Токтамышша, являющихся связующим звеном между родом правящих до настоящего времени крымских ханов и Джучи – одним из эмиров Джучиева Улуса, узурпатором из племени мангуд по имени Идику, [который был] зачинщиком смут и мятежей, на престол [поочередно] были возведены [такие] его протеже из Чингизидов, [как] Кутлуг-Тимур, Шадибек и другой Тимур. Затем на [этот] клонящийся к упадку престол были возводимы – кто споспешествующей силою своего счастья, а кто – силой и старанием сыновей Идику – султаны по имени Джалал ад-Дин, Худа-Берди, Кучук-Мухаммед, Барак, Улуг-Мухаммед, Чекре, Джаббар-Берди и Дервиш. В это время, когда большинство татарских племен были переселены из Дешт-и Кипчака в пределы Крыма, в упомянутом Деште и болгарских землях ханы по имени Хызр, Махмуд-Ходжа, Абу-л-Хайр, Шейх-Хайдар, Баян-Ходжа, Ядгар и Эменек из рода Шибана. Затем власть над теми землями перешла к потомкам Рус-хана. Шейбек из потомков Абу-л-Хайра в Мавераннахре, Ильбарс из потомков Ядгара в Хорезме, потомки Хаджи-Мухаммеда в области Сибирь стали независимыми [правителями]. Когда в области Крым [правом] приказа и повеления [еще] был отмечен один из внуков противоборствовавшего с Тимурленк-гурганом Токтамыш-хана [по имени] Ахмед Кучук Мухаммед-хан, а Гравер судьбы и предопределения [уже] вырезал печать правления на имя Хаджи-Гирея, в Мавераннахре, Хорезме и Сибири стали правителями три султана-джучида из Шибанидов, в Булгаре – один султан-джучид из Рус[хан]идов, в Дешт-и Итиле, Казани и Крыму – по одному султану-джучиду из рода Токтамышша».

3.5. Сообщение Хюрреми-челеби Акай-эфенди о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Тохтамышша

По изданию: Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса: в городской типографии, 1844. – Т. 1. – С. 380–381.

«По прекращении владычества Тохтамышева возвысился над ханами, по причине многочисленности народа своего и поколения, Идику, один из князей улуса Джуджиева и могущественнейших членов поколения Мангут. Одного после другого сажал он на ханство Тимур-Кутлуга, Шадибека и Тимура. Затем ханствовали друг за другом Джелал-ед-Дин, Керим-Бирди, Кёпек, Чегре, Джеббар-Бирди, Сейид-Ахмед, Дервиш, Хюда-Бирди, Кючук-Мухаммед, Барак и Улуг-Мухаммед, добывая престол кто при помощи детей Идику, кто собственными силами. Ханы эти большую часть татарских поколений, выведя из Дешт-Кипчака, поселили в пределах Крыма; в Деште же и Булгаре остались властвовать из рода Шейбанова ханы Махмуд-Ходжа, Хизр, Абул-Хайр, Шейх-Гайдер, Баян-Ходжа, Ядигяр и Эминек. После того владычество над помянутыми странами перешло к потомству Рус-хана; сын Абул-Хайров, Шайбек, утвердился в Маверауннагре; сын Ядигяров, Ильбарс – в Хорезме, а сыновья Хаджи-Мухаммед-хана – в Сибири. В Крыму, во время ханствования потомков Тохтамышевых* Сейид-Ахмед-Кючука и Махмуд-хана, престол утвердился за Хаджи-Гераем. В Маверауннагре, Хорезме и Сибири властвовали в это время из рода Шейбанова три хана; в Булгаре, из рода Рус-ханова, один; да в Волжской степи и Казани – по одному из рода Тохтамышева, так что из колена Джуджиева было семь (?) ханов в одно время».

Приложение 4. Извлечения из источников по письменной и устной культуре Золотой Орды

4.1. Золотоордынская рукопись на бересте

Предисловие и источник цитируются по изданию: Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. – 1941. – №2. – С. 81–134.

«В 1930 г. на левом берегу Волги, почти против Увека, близ сел. Терновки (Подгорного), на территории Автономной Советской социалистической Республики немцев Поволжья колхозниками, занятыми рытьем котлована для силосной ямы, была обнаружена в земле берестяная коробка, содержащая небольшую рукопись, писаную на бересте. Рукопись передана колхозниками в республиканский музей, находящийся в г.Энгельсе, откуда она была переслана на выставку в Государственный Эрмитаж в Ленинграде. Вместе с рукописью были найдены костяное перо и бронзовая чашечка с остатками туши.

На основании того, что рукопись написана уйгурским шрифтом, она была априорно определена сотрудниками Государственного Эрмитажа как уйгурская, однако, видевшие рукопись тюркологи могли обнаружить уйгурские слова лишь на некоторых фрагментах, значительная же часть рукописи и притом наиболее сохранившаяся была ими признана не уйгурской. Н.Н.Поппе установил, что значительная часть ее содержит монгольский текст, остальные же фрагменты были, на основании немногих сохранившихся и ясно читаемых слов, признаны уйгурскими. <...>

Основное содержание ее составляет диалог матери и сына. <...>

Содержание этого стихотворного текста и общий тон его мало характерен для аристократической поэзии монголов XIII–XIV столетия. На этом основании мы полагаем, что имеем здесь дело не с литературным произведением господствующего класса монгольской военно-феодальной империи, но с народным произведением, фольклорным, образчиком древнемонгольской народной лирики, притом с древнейшим образчиком из числа дошедших до нас. <...>

Перевод

Начало отсутствует.

«Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]] властителя,

пади под перекладиной!

Зачем огорчаться

На том основании, что упал под перекладиной?

[к благодетельному] прекрасному властителю

.....будешь ты взято, дитя мое!»

...

[[«Человеком]] [взято] ты [будешь, дитя] мое!

Когда ты с решимостью достигнешь заботливого властителя,

пади под [воротами]!

Зачем глядеть и смотреть, оттого, что упал

Под [воротами]?»

«Смотревшим властителем

будешь ты забрано и взято, дитя мое!

Когда достигнешь [[с решимостью]] божественного

властителя,

[пади под] порогом!

[[Зачем.....и.....

на том основании]] [упал под порогом]?

[[К божественному властителю

будешь ты.....и взято, дитя мое!»]].

Зачем оставаться и.....?

Приходя и.....к омраченному властителю, будешь

ты взято, дитя мое!

О достойный и прекрасный кречет!».

Пропуск не менее одного листа.

«Когда ты в надежде прибудешь к.....

зачем огорчаться под дверью?

К заклятому человеку [отправишься] ты [дитя мое]!»

[[«Когда ты достигнешь.....

[.....] и прекрасного [властителя],

[зачем] огорчаться [под.....]»?

К рабам отправишься ты в расстройстве, дитя мое!
О,.....и прекрасный ястреб!
Когда ты достигнешь вплотную,
пади под острием!
Зачем лукавствовать
На том основании, что упал под острием?»
«На службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя мое,
судьбою данным прекрасным властителем!»
Золотой соловушко, дитя ее,
Приступил к пению ответной песни
Матери своей, милой матушке,
Мать, милая матушка Моя!
..... жена
..... твой
.....

Сказал: «Встретимся!» и отправился.

Пропуск, вероятно, одного листа.

«Отправлюсь!
О мать моя, милая матушка!
Трава лужайки стала сочнеть,
Близкие друзья стали отправляться.
Да отправлюсь я на свою приветливую родину!
.....
Мать моя, милая матушка!
.....стали.....
достиг.....
Отправлюсь в страну, где буду жить!
Мать моя, милая матушка
[Приступила] к пению ответной песни:
«Волосики твоей.....
Сделаю [.....золотыми] и сказала она
«Не подвергайся нападению со стороны злого духа и.....!
Шествуй [взлети], дитя мое!
Волосики твоей груди
Я сделаю отделанным золотом!» сказала она.
«Увечьям и страданиям не подвергайся!

Отправляйся, взлети, дитя мое!

Волосики твоей груди

Сделаю сплошь золотыми!», сказала она.

«С [напастями] и злыми духами не встречайся, дитя мое!

Волосы на твоей [голове я сделаю] рассыпным золотом!», сказала она.

...

«Когда ты [[в страхе]] достигнешь

[[благодетельного]] и [прекрасного] властителя,

зачем огорчаться под тесовой телегой?

К имеющему.....руки отправишься ты в смятении,

дитя мое!

Свои ладони.....

Пропуск одного листа.

«Буду питать с аил (?)!

Сделаю.....и золотым с корзину (?)!».

Во время своего взлета

Матери своей, милой матушке

Так спел он:

«Горные травы начинают становиться лужайкой,

братья начинают отправляться.

Отправлюсь я на свою родину, где проживаю,

чтобы быть там!»».

4.2. Предание «Татарская лопатка»

Опубликовано: Миргалеев И.М. Предание «Татарская лопатка» // Золотоордынская цивилизация. – 2014. – №. 7. – С. 18–20.

Предание сохранилось в семье древнего татарского рода Агишевых. И.М.Миргалееву оно было передано их представителем Равилем Агишем, который живет в Турции. Равиль Агишь рассказал, что это предание с незапамятных времен передавалось в их роду. Татарский баскак, сборщик ясака сидел в повозке на троне, а русский князь со

своими вельможами стоял перед ним. После объявления о том, что от имени хана будет собираться ясак, за какой год и его сумма; сборщики налога, не слезая с телеги «арба», протягивали большую специальную «лопату», на которую русские сыпали монеты. Сборщики ясака, не дотрагиваясь до монет, опустошали содержимое «лопаты» в сундук, который находился в специальной телеге.

Предание имеет отношение не только к начальному периоду Казанского ханства, когда к казанским ханам перешла часть так называемого ордынского выхода (да и в дальнейшем до конца своего существования, Казанское ханство продолжало получать харадж, хотя и завуалированный московскими великими князьями под название «поминки»).

Перевод

«Среди наших прадедов было распространено предание, дошедшее до наших дней и сохранившееся еще со времен Казанского ханства. В давние времена ханство собирало подать с Великого Московского княжества и русского населения. А так как русские были неверными и тела их считались нечистыми, то и ясак – налог с них собирали с помощью лопат. Для того, чтобы очистить собранные от налога деньги, их даже мыли. По этой причине в русском языке сохранилось выражение «татарская лопатка».

Перевел с татарского Ильнур Миргалеев

Приложение 5. Письма, ярлыки, грамоты и документы, связанные с историей Золотой Орды и её наследием

5.1. Ярлыки татарских ханов митрополитам Киевскими всея Руси

Предисловие, источник и обзор цитируются по изданию: Ярлыки татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права. Вып. III / Под ред. Л.В.Черепнина. – М., 1955. – С. 463–491.

1. [1379 г.] ЯРЛЫК ТЮЛЯКА, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ МИХАИЛУ

Бесмертного бога силою и величеством из дед и прадед. Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию, татарским улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело, ни поидеть многим людям и ко всем.

Пред Чингиз царь, а опосле того цари Азиз и Бердебек, и за тех молились молебники и весь чин поповьскый; ино какова дань ни будеть или коя пошлина, – ино тем того ни видети не надобе, чтобы во упокой бога молили и молитву въздавали. Да не ли иное что, кто ни будеть, вси отведав ярлыки подавали. И нынеча паки прьвых ярлыков не изыначив, одумав, и мы по тому же сего Михаила митрополита пожаловали есмы. И как сед в Володимери, богу молиться за нас и за племя наше в род и род и молитву въздаеть. Тако есмы възмолвили: ино никакова дань, ни которая пошлина, ни подвода, ни корм, ни питье, ни запрос, ни даров не дадуть, ни почестья, не въздають никакова. Или что церковный дома, воды, земли, огороди, винограды, мелници, – и в то ся у них не вьстуеть никто, ни насильства не творять им никакова. А кто что будеть взял или что вземлеть, и он отдасть назад. А в церковных домех кто ни будеть, чтобы не ставились, ни рушили их. А кто ся иметь в церковных домех ставити или рушити их, – и те люди в гресех будуть да умруть смертию.

А ты, Михаиле митрополит, възмолвишь, что тако еси пожалован, да тем домом церковным или землям или водам и в огородах и в виноградех или над людьми церковными, что чрез пошлину учинишь, – ино то на тебе. Или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело, а не имешь того смотрити, – ино то и сам ведаешь, каков ответ богу vzdаси. А за нас богу молитву vzdавай, занеже ты прежде, а мы о том ничего же не мльвим.

Тако рекши, на утверждение с алою тамгою ярлыки дали есмы овечья лета дарыка семьсот осмое летъ сылгата месяца в десятый нова. На Веколузе на речном орда кочевала. Написано.

2. [1347 г. сентября 26] ЯРЛЫК ТАЙДУЛЫ РУССКИМ КНЯЗЬЯМ

Таидулино слово к таиде. Всь Иоан митрополит за нас молебник молиться от прьвых добрых времен и доселе такоже молебник. Не надобе им мзда, ни какая пошлина ни емлют у них ничего, занеже о нас молитву творять. И что есмы мльвили, то бы есте вси ведали. Или что в городех какие пошлины или какие дела или сила будеть им, а тебе скажутъ, и ты слово их выслушай да по истине дело их управи. Или паки от кого пред самеми на попы и на их люди слово приидеть и ты бы им силы не чинил никакие, упокоини бы были, а о нас бы молитву творили.

А вы, русские князи, Семеном точен всеми митрополиты, как наперед сего кои дела делали, а нынеча также делаютъ.

Молвя о нишенем грамоту дали есмы. Свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха. На Желтой Трости орда кочевала. Написано.

3. [1267 г. августа 1] ЯРЛЫК МЕНГУ-ТЕМИРА

Вышняго бога силою вышняя троица волею Менгу-темерью слово людьским баскаком и князем и польчным князем и к данщиком и к писцем и к мимояздящим послом и к соколником и к пардусником. Чингиз царь потом что будеть дань или корм, ать не замаютъ их да правым сердцем богови за нас и за племя наше моляться и благовловляють нас. Тако молвя и последний цари по тому же

пути пожаловали попов и черньцов. Дань ли или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, воина кто чего ни попросить и рькли были дати, кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили. Тако мльвя по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просяты; ям, воина, тамга не дають. Или что церковное, земля, вода, огороди, винограды, мелници, зимовища, летовища – да не заимають их. И яже будуть поимали, – и они да въздадуть назад. А что церковное мастери, соколници, пардусници кто ни будеть, да не заимають их, ни стерегуть их. Или что в законе их книги или ино что – да не заимають, ни емлють, ни издеруть, ни погубять их. А кто иметь веру их хулити, – тот человек извиниться и умереть. Попове един хлеб ядуще и во едином дому живуще, у кого брат или сын, и тем по тому же пути пожалование, ажь будуть от них не выступились. Будет же ли, от них выступились дань ли или ино что, – ино им дати. А Попове от нас пожаловани по пръвои грамоте, бога молящи и благословляюще нас стоите.

А иже имете не правым сердцем о нас молитесь, – богу тот грех на вас будеть. Так мльвя. Аж кто не поп будеть, иные люди, иметь к себе приимати, хотя богови молитись, что в том будеть. Так мльвя, сему митрополиту грамоту дали есьмя. Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмуть баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а възмуть ине по велицей язе извиняться и умруть.

Тако мльвя заекого лета осеннего пръваго месяца в четвертый ветха на Талы. Писано.

4. [1351 г. февраля 4] ЯРЛЫК ТАИДУЛЫ МИТРОПОЛИТУ ФЕОГНОСТУ

По Ченибекову ярлыку Таидулино слово татарским услусным князем и волостным и городным и селным дорогам и таможником и побережником и мимохожим послом, или кто на какове дело придеть ко всем. Из давных из добрых времен и доселе что моляться богомолци и весь поповьский чин, и те никаких пошлин не ведають – самому богу моляться за племя наше в род и род и молитву възда-

ють. Тако мльвя Феогноста митрополита царь пожаловал с алоу тамгою ярлык дал. И мы первых ярлыков не изыначя мльвя Феогносту митрополиту с нишением грамоту дали есмы. И как в Володимери сед богу молиться за Зденибека и за нас и за наши дети молитву въздаеть. А пошлина ему не надобе, ни подвода, ни корм, ни запрос, ни каков дар, ни почестия не въздаст никакова, ни люди его. А земля его, ни вод, ни огородов, ни Виноградов, ни мелнець кто ни будеть не заимают их, ни силы, ни истомы не творять им никакие ни отымають у них ничего. Или где стануть да не емлють у них ничего. Так есмы мльвили. А кто пак беспутно силу учинить какову или пошлину замыслить, умереть и поблюдеться. И ты, Феогност митрополит, возмолвишь, что так есмь пожалован. А котории к тебе не причястни огороди, виногради, воды, земли, сам нечто не так учинишь, то сам ведаешь. А за нас богу молитву въздавай. Тако мльвя на утвержение нишеную грамоту дали есмы. Заечия лета арама месяца во осмыи новаго в Сарае орда кочевала. Написано.

А жалобу положил Таоббога, Акъхочя мухтар Учюгуи карапчии. Писано.

5. [1357 г. ноябрь] ЯРЛЫК БЕРДИБЕКА, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСЕЮ

Бесмертнаго бога силоу и величьем из дед и прадед Бердебеково слово татарским улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию волостным самим дорогам и князем, и писцем, и таможником, побережником и мимохожим послом и соколником, и пардусником, и бураложником, и заставщиком, и лодейщиком или кто на каково дело ни поидеть многим людям и ко всем.

Ченгизь царь и последний цари наши отци наши и за тех молилися молебники и весь чин поповьскый. Какова дань ни буди или пошлина, ино тем не надобе ни видети, чтобы во упокой бога молили и молитву въздавали. Тако мльвя, ярлыки подавали. И кто ни будеть, вси уведав ярлыки подавали. И нынечя мы прьвых царей ярлыки не изныначивая, одумав, по тому же есмы Алексия⁴³ митрополита пожаловали. И как сед и Володимери богу молиться за нас и за племя наше молитву творит. Так есмы мльвили – и кая дань

ни будеть или пошлина, не емлют у них, ни подвод, ни кормов, ни пития, ни запросов, ни почестия не въздають. Или что церковнии домове, земли и воды, огороди, виногради, мелници, – и того у них не емлют, ни силы над ними не творять никакие. А кто будеть что взял или кто возьметь, – и тот да отдасть назад. А в церковных кто ни будеть чтобы ся у них не ставили ни рушити их. А кто ся иметь ставити или рушити их, – и той в гресех будеть да умереть. А ты, Алексеи, митрополит и весь ваш поповьскый чин възмолвить, что сяк пожаловани есмы да церковным домом, землям, водам, огородом, виноградом или над церковными людьми что учинишь чрез пошлину, – ино то на тебе. Или кто разбоем, татбою, лжею лихое дело учинить каковъ, а не имешь того смотрити, ино то сам ведаешь, каково о том исправление учинишь. А о нас к богу молитву твори, занеже ты преже, а мы потом не мльвим ничего.

Так рекши, баису да ярлык с алою тамгою дали на утвержение вам тигигуя лета десятаго месяца в семьсот осмое сылгата месяца в десятый нова, а орда кочевала на Каонге. Написано. Мувалбога усяин сараи ягалтаи Кутлубугаи. И те головные князи жалобу клали, сеунчь Темурь мюрь бакшии писал.

6. [1354 февраля 11] ЯРЛЫК ТАИДУЛЫ, ВЫДАННЫЙ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСЕЮ

По Дченибекову ярлыку Таидулино слово к темным и к тысящным, князем, и сотником и десятником, и волостелем, и городным дорогам, и князем, и к мимохожим послом, и ко многим людем и ко всем.

Всь митрополит Алексии, коли ко Царюграду, поидеть, и кто где ни будеть, чтобы его не переимали, ни силы бы ему не чинили никакие. Или где ему прилучиться постояти, чтобы его никто не имал, ни людей бы его ни переимал никто, ни коней бы у них не имали ни иного ничего – в упокой бы были, занеже за Дченебека и за дети и за нас молитву творить. Сяк есмы мльвили. А кто пак силу учинить и он на велицей пошлине перемолвиться.

Так молвя, нишену грамоту дали есмы еита году арама месяца в вторыи ветха, орда кочевала на Гулистане. Написано. Темир ходчя жалобу положил.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ СБОРНИКА

[Не реку от Саина, иже бе попленил Рускую землю, но паче рещи и всех царей, еже по нем царствоваша, но – ох, увы – слезы мя постигоша великы. Понеже убо милость получи святая церкви и даже и доньне от неверных и поганых. Вы же, провословнии князи и боляре, потщитесь к святым церквам благодворение показати, да не в судни от оных варвар посрамлении будете. Яко же рече господь в еуангелии царица Южьская встанеть на суд с родом сим и судить их проповедию Иониною, зане не покашася].

Елико же обретохом в святейший митрополии старых царей ярлыкы, но иных не възмогохом превести, зане неудобь позналаемо речью писани бышя, ниже пак именованом зде. Доволно бо есть нам наказание от саракин, неже правда християньская не разумеющих поистине бога, но ослепленных суетою, еже преобидети святых церкви и дома их.

5.2. Ярлык Менгу-Тимура князю Ярославу Ярославичу

Опубликовано: Русско-ливонские акты. Собранные К.Е.Напьерским. Изданные Археографической комиссией. – СПб.: Типография Императорской АН, 1868.

«Менгу Темерево слово кль Ярославу князю: даи путь Немецкому гости на свою волость. Отъ князя Ярослава ко Рижаномъ а к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чиста есть по мое волости. А кто мне ратныи, с тимъ ся сам ведаю. А гостю чисть путь по моей волости».

5.3. Письма папы Бенедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 г.

Опубликовано: Рассказ Римско-католического миссионера Доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских Венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Венедикта XII к Хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т.5. – Одесса, 1863. – С. 998–1006.

«II. Письмо папы Венедикта XII к хану Узбеку

Венедикт епископ и проч. Его Величеству хану Узбеку Императору Татар светлейшему милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. С радостью и благосклонно приняли мы любезных сыновей мужей благородных Петрано дел Орто (de Lorto), бывшего владетеля Каффы и Альберта, его товарища, исповедующих католическую веру, посланников вашего величества, вместе с любезным сыном Гелия (Helya) из Венгрии, францисканцем, посланником высокого князя Джанибека (Gyubybeck), Вашего первородного сына, назначенных к нам, и то, что они от имени Вашего Величества постарались предложить, мы выслушали терпеливо и ласково и обсудили прилежно. Поелику же упомянутые посланники, превознося множеством громких похвал Ваше величие, могущество, а равно и чувство любви и уважения, питаемое Вами до сих пор и прежде к нам и св. Апостольской столице, объяснили нам, присоединив приятный рассказ, что Вы, выражая это чувство любви и уважения в похвальных делах, посланников наших, отправленных нами задолго перед тем в Китайскую империю (Cathayense), представившихся Вам, приняли милостиво и ласково из уважения к Богу, к нам и упомянутой апостольской столице, и человеколюбиво повелели выдать им деньги и все нужное и снабдить их на дорогу до самого места назначения не только не скудно, но даже с избытком и роскошно. – Дальше, что снисходя благосклонно на наши просьбы и увещания, с которыми мы поручили Вашей милости христиан католиков, подлежащих Римской церкви, живущих в Вашей Империи, Вы усугубили относительно их Вашего

Величества щедрости и милости, предоставив им свободу починять и строить по-прежнему церкви и другие церковные строения, и епископам и духовным католическим проповедовать слово Божие, и совершать св. церковные таинства по обычаю и обряду св. Римской церкви, матери всех верных и учительницы. – Кроме того, что, когда несколько подлых людей, решившихся на неслыханное злодеяние, низким и изменническим образом покусились на жизнь Вашу и ночью осадили Вас в Вашем дворце, подложив под него огонь, а после того старались несправедливо сложить это злодеяние на упомянутых христиан, Вы, счастливо избавившись с помощью Божьею от подобной опасности, помня наши просьбы и увещания и вдохновенные Божественною мудростью, сочли упомянутое обвинение несправедливостью и клеветою и по милости Вашей выпустили означенных христиан мирно на свободу, как невиновных в означенном преступлении, исключая трех, которые по наущению злого духа присоединились, говорят, к злодеям и были вместе с ними наказаны. Все это в высшей степени угодное Богу и нам и нашей столице, любящим справедливость и милосердие и одобряющим то, что достойно одобрения, увеличивает славу Вашего имени и приспособляет Вас к получению милости Божественной благодати. Поистине мы надеемся и веруем, что Божественное провидение, которое не ошибается в своих предназначениях, внушило Вам вышеупомянутые и другие благочестивые дела, в которых Вы, как мы с радостью узнали, преуспеваете, и ниспослете вдохновение в сердце Ваше, так что Вы, узнав, наконец, истину, т.е. Христа, озаренные светом католической веры, и приняв ее, без чего нет никому спасения, войдете в одну овчарню, в которой один пастырь, и не лишитесь пастбищ вечного насыщения по окончании настоящей жизни. По этой причине мы, заступающие, хотя и за недостаточные заслуги, место Бога на земле, желая этого горячо для спасения души Вашей, просим Ваше Величество и настоятельно увещеваем, чтобы Вы, подумав внимательно, во глубине души Вашей, как коротка жизнь человеческая и как неверны и часто внезапны судьбы мира сего, старались усердно, по силам Вашим, преуспевать во всем, чтобы соединиться с сонмами небесными. Об этом и о всем прочем,

относящемся к Вашему спасению, мы покорными молитвами просим и будем просить Бога. Далее за благосклонность и милости оказания, как это сказано выше, милостью Вашею упомянутым, христианам католикам и за подарки от Вас, от Вашего достославного первородного сына и светлейшей императрицы, супруги Вашей, поднесенные нам упомянутыми посланниками и принятые нами с благодарностью во уважение к пославшим их, мы приносим Величеству Вашему чувствительнейшую благодарность, присоединяя к вышесказанным просьбам и увещаниям, чтобы благосклонность Вашей милости к упомянутым христианам католикам, подведомственным упомянутой Римской церкви, всегда возрастала и увеличивалась. Кроме того, так как мы узнали, что между Вами и чиновниками и подданными любезнейших в Христе сыновей наших, светлейших королей Венгерского... и Польского... случаются иногда на границах Вашего и их государств ссоры и войны, которых следствием убийство людей, опустошение и более еще плачевная опасность для душ, то благоволите, Ваше Высочество, прекратить нападение Ваше на эти государства: а если упомянутые короли нанесут Вам или Вашим подданным незаслуженную обиду или оскорбление и Вы заблагорассудите сообщить об этом нам, мы будем стараться всеми силами с помощью Божьей, чтобы со стороны королей сделано было Вам и Вашим подданным приличное удовлетворение. В Авиньоне, 17 Августа, в шестой год первосвященства (1340).

III. Письмо того же папы к Джанибеку

Венедикт Епископ и проч. Достойному мужу, князю Джанибеку, первородному сыну Е. В. государя Узбека, Императора Татар, светлейшего милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. Представившегося нам недавно любезного сына Гелию из Венгрии, Францисканца, посланника вашей знатности мы приняли ласково, как по уважению к Вам, так равно приняв во внимание его честность, и то, что от имени Вашего он хотел нам сообщить, мы выслушали благосклонно и уразумели прилежно. Хотя о любви Вашей, внушенной Вам Господом, которую Вы питаете и питали до

сих пор к св. апостольской столице и Римской церкви, матери всех правоверных христиан и учительниц, а вместе с тем о благосклонности и расположении, которые оказываете постоянно и беспрестанно христианам католикам, повинующимся Римской церкви, живущим в Империи отца Вашего, из любви к Богу и уважения к нам и к упомянутой апостольской столице, мы давно слышали из приятных нам донесений; однако ж упомянутый посланник, превознося и величая Вас множеством громких похвал, как за это, так равно и за другие хорошие и благочестивые дела, говорил нам много приятного об Вас и о многих Ваших добродетелях, которыми податель всех благ наделил Вас. Радуюсь в Господе добродетельным поступкам Вашим и желая Вашего спасения и преуспевания в том, чем можете заслужить милость в настоящей жизни и славу вечного блаженства в будущей, мы убедительно просим Вашу знатность и увещеваем в Господе, чтобы Вы, неусыпно заботясь о всем, что нужно для спасения души Вашей, принимали охотно душеспасительные наставления и увещания упомянутого Ильи, посланника Вашего, любящего Вас, как мы убедились, искренно, и чтобы Вы, не позволяя потухнуть в себе чувству благоговения, данному Господом всех добродетелей, приняли упомянутых христиан под Ваше покровительство и оказывали им нужную благосклонность и милости, чтобы сам Бог, источник всех благ и не оставляющий без награды ни одного доброго дела, озарил Вас оком благости своей, пролил в душу Вашу свет истинной веры и направлял действия Ваши к тому, что угодно ему и полезно для Вашего спасения. За присланный Вами подарок, представленный упомянутым посланником, и за милости оказанные Вами упомянутым христианам, мы еще раз изъявляем чувствительнейшую благодарность. Дано в Авиньоне ,17 Августа, в шестой год.

IV. Письмо того же папы к жене Узбека Тайдолу

Венедикт епископ и проч. Достойнейшей Государыне Тайдолу (Taydolu), Императрице северной Тартарии, милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. На днях представившие-

ся нам любезные сыновья Илья из Венгрии, Францисканец и благородные Петрано дель Орто, бывший владетель Каффы, и Альберт, его товарищ, посланники Его В. Государя Узбека Императора Татар, супруга Вашего, постарались нам, между прочим, представить с какою любовью Вы, питая дух благоговения и кротости и нося в душе преданность к нам и св. римской церкви, обходитесь с христианами католиками, повинующимися римской церкви, живущими в той стране, и с какою готовностью к делам милосердия Вы оказываете милости и полезное покровительство. Мы, следовательно, выслушав с удовольствием донесение упомянутых посланников, прославляющих имя Ваше, как по причине вышесказанного, так равно и за многие другие похвальные поступки, радуемся очень и благодарим Всевышнего, который внушил Вам эти чувства, надеясь в Господе, от которого происходят все блага, что упомянутые добрые дела Ваши он внушает для того, чтобы Вы, наконец, познав и приняв истину, т.е. Христа, не лишились радостей жизни вечной, по окончании жизни настоящей несчастной и непостоянной. По этой причине, просим Ваше Величество и увещеваем убедительно в Господе, чтобы Вы, продолжая похвально добрые дела Ваши, и через принятие истинной веры католической, без которой никто не может быть спасен, заслужив получить благодать Божественной милости, упомянутых католиков христиан приняли под Ваше покровительство. Мы же, с нашей стороны, за спасение Ваше, супруга Вашего и детей, душевное и телесное просим Бога усердными молитвами. За милости, оказанные Вами упомянутым христианам, и подарок, присланный от имени Вашего, который мы приняли с благодарностью по уважению к Вам, благодарим чувствительно. Дано в Авиньоне, 17 Августа, в шестой год».

5.4. Письмо Токтамыш-хана польскому королю Ягайле

Опубликовано: Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. – М., 1978. – С. 234–251.

Ярлык Токтамыш-хана

ПЕРЕВОД

Я, Токтамыш, говорю Ягайлу.

Для извещения о том, как *Мы* воссели на великое место, *Мы* посылали прежде послов под предводительством Кутлу Буги и Хасана, ты тогда же посылаи к *Нам* своих челобитчиков. Третьего года послали некоторые огланы, во главе которых стояли Бекбулат и Коджа-медин, и беки, во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-берди и Давуд, человека по имени Эдугу к Темиру, чтобы призвать его тайным образом. Он пришел на этот призыв и, согласно их злонамерению послал им весть. *Мы* узнали об этом (только) тогда, когда он дошел до пределов (нашего) народа, собрались, и в то время, когда *Мы* хотели вступить в сражение, те злые люди с самого начала пошатнулись, и вследствие этого в народе произошло смятение. Все это дело случилось таким образом. Но *Бог* милостив был и наказал враждебных нам огланов и беков, во главе которых стояли Бекбулат, Коджамедин, Бекиш, Турдуак-берди и Давуд.

Для извещения об этих делах мы теперь посылаем послов под предводительством *Хасана* и *Тууду Ходжи*. Теперь еще другое дело. Ты собирай дань с подвластных *Нам* народов и передай ее пришедшим к тебе послам, пусть по прежнему опять твои купеческие артели разъезжают; это будет лучше для состояния великого народа.

Такой ярлык с золотым знаком мы издали. В год курицы по летоисчислению в 795-й, в 8 день месяца Реджеба, когда орда была в Тане, мы (это) написали».

5.5. Тарханные ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлука

Опубликовано: Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея с введением, переписью и примечаниями, изданные И.Березиным, профессором Казанского университета. – Казань, 1851. – С. 1–15.

«I. ЯРЛЫК ТИМУР-КУТЛУКА

Тимур-Кутлуково слово.

Правое крыла левого крыла Угланам, Бекам темным, во главе коих Эдеку, Тысячным, Сотным, Десятным, внутренним селениям, духовным судьям, духовным законоведцам, старцам, отшельникам, секретарям палат, таможникам, весовщикам, архитекторам, дорожникам, букаулам, заставщикам, почтмейстерам, кормовщикам, сокольникам, барсникам, ладейщикам, мостовщикам, находящимся на базаре.

У предков владеющего сим ярлыком Мухаммеда со времени давнопрошедшего Саин Хана от одного к другому переходил ярлык по обычаю истинного тарханства; отца его Хаджи-Байрам Ходжу пожаловал старший брат наш Хан; и, так как он просил дать знать о сделании его Тарханом, просьбу его видя основательной, мы изрекли, чтоб Мухаммед, нами пожалованный, был Тарханом. Отныне впредь в Крымско-Гыргк-ерской области, в соседстве селения, именуемого Судагк, по обычаю законного обязательства с давнего времени из известной привилегии с привилегией Ундинчи утверждаемых Тарханов, землям и водам его, – сыновья Мухаммеда Ильки Хаджи Мухаммед и Махмуд пусть будут вольными тарханами – этих землям и водам, виноградникам и садам, баням и мельницам, владеемым местам, прежде оставшимся вольноотпущенными их и ещё остающимся, земледельцам и паевщикам, кому бы то ни было, да не причиняется насилие и оскорбление; без причины вещи их да не замают и не берут; житную тамгу, с земледельческих произрастений и молотого хлеба амбарное и гуменное, дань раскладываемую на подданных, оброк называемый подушные, недоимки, выходы да не взимают; при шествии и приходе, входе и выходе в Крыму и Ка-

фе при покупке и продаже чего бы то ни было тамговых и весовых да не взимают; для тарханской горной дороги да не требуют караулов; скотов их в подводы да не забирают; постой да не ставят; кормов и содержания да не требуют; от какого бы то ни было безпокойства, тревог и неприятностей да будут они защищены и сохранены: сидя право в тишине да возсылают молитвы и благословения утром и вечером в священные времена за нас и за наше потомство. Так молвя, для держания дали золотозначный, красно-печатный ярлык. Писан года восемьсотого, в лето барса, месяца Шабана в шестой день, во время нахождения в Муджуране на берегу Днепра.

II. ЯРЛЫК ТОХТАМЫША

ПЕРЕВОД

Предаюсь на Бога и уповаю на милость и благость его !

Тохтамышево слово.

Крымской области начальникам, во главе коих Кутлу-Буга, Беккам, духовным судьям, духовным законоведцам, настоятелям, старцам, секретарям палат, таможникам, весовщикам, букаулам, заставщикам, каким бы то ни было мастерам, всем.

Так как Тимур-Пулад повелел так: «владеющий сим ярлыком Бек Хаджи с принадлежащими ему людьми, все нами пожалованы (они платили в государственное казначейство ежегодно все какие бы то ни было требуемые расходы с надбавками). Отныне впредь да не налагают на Суткуль называемые «подушные», да не требуют подвод и корму; да не требуют на амбары хлебного харчу; областные власти да не трогают никакого подчиненного Суткулю человека внутри Крыма, вне, на местах остановки; всем им вкупе сущим, ради освобождения их от требуемых расходов, оказывания покровительства и помощи, написания паизового тарханного ярлыка, вы все в этом случае оказывайте безпрекословное содействие Бек Хаджию», то посему делающие раскладку областных подушных непременно побоятся причинять беспокойство и обиду. Но, если ты Бек Хаджи, говоря: «Я есмь вот как пожалован» станешь причинять на-

силе жалким беднякам, и тебе же доброго не будет. Так молвя, для держания дали краснопечатный ярлык. Орда находилась на Дону, на Ур-тубе, на степи. Писано в лето обезьяны девяносто четвертого года месяца Зулькаада двадцать четвертого».

5.6. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы. (1514, ноября 18)

РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 577 (578)–579 (580).

228. – 1514. Лист короля Жигимонта Казанскому царю Магмету-Аминю с сообщением о действиях войск царя против великого князя Московского, напавшего на землю короля, и с просьбой быть на великого князя Московского заодно. 291–292. (л. 577 (578)) От Жигимонта, Бож(ь)ю м(и)л(о)стью короля польского, великого кн(я)зя литовского, русского и кн(я)жати пруского, жомойтского и иныхъ, брату нашему Магъметъ Аминю ц(а)рю казаньскому. Поведаетъ тебе, брату нашему, иж какъ сели есмо на отчине нашей столцохъ отца нашего на Коруне Полскои и на Великомъ кн(я)зьстве Литовскомъ, великии кн(я)зь Василеи Ивановичь московский безъ отповедне и безъ всякое причины вси свои люди въслалъ у отчизну нашу Великое кн(я)зьство Литовское шкоды намъ чинити. И мы его люди зъ Бож(ь)ею помочью зъ земли наше выгнали. А потомъ онъ з нами ся мириль увечисты миръ и присягами твердыми и записы // (л. 578 (579)) межи собою есмо на обе стороны утвердилися. И он, запамятавши Б(о)га и ч(е)сти и души своее, ту свою присягу твердую и записы зламалъ, без всякое прычины неотповедне со всеми своими людми, нас обезпечивши, кинулься на отчизну нашу Великое кн(я)зьство Литовское и замъки наши отчизны лъстиво-стью своею несправедливе былъ поселъ. Мы люди наши напроотивку его людеи послали. Наши люди на некольку мечьцахъ многихъ людеи его побивали и многихъ людеи знаменитыхъ поимали. И онъ

таки въ своей неправде не хотель ся взнати. Мы, воземъши Б(о)га на помочь, сами с нимъ великии ступънии бои мели и зъ Божее помочи войско его все на голову поразили и замки наши з ласки IX Божее за ся есмо к нашої руке взяли, и воеводы и кн(я)зи и панове его радны многи намъ в руки впали. И што есмо до тебе передь симъ посла нашего посылали, тотъ поселъ нашъ тамъ згибь. Мы того серъдечне жалуемъ, иж нам от тебе отказу никоторого не было. Про то навпоминаемъ тебе, брата нашего, абы ся еси с тымъ неприятелемъ нашимъ московскимъ не мириль, а нам // (л. 579 (580)) бы еси былъ приятелемъ и посполу с нами на того неприятеля нашего былъ заодинъ. А мы тебе, брату нашему, поведаемъ, иж мы вземши Б(о)га на помочь отсель не переставаемъ, хочомъ дела нашо с нимъ делати и обиды наше ему мстити сколько нам Богъ поможетъ. И ты бы, братъ нашъ, с тое стороны о томъ чуль. И если бы онъ потягнуль напротивку насъ, и ты бы въ его землю тягнул и шкоды ему чиниль што наболеи могучи. А такеж чуиности о томъ будемъ мети. И если бы онъ хотель потягнути на тебе, брата нашего, и мы такеж наши войска вси въ его землю оберънемъ и шкоды делати. И то тебе даемъ ведати через сеи наш листъ, иж хочемъ с тобою быти у братстве и в приязни. А напротивку того неприятеля нашего московского хочемъ быти с тобою заодинъ. П(и)сан у Вилни нояб(ря) 18 д(е)нь, инди(кт) 3⁴.

Подготовил к публикации Вадим Трепавлов

⁴ Данный индикт соответствует периоду с 1 сентября 1514 г. по 31 августа 1515 г.

5.7. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы. (1516, июня 18)

РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 661 (662)–667 (668).

242. – 1516. Лист короля Жигимонта Казанскому царю Магмету Аминю с просьбой быть с королем в братстве и приязни, с сообщением о победах войска короля над великим князем Московским, с просьбой напасть на землю последнего, с обещанием помочь царю войском в случае нападения на его землю великого князя Московского, с просьбой принести присягу перед толмачом и с обещанием принести присягу перед человеком, которого пришлет царь. (л. 661 (662)) Тотъ листъ посланъ до ц(а)ря казаньского тольмачомъ Макаръцомъ м(еся)ца июня 18 ден(ь), иньдикъ(т) 4⁵. От Жикгимоньта Бож(ь)ю м(и)л(о)стью короля полскогоX и великого кн(я)зя XI литовского, руского, кн(я)жати пруского, жомойтского и иных брату нашому милому Магметъ Аминю ц(а)рю козаньскому поклонь. Што еси, братъ нашъ, перво того невъсколького годехъ присылалъ к намъ ч(е)л(о)в(е)ка своего Акимбердея здоров(ь)я нашего наведаячи а свое намъ поведаю // (л. 662 (663)) а припоминаючи иж при великомъ кн(я)зи Витовте продку нашомъ твои предки гости в Литве и братство и приязнь о нихъ часовъ межи собою мели, нежли далекости дороги не ссылалися. А какъ ты, братъ нашъ, насель на своемъ ц(а)рстве, был еси з великимъ кн(я)земъ Иваномъ московскимъ у братстве и въ присязе. А какъ почаль вышей меры противку тебе чинити, и ты, того не терьпивши, не дался ему в обиду. А потомъ нинешний кн(я)зь великий Василей сынъ его пустил был на тебе войско свое великое водою и сухомъ. И ты з Бож(ь)ею по-

⁵ Данный индикт соответствует периоду с 1 сентября 1515 г. по 31 августа 1516 г.

мочью оба тыи во[и]ска поразил⁶. Мы, то услышавши, враздовалися тому и того ж часу послали есмо к тебе с тым твоимъ слугою дворянина нашего Сороку твоего здоровья и правде межи нами умо-вляючи и потвердяючи. И тот нашъ XII дворянинъ тамъ в Козани вмеръ а к намъ не приехалъ. А потомъ и иныхъ пословъ к тебе, брату нашему, посылали есмо, которыхъ ижъ черезъ проеханъя презпечного не могли мети. А тымъ нечастымъ // (л. 663 (664)) обьсыланьемъ братство и приязнь межи нами ся омешкивала. Какъ же мы нине, упомнявши деди нашего великого кн(я)зя Витовъта приязнь с твоимъ предькомъ, послали есмо твоего здоровья отвеद्याючи а с своего нам поведаючи тольмача нашего Макарца легьким поминькомъ а с тяжкимъ поклономъ⁷, напоминаючи тебе, брата нашего, ижъ быти упомятавши предьковъ своих и нашихъ с нами у братстве и в приязни былъ, приятелю быхмо з obu сторонъ приятелемъ были, а неприятелю неприятелемъ. И што ся дотычетъ неприятеля твоего и нашего московского ведомо тебе, брату нашему, што ж Иванъ кн(я)зь великий московскийъ за брата нашего Александра короля дочку свою давши⁸ и кровнымъ ся звизаньемъ обезавши и присягами своими его обезъпечивши, немало отчизны наше городовъ и волостей и земли подъ нимъ был забралъ. А потомъ

⁶ Фрагмент грамоты от слов «при великомъ кн(я)зи Витовте» до «оба тыи во[и]ска поразил» является пересказом несохранившегося послания Мухаммед-Амина королю.

⁷ Чтобы расположить к себе адресата, Сигизмунд (от его лица канцелярия Великого княжества Литовского) прибегает к стилизации, употребляя оборот, традиционный для татарской дипломатической практики и присутствующий, в частности, в первом письме Мухаммед-Амина (Lietuvos Metrika. Knyga 8 (1499–1514) // Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius, 1994. – P. 57). Выражение «[с] легьким поминькомъ а с тяжкимъ поклономъ» является повторением тюркской формулы «ağır selâm yingil bölek» (см., например: Özyetgin A. M. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. – Ankara, 1996. – S. 110, 111).

⁸ В 1495 г. великий князь литовский Александр Казимирович женился на дочери Ивана III Елене. В 1501 г. он стал одновременно и польским королем.

сынъ его кн(я)зь Василеи, с нами присягу учинивши и намъ змевивши, вальку напротивъку намъ почалъ. Мы, Б(о)га Сотворителя оземъши на помочъ а свою справедливость, пошли есмо напротивко ему. И такъ // (л. 664 (665)) два годы будутъ у в осень приду чую Богъ нам помогъ воиско его осмьдесять тысячъ наголову побити и воевод его колько десять а к тому многихъ кн(я)зеи и бояр и людеи его живыхъ поимати, которыи ж тепере в нашихъ рукахъ в нятстве сядятъ. Как же завъжды без отпочинут на воиско нашо в его землю ходятъ и воюют. Богъ намъ такую ласку свою извитежене надъ нимъ даль не рекучи абы люди его бои противъ нашихъ людеи поставили, але услышавши нашихъ людеи назад втекають.

Боже даи абы намъ от Б(о)га тое щастье надъ нимъ было на долгы час. Такъже поведаемъ тебе, брату нашому, иж тыхъ часовъ з братомъ нашимъ царемъ Магъметъ Кгириемъ вступили есмо в братство и в вечную приязнь, потому как зо отцемъ царе[м] Мендли Кгирием, содиначивъшиися с нимъ и с ынъшими приятельми нашими, Б(о)га оземъши на помочъ, воиски нашими XIV в землю того нашего неприятеля нинешнего лета аж до зимы потягнули есмо, хотячи ему брата нашего Алексанъдра короля и нашое обиды мстити и землю его воевати // (л. 665 (666)) колко Богъ милыи поможеть. А про то напинаемъ и жадаемъ тебе, брата нашего, аж бы еси з другое стороны з воискомъ своимъ в землю того нашего неприятеля и своего к Нижнему Новугороду потягнулъ и землю его воевалъ и посполу с нами дела своего доводилъ, бо лепшого часу надъ тымъ неприятелемъ своимъ не можешь на долги час мети, как тепере. А коли нам Богъ поможеть над тымъ нашимъ неприятелемъ а тебе дасть Богъ Нижнего Новагорода добыти и иншии замки и волости и земли отчизну свою къ своимъ рукамъ привернути, тогда и данъ свою будешь с не(го) по давному мети. А намъ бы Богъ такъ же дал наши замъки отчизныи и которыи он несправедливе поселъ подъ нимъ добыти. Тогда бы вже тотъ неприятель нашъ таковое моцции смелости напротивъку намъ не мель и руки своеи на нас не подносилъ, бо он ничимъ ся былъ неподнеслъ, только забранъемъ твоихъ и нашихъ замков. А если бы он через то хотилъ ся на тебе, брата нашего, кинути и воискомъ своимъ на тебе потягнути, мы, скоро услы-

шавши, в тот же часъ хочомъ тебе, брату нашему, в помочъ воиско нашо з нашое стороны в его землю послати. // (л. 666 (667)) И ты бы, братъ нашъ, такъ же намъ к у помочи своеи стороны воиско свое великое въ его землю воевати послалъ.

Естли бы ся такъ же хотиль насъ кинути и воиско свое в нашу землю послати, а с тою згодною нашою с тобою, братомъ нашимъ, з Бож(ь)ю помочью с того неприятеля нашего кожного дела нашего можемъ себе довести. Пакъ ли ж бы ты, брат нашъ, маючи с нимъ тыхъ часовъ мир або перемир(ь)е в нинешнии такъ потребны час свои, для того не хотиль воискомъ своимъ з другое стороны въ его землю потягнути. Ино ведаешъ самъ, предъкове его и о(те)ць и он самъ николи не став в прислузе не бывали XV але убачивши свои часъ, присягу свою изменивши несправедливе и отповедне, безъ каждое XVI причины с кождымъ суседом своимъ вальку починали а кровь проливали. Чого ж Бог милый им не перепускаеть. Какъ же внимама иж предкомъ твоимъ и тебе, брату нашему, от нихъ через присяги их несправедливые многии ся неприязни оказали. И ты бы, брат наш, упомятавши их неприязни и бачачи нинешнии час, посполу с нами нинешнего лета и осени з другое стороны въ его землю потягнулъ а тым намъ братство и приязнь оказалъ. А коли // (л. 667 (668)) тебе, брату нашему, такъ же потреба вкажетъ, мы такъ же в тот час хочомъ тебе помочьни быти и воиско з нашое стороны в его землю послати. А естли ты, братъ нашъ, с нами в томъ братствве и в приязни хочешъ стояти и заодинъ с нами на того нашего неприятеля быти, и ты бы, брат нашъ, передъ тымъ нашимъ тольмачомъ присегу нам вчинивши и о всякихъ делехъ через него к намъ усказавши, приставивши к нему своего чоловека, к намъ без мешканья отпустилъ. А мы такъ же перед тым твоимъ ч(е)л(о)в(е)комъ хочемъ тебе правду нашу вчинити, бо мы на чомъ тебе передъ тымъ слово наше мовили и правду вчинили, и в тои правде и тепер(ь) твердо стоимъ. Такъ ведаите и тому справедливе вер(ь)те.

Подготовил к публикации Вадим Трепавлов

5.8. Грамота Ивану IV от Кучум хана (1570, русский канцелярский перевод XVI века)

Опубликовано: Собрание государственных грамот и договоров. Ч.2. – М., 1819. – С. 52.

Волной человекъ Кочюмъ Царь, Великий Князь Белой Царь. Слыхали есмь ... еси и справедливъ, мы и весь народъ земли, воуютца; а не учнуть воеватца, и они мирятца. С нашимъ отцомъ твой о[тец] гораздо помирился, и гости на обе стороны ход ... по тому, что твоя земля блиска, люди наши в упокое были, а межи ихъ лиха не было, а люд[и] в упокое в добре жили, и ныне при нашемъ и при твоёмъ времени люди черные не в упокое. А по ся места грамоты к тебе не посылашь еси по тому, что не с которымъ намъ война была, и мы тогу недруга своего взяли; и ныне похощь миру и мы помиримся, а похощь воеватися, и мы воюемъ, пяти шти человекъ в поиманье держать, земле в томъ что? Язь пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся, толко похощь с нами миру, и ты ис техъ людей одного, которые в поиманье сидять, отпусти и своего человека с ними к намъ пришли гонцомъ. С кемъ отецъ чей былъ въ недружбе, с темъ и сын его в недружбежъ быти пригоже; будетъ в дружбе бываль, ино в дружбе и быти, кого отецъ обрель себе дру[га] и брата, сыну с темъ в недружбе быти ли? И ныне ... помиримся братомъ старейшимъ [...] чимъ учинимся в отечестве [и брат]стве учинимся, только похощь миру, и ты наборзе къ намъ гонца пришли. Молвя, с поклономъ грамоту послать.

5.9. Переписка Ивана IV и Кучум хана (1569–1571, русский канцелярский перевод и пересказ XVI века)

Опубликовано: Собрание государственных грамот и договоров. Ч.2. – М., 1819. – С. 63–65.

Начало посолству Сибирского Кучюма Царя со Царемъ и Великимъ Княземъ.

А се въ грамоте начало писано, какову Царь и Великий Князь послалъ х Кучюму Царю съ его человекомъ с Аисою, по ихъ челобитью:

Божиею милостию, от Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси, Владимирского, Московского, Ноугородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского, Господаря Псковского, Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорьского, Пермьского, Вятцкого, Болгарьского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резаньского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорьского, Кондинского и иныхъ, и всее Сибирские земли и Северные страны Повелителя, и Господаря земли Вифлянские и иныхъ, Кучюму Царю Сибирскому слово наше то: прежь сего Сибирской Едигерь Князь на насъ смотриль, и зъ Сибирские земли со всее, на всякъ годъ, дань к намъ присылалъ.

А на свершенье в грамоте: писано въ Государьстве нашего дворе, града Москвы, лета 1571 Марта месяца.

А се начало въ грамоте: писано от Кучюма Царя Сибирского ко Царю и Великому Князю с посломъ его с Томасомъ, да з гонцомъ Аисою 1571 году:

Крестьянскому Белому Царю и Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Русии. Да на поле написано: Кучюмъ богатырь Царь, слово наше, да послалъ о томъ, чтобъ его Царь и Великий Князь взять въ свои руки, а дань со всее Сибирские земли ималь по прежнему обычаю.

А на свершенье у грамоты написано, писано с нишаномъ, а лета не написано.

И Царь и Великий Князь Сибирского Царя грамоть и его челобитье выслушалъ, и подь свою руку его и во обереганье принялъ, и дань на него положили, на годь по тысячу соболей, да посланнику Государьскому, которой по дань приедеть, тысячу белокъ, да и грамоты, и записи тому пописаны; а х Кучюму Царю, с жаловалную грамотою, послалъ Государь своего сына боярского Третьяка Чабукова и записи какову написали посоль Таимась, да гонец Айса и шерть по ней учинили, подкрепити, да и дань у Кучюма Царя взяти.

А се начало писано въ Государеве грамоте жаловалной, которая послана х Кучюму Царю с Третьякомъ с Чабуковымъ, съ Государевою золотою печатью:

Всемогущаго безначалного Бога неизреченнымъ милосердиемъ, Крестьянского закона единъ правый Царь и Великий Князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородский, Царь Казанский, Царь Астороханьский, Господарь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вягцкий, Болгарский и иныхъ, Царь и Великий Князь Новгорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всее Сибирские земли и Северные страны Повелитель, и Господарь земли Вифлянские и иныхъ, Сибирские Началнику Кучюму Царю милостивое слово, любовнымъ жалованьемъ и доброю мыслью великое защищенье, и Богособные наши власти, всего твоего улуса людемъ, безстрашное пребывание и крепкое слово то.

А въ свершение писано: и того для къ сему ярлыку на большое укрепление золотую свою печать еси приложилъ, от создания Адамля лета 1571, октября. Писанъ въ Государстве нашего дворе, града Москвы, а вашего лета <...>

А се начало в записи шертной писано, которою написали Сибирской посоль Тамась, да гонец Аиса, да и къ шерти на той записи приведены:

Божиемъ изволениемъ, и Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси жалованьемъ, язъ Кучюмъ Царь Сибирский посылалъ еси ко Царю и Великому Князю своего посла Таимаса и гонца своего Аиса, бьючи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и с Си-

бирские земли тысячу соболей послалъ есми; и Царь и Великий Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии, Казанский, и Астороханский и иныхъ многихъ Государь нась пожаловаль, и землю Сибирскую въ своемъ жалованье учинилъ, и дань на Сибирскую землю положилъ всего на годъ по тысяче соболей, да посланниковы пошлины всего по тысяче белокъ, по прежнему своему жалованью. И посоль нашъ Таимась и гонецъ Аиса, благодаря Бога и Царя и Великого Князя жалованье нашею душею, и всехъ нашихъ добрыхъ людей душею, и всехъ черныхъ людей душею, Царю и Великому Князю роту крепкую и шерть дали на сей записи, что намъ.

А свершение в записи: а на утвержденье сей записи, язъ Кучюмъ Царь печать свою приложилъ, а лутчие Сибирские люди руки свои приложили; а сю шертную запись писалъ Магмедъ Бакъ, Хозе-сеиповъ сынъ.

А в приписи у записи писано: а на томъ на всемъ, какъ в сей шертной записи писано, язъ посоль Таимось, да гонецъ Аиса за Государя своего Кучюма Царя, и за всехъ его лутчихъ людей, и за всю землю Сибирскую, на сей шертной записи, Государю Царю и Великому Князю крепко есмя шерть учинили на томъ: какъ будет у Государя нашего у Кучюма Царя, Государевъ Царевъ и Великого Князя посланникъ Третьякъ Чабуковъ, и Государю нашему Кучюму Царю и лутчимъ его людемъ, на сей шертной записи и на Цареве и Великого Князя жалованномъ ярлыке шерть учинити, и печать своя к сей записи Государю нашему Кучюму Царю приложити, и правити Государю нашему Кучюму Царю о всемъ по тому, какъ в сей шертной записи писано; а печатей нашихъ моее Таймусины и моее Аисины и рукъ нашихъ у сей шертной записи нетъ по тому, что грамоте и писати не умеемъ.

А в речи Третьяку велено от Государя Кучюму Царю поклонъ правити и речь говорити по наказу.

5.10. Документы о русско-сибирских отношениях 1597–1598 гг.

Опубликовано: Собрание государственных грамот и договоров. Ч.2. – М., 1819. – С. 129, 131–134; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1334–1598. – СПб., 1841. – С. 1–5, 6–8.

1. Грамота (в переводе) к Государю Царю Федору Иоанновичу от Сибирского Байсеит Мурзы (1597)

Великому Князю Белому Царю, Сибирские земли все от мала до велика холопы твои челомъ бьютъ. Мы по своей правде воеводамъ послушны, а Тюменские люди отложились, и мы того не ведаемъ, от кого учинилось, неведамо от воеводъ, неведамо съ кого, что ни учинишь, ведаеть Богъ да ты. Да ныне к намъ в Сибирь гости и торговые люди ниоткуды не ходять, и мы всемъ скудны; а толкубъ торговые люди приходили, и мыбъ всемъ пополнились и сытибъ были. А воеводы здешние, безъ твоего Великого Князя Белого Царя веленья, пословъ послать не смеютъ, и ты бь, Государь, по ... в Бухары и въ Нагаи пословъ посылати, чтобъ земле была прибыль, о томъ холопы твои Сибирцы все от мала и до велика челомъ бьемъ. Да какъ ты, Государь, меня холопа своего Байсеита отпустилъ в Сибирь, и пожаловаль еси, Государь, меня своимъ жалованьемъ денежнымъ по десяти рублевъ, а ныне мне дали шесть рублевъ, в томъ твоя воля; да начальные люди Авбасты, да Келдиуразъ, старые люди и добры, юрть они и берегутъ, и твое жалованье имъ не доходить, и тыбъ ихъ пожаловаль своимъ жалованьемъ, о томъ мы все холопы твои, все от мала до велика челомъ бьемъ; и послали к тебе ко Государю бити челомъ Кызылбая ясаула, и тыбъ, Государь, пожаловаль велель намъ дать свою Государеву жаловальную грамоту. Да бьемъ челомъ тебе Государю, язъ Байсеитъ мирза и все твои холопы от мала до велика, чтобъ еси Шиха, да Моллу, да Бабуазея, трехъ ихъ велель отпустить въ ихъ землю, в Бухарь; а твоему юрту от нихъ прибыли нетъ, развее всегды плачють, и тебе бь Белому

Царю в томъ греха не было, и мы все объ нихъ печалимся и бьемъ челомъ, чтобъ еси пожаловаль велель ихъ отпустить.

2. Письмо Сибирского Царя Кучюма к воеводам города Тары (1597 г., русский канцелярский перевод)

Богъ богатъ.

От волного человека отъ Царя бояром поклонь, а слово то: что есте хотели со мною поговорити, и вамъ отъ Государя своего отъ Белово Князя о томъ указъ есть ли? И будетъ указъ есть, и мы поговоримъ и его слово приятно учинимъ, а онъ бы наше челобитье приятно учинилъ; а мое челобитье то: прошу у Великого Князя, у Белово Царя, Иртишского берегу, да и у васъ у воеводъ быю челомъ, тогожь прошу; да т [...] вещей у васъ прошу, и вы ис техъ вещей хоти и одну дадите, и ваше слово будетъ истинно; а будетъ не дадите, и слово ваше ложно; а челобитье мое то: прошу Шаину, а те оба гости, которыхъ взяли, ехали ко мне в послехъ, и ихъ вамъ Богъ судилъ, и язъ тое посолские рухледи одного юка конского прошу, очи у меня были больны и с теми послы были зелья, да и роспись темъ зельямъ с намижь была, и язъ того прошу, и только те три вещи мне дадите, и слово ваше истинно, и будетъ со мною похотите поговорити, и вы ко мне пришлите толмача Богдана. А Сююндюкъ приехалъ, Великого Князя Белово Царя очи видель, и язъ бы изъ его усть указъ его услышель, и выбъ его прислали; и будетъ те дела правда, и выбъ прислали Бахтыураза, которой ныне приехалъ. А от Ермакова приходу и по ся места пытался есмя встречно стояти; а Сибирь не язъ отдалъ, сами естя взяли. И ныне попытаемъ миритца, любо будетъ на конце лутче; а с Нагаи есмя в соединенье, и только с обеихъ сторонъ станемъ, и Княжая казна шатнетца, и язъ хочю правдою помиритца, а для миру на всякое дело сходительство учиню.

3. Грамота Царевича Абу-л-Хайра к отцу своему Сибирскому Царю Кучуму (1597)

Цареву Величеству, холопъ вашъ Абдюль Хаиръ Царевичъ множеством много челомъ бьеть. Прежь сего присылали есте к Великому Государю Царю и Великому Князю Федо[ру] Ивановичю всеа Русии Самодержцу, къ его Царскому Величеству человека своего Магметя з грамотою, [...] [в гра]моте своей к Царьскому Величеству писали есте, чтобъ Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичь Самодержецъ тебя пожаловали юрты [...] отдати велели, и брата нашего Магметъ Кула к тебе отпустить велель; а язъ вте поры былъ у Царя [...] Величества в опале, и били есмя челомъ Вели[кому] Царю и Великому Князю Федору Ивановичю всеа Русии Самодержцу, чтобъ Великий Государь меня пожаловаль, поволить мне написати к тебе грамоту, а ты вины свои покроешь, ученился подъ его Царскою рукою, и сына своего царевича къ его Царьскому Величеству пришлешь; и Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичь всеа Русии Самодержецъ, не помятуя передь своимъ Царьским Величеством винъ нашихъ, поволить мне от себя написати к тебе грамоту, и ты по той м[...] грамоте ничего не учинилъ, к Великому Государю Царю и Великому Князю Федору Ивановичю всеа [Русии] Самодержцу, къ его Царьскому величеству [...] Царевича не прислать. И ныне Великий Государь Царь и Вели[кий Князь] Федоръ Ивановичь Всеа Русии Самодержецъ милостивый истинный Великий Царь Крестьянский Государь, не смотря на наши грубости и неправды, меня пожаловаль, казнь смертную отдалъ, и пожаловаль меня [...] и волостями, з братомъ с моимъ с Магметъ К[улом] Царевчемъ вместе; а про ваше Цареве Величество слухъ доходить, что пребыванье твое нужну, и скудость великая, и братья наши Царевчи Канаи, да Иделинь со многими людьми пошли отъ тебя прочь, а с вашимъ Царевымъ Величествомъ немногие люди остались. И мы з братомъ своимъ с Магметъ Куломъ Царевчемъ били челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Федор Ивановичю всеа Русии Самодержцу, его Царьскому Величеству, чтобъ насъ Царское Величество пожаловаль, пово-

лиль намъ написати к тебе грамоту, а ваше, чаемъ, Царево Величество ныне похочеть быть подъ Великого Государя, его Царьского Величества рукою; и Великий Государь Царь и Великий Князь Ф[едор] Ивановичь всеа Русии Самодержецъ ... поволить, а приказалъ намъ написат[и] грамоту; и выбъ Царево Величест[во] к Великому Государю Царю и Великому К[нязю] [Фе]дору Ивановичю всеа Русии Самодержцу. А то намъ Царского Величества отъ печат[ика] и посолского диака Василья Яковли [...] калова ведомо есть: будетъ похочешь быти при Царскомъ Величестве, при его пресветлыхъ очехъ, и Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичь всеа Русии тебя пожалуетъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, города и волостми, и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству; а у Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии Самодержца, у его Царского Величества служить многие Цари и Царевичи, и в[ое]водичи Волоские и Мутьянские, и изо м[ногих] Государствъ Государские дети и те все въ жалованье живутъ безъ оскуденья; а будъ [...] у Царского Величества похочешь бы [...] юрте в Сибири, и Царское Величество [...] своимъ Царскимъ жалованьемъ пожалует, [Сиб]ирской земле Царемъ велить быти.

4. Жалованная грамота царя Федора Иоанновича Сибирскому царю Кучуму (1597)

...[Ве]ликого Государя царя и Великого князя Ф[едора] Иоанно[вич]а всеа Русии самодержца, Вла[димирского], Московского, Новгородского, Царя Казанского, царя Астраханского, Господаря Псковского и Великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных, Государя и Великого князя Новгорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Полотцакого, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всеа Сибирские земли и Северные страны Повелителя и Государя Иверские земли, Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей, и иных многихъ государствъ Государя и обладателя, нашего царского Величества мило-

стивое слово, с великимъ жалованьемъ повеленье Кучюму царю. Из давныхъ лет Сибирское Государство была вотчина прародителей нашихъ, блаженные памяти Великихъ государей русскихъ царей, как еще на Сибирскомъ государстве былъ деда твои Ибакъ царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашимъ прародителемъ Великимъ государемъ царемъ; а после деда твоего Ибака царя, были на Сибирскомъ Государ[стве] князи Таибугина роду Магмет [князь], [по]сле его Казы князь, а после Казыя Едигерь князь, и те все князи деду нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, и отцу нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, с Сибирские земли дань давали.

А как ты, Кучюмъ царь, учинился в Сибирской земле царемъ, и ты отцу нашему[...] Ивану Васильевичю всеа Русии послушен былъ, и дань с Сибирские земли присылалъ; а отецъ нашъ[...], тебя в своемъ царскомъ жалованье держалъ подь своею царскою высо[кою] рукою; а после того ты, Кучюмъ царь, от отца нашего[...] и отъ его царского жалованья отсталъ[...], непослушникомъ учинился еси, и дани давати не почаль еси, и сына боярского Третьяка Чебукова, который былъ посланъ для дани, убиль еси, и на наши украинные места в Пермскую землю войною многижда приходил еси. [...] А какъ, по нашего царского Величества повеленью, наши люди пришедъ в Сибирь тебя с царства согнали и Сибирскую землю взяли, а ты пошелъ в казакахъ кочевати и во многие времена, будучи еси на поле, нашему Царскому Величеству грубости и непослу[шание] у[чинил] еси, мимо наше царское жалованье самъ ты, Кучюмъ царь, на Сибирские во[ло]сти приходи[л]; а с тобою б[ыл] [плем]янный твой Магметъ Кул царевичъ, да сынъ твой Абдюль Хаир царевичъ, и те оба царевичи нашимъ людемъ в руки попались [...] несмотря на твои грубости и неправды, племяннику твоему Магмет Кулу царевичу и сыну твоему Абдюль Хаирю царевичю казнь имъ смертную отдали, и пожаловали в нашемъ государстве устроить велели своимъ царскимъ жалованьемъ, города и волостями и деньгами устрои[ти][...] А ныне [...] в нашей отчине в Сибир[ской] земле города поставлены, и в техъ городахъ осадные люди с вогненнымъ боемъ уст-

роены; а большие своей рати в Сибирскую землю на тебя, на Кучюмя царя, послати есмя не велели для того, что ожидали от тебя, от Кучюмя царя, [...] что ты, узнавъ свои вины и неправды, нашему Царскому Величеству добьешь челом...

[...] [П]реж сего, тому четвертой годъ, присылал еси нашему царскому Величест[ву] человека своего Магметя с грамотою[...], писалъ еси с [...] прошеньем, чтобъ[...] тебя пожал[овати], юрть твой тебе отдати и племянника твоего отпустить к тебе, а ты в нашемъ царском жалованье будешь подь нашею царскою высокою рукою. И мы [...] хотели тебя пожаловати устроить на Сибирской земле царемъ, какъ было тебе быти в нашемъ царскомъ жалованье впередь крепку и неподвижну; а племянникъ твой Магметъ Куль царевичъ ныне устроень в нашемъ государстве, и пожалованъ города и волостями[...], служить нашему Царскому Величеству; и после того приехалъ к нашему Царскому Величеству в службу ис твоего улусу Чинь мурза, Иль мурзин сынъ, Исуповъ, с своимъ улусо[м] и наше Царское Величество Чинь мурзу пожеловали и волостями и деньгами [] а [...] кове мере казакомъ кочюешь на поле не со мно[огими] своими людьями, то [...] [ве]домо. А которые Нагайские улусы Тайбугинъ юрть, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали, на которыхъ людей была тебе большая надежда; а Чинь мурза отъехалъ к нашему Царскому Величеству [...], а достальные твои люди от тебя пошли прочь с царевичи с Канаемъ да с Ыделинемъ, а иные пошли в Бухары и в Нагаи и в Казацкую Орду, а тобою ныне люди немногие [] наше Царское жалованое и милостивое слово тебе объявляемъ, чтобы ты, Кучюмъ царь, ехалъ к нашему Царскому Величеству [...] и мы тебя пожалуемъ [...], устроить велимъ города и волостями и денежнымъ жалованьем, [...] похочешь быти на пр[еж]немъ своемъ юрте в Сибири[...], пожалуемъ на Сибирской з[емле] царемъ, и в нашемъ Царскомъ жалованье уч[нем] тебя держати милостиво.

**5.11. Послание османского султана Селима II
царю Ивану IV о необходимости передачи
Астрахани султану, Казани – крымскому хану.
(979 г., джумада I 17 = 1571 г., октября 7)**

BOA, Mühimme Defteri № 16, s. 2–3, hüküm 3. Подлинник
НА РТ, ф. 169, оп. 1, д. 36, л. 93–94. Ксерокопия

Опубликовано по: Kurat A.N. Türkiye ve İdil Boyu (1569 Astarhan Seferi, Ten – İdil Kanalı ve XVI – XVII Yüzyıl Münasebetleri). – Ankara, 1966. – S. 049-050; Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les Registres des «Affaires importantes» des Archives ottomans // CMRS. – 1967. – Т. 8. – № 3. – P. 427–446; Усманов М. Два послания султана Селима II в Москву и Бахчисарай // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Май 1995. – С. 93–101; ОБК. – С. 8–10 (транскрипция на совр. тур. алфавит), 239–240 (факсимиле); Мөстәкыймов И.А. Идел буе өчен көрәш тарихына караган берничә документ // Казань в Средние века и раннее Новое время. – Казань, 2006. – С. 99–108.

Перевод

Московскому королю пусть будет написано [нижеследующее] августейшее послание.

К нашему высокому Двору – прибежищу мира и высочайшему Порогу – обиталищу счастья, являющимся резиденцией славных султанов и местопребыванием высокостепенных хаканов, с Вашим послом Андреем Кузьминским прибыло Ваше послание, исполненное [изъявлений] дружбы. [В нем] Вы сообщаете о том, что в соответствии с [требованиями, изложенными в] нашем [ранее направленном] августейшем послании относительно разрушения построенной ранее по просьбе князя области Кабарда и подвластных ему [людей] крепости, вышеуказанная крепость была разрушена, находившиеся в ней люди переведены в Астраханскую крепость, правителю вышеназванной крепости был дан строгий наказ относительно недопущения нанесения вреда путникам, следующим из Самарканда и Бухары в наши пределы, ворами и разбойниками, а также о Вашем искреннем и прямодушном нахождении в [отношениях] подчинения и дружбы с нашей могущественной Портой.

[Это] и все остальное, о чем написано [в вашем послании], было подробным образом доложено и представлено к подножию нашего счастливого трона, [после чего] было объято и охвачено моим благородным миробъемлющим императорским познанием. Слава Аллаху Всевышнему, я восседаю на троне господства и миродержавия и на престоле халифата и благоденствия, пребывая в радости и благодости. Для повержения находящихся в разных сторонах и концах врагов [я], уповая на высочайшую милость Господа Бога – да славится Он и да возвысится! – прибегая к помощи многожды благословенных чудес главы всего сущего и гордости [всех] созданий – да будет над ним лучшая из молитв и мир! – и испрашивая помощи у священных душ досточтимых угодников, поставил во главе войск мусульман и ратей единопольников достойных командующих и направил их в разные стороны. Каждый из них, достигнув презренных врагов, милостью Аллаха Всевышнего нанес им поражения и захватил находящиеся в их областях крепости. [Таким образом, Богом] нам были дарованы различные победы и одоления. В частности, милостью Аллаха Всевышнего, согласно нашему высочайшему желанию, нашей сокрушающей императорской мощью мы смогли завоевать один из больших островов Кипр, до недавнего времени принадлежавший Венеции, чего не удавалось многим могущественным султанам, прилагавшим для [этого] много сил и стараний. Ныне [же] он стал одним из наших Богохранимых владений. Несомненно, что нам предначертаны и многие другие великие победы. Надеемся, что Господь Всевышний предопределил это наилучшим образом.

Наша счастливая Порта постоянно открыта, и нет никаких препятствий для приходящих ни с дружбой, ни с враждой. Поскольку крепости Эджерхан и Казань издревле являлись местом обитания приверженцев ислама, то для того, чтобы они по прежнему были местопребыванием мусульман, [нами] сочтена уместной передача [Вами] крепости Эджерхан нашему Порогу Счастья, а крепости Казань – находящемуся в [отношениях] большой преданности, чрезвычайной приверженности и дружбы к нашему счастливому Порогу, его эмирскому высочеству, опоре наместничества Девлет-Гирей-

хану – да будут вечными его благородные качества! Таким образом, если Вы желаете со всей преданностью быть в подчинении к нашему счастливому Порогу, не полагайте, что отсрочка и нерадение в деле передачи вышеназванных крепостей вышеописанным образом являются подобающими. Поскольку до настоящего времени [все] те, кто искренне и твердо следует путем подчинения нашей счастливой Порте, вкушают радости нашего покровительства и благоволения и облагодетельствованы под нашей счастливой сенью, а жители их областей и стран полностью защищены от притесняющей длани недругов, правители многих стран, приложив много стараний и усердия, желая дружбы нашего Порога Счастья, отказались от [владения] многими крепостями и землями, находившимися в подвластных им странах и областях, и не преступают пределов покорности и повиновения.

Если Вашим заветным желанием также является пребывание в покорности и повиновении к нашей могущественной Порте, необходимо, чтобы по получении нашего августейшего послания Вы не колеблясь приложили старания для передачи нам вышеназванных крепостей, дабы прочности здания [нашей] дружбы не было нанесено ущерба и ни у кого не было возможности действовать вопреки [нашим] дружественным отношениям. Поэтому [мы ожидаем, что] с Вашей стороны условия дружбы также будут выполняться, и Вы не преминете извещать наш Порог Счастья о предметах, о которых необходимо извещать и уведомлять.

Примечания:

1. Над текстом документа справа: «Переписано [набело]».
2. Над текстом документа в центре: «[Оригинал послания] передан господину паше *17 джумада II 979 года».

Перевод Вадима Трепавлова

Краткая история Золотой Орды и татарских ханств.
К 750-летию Золотой Орды

Научное издание

Оригинал-макет – Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина

Подписано в печать 15.05.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆

Усл. печ. л. 8,5 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46,

231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:

<http://татаровед.рф/departments/6/>

<http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/>